DOCUMENT RESUME

ED 052 650 FL 002 378

TITLE	Russian Basic Course: Reader, Volume II.
INSTITUTION	Defense Language Inst., Washington, D.C.
SPONS AGENCY	Department of Defense, Washington, D.C.
REPORT NO	R-01RU47
PUB DATE	Jun 71
NOTE	301p.
AVAILABLE FROM	Director, Defense Language Institute, Department of the Army, U.S. Naval Station, Anacostia Annex, Washington, D.C. 20390 (With specific permission)
EDRS PRICE	EDRS Price MF-$0.65 HC Not Available from EDRS.
DESCRIPTORS	Colleges, Cyrillic Alphabet, Instructional Materials, *Language Instruction, *Modern Languages, Reading Instruction, *Reading Materials, Russian, *Russian Literature, *Short Stories, Textbooks, Vocabulary Development

ABSTRACT

This anthology of short stories is representative of well-known 19th and 20th century Russian writers. Eleven stories, often adapted or abridged, are arranged in order of increasing difficulty and intended for use in intermediate and advanced phases of the Russian Basic Course. The selections, all in Cyrillic script, include: (1) A. S. Pushkin's "The Station Master," "The Shot," "The Queen of Spades," and "The Captain's Daughter"; (2) L. N. Tolstoy's "The Captive of the Caucasus"; (3) A. B. Chekhov's "At the Summer House" and "Fat and Thin"; (4) L. S. Lench's "The Fine"; (5) I. A. Ilf's and E. P. Petrov's "Tonya"; (6) K. G. Paustovsky's "Snow"; and (7) M. A. Sholokhov's "The Fate of a Man." Russian-English vocabulary lists are included. (RL)

ED052650

01RU47

R U S S I A N

Basic Course

READER

Volume II

U.S. DEPARTMENT OF HEALTH, EDUCATION & WELFARE
OFFICE OF EDUCATION

THIS DOCUMENT HAS BEEN REPRODUCED EXACTLY AS RECEIVED FROM THE PERSON OR ORGANIZATION ORIGINATING IT. POINTS OF VIEW OR OPINIONS STATED DO NOT NECESSARILY REPRESENT OFFICIAL OFFICE OF EDUCATION POSITION OR POLICY.

June 1971

DEFENSE LANGUAGE INSTITUTE

FL 002 378

DEFENSE LANGUAGE INSTITUTE

This pamphlet is for use by the faculty, staff and students of the Defense Language Institute solely for official purposes. It is NOT for general distribution. It may NOT be released to other persons, quoted or extracted for publication, or otherwise copied or distributed without specific permission in each instance from the Director, Defense Language Institute.

"PERMISSION TO REPRODUCE THIS COPYRIGHTED MATERIAL BY MICROFICHE ONLY HAS BEEN GRANTED BY Defense Language Inst. TO ERIC AND ORGANIZATIONS OPERATING UNDER AGREEMENTS WITH THE U. S. OFFICE OF EDUCATION. FURTHER REPRODUCTION OUTSIDE THE ERIC SYSTEM REQUIRES PERMISSION OF THE COPYRIGHT OWNER."

Roy M Kessler

ROY M. KESSLER
Colonel, USA
Director

PREFACE

This collection includes short stories of well-known XIX and XX century Russian writers as well as those from the contemporary Soviet period.

The original texts have been adapted and abridged.

The short stories in this Reader have been arranged in the order of increasing difficulty and are intended for use in intermediate and advanced phases of the Russian Basic Course.

A vocabulary comprising words and idiomatic expressions not familiar to all students is supplied at the end of each story.

All inquiries concerning these materials, including requests for authorization to reproduce part or all of it, should be addressed to the Director, Defense Language Institute, U.S. Naval Station, Anacostia Annex, Washington, D.C. 20390.

TABLE OF CONTENTS

Story	Author	Page
The Station Master	A.S.Pushkin	3
The Shot	A.S.Pushkin	24
The Queen of Spades	A.S.Pushkin	45
The Captain's Daughter	A.S.Pushkin	71
The Captive of the Caucasus	L.N.Tolstoy	135
At the Summer House	A.P.Chekhov	150
Fat and Thin	A.P.Chekhov	157
The Fine	L.S.Lench	163
Tonya	I.A.Ilf and E.P.Petrov	177
Snow	K.G.Paustovsky	242
The Fate of a Man	M.A.Sholokhov	258

Александр Сергеевич

ПУШКИН

1799 ~ 1837

Александр Сергеевич Пушкин - великий поэт, прозаик и драматург, родоначальник русской художественной литературы, создатель современного русского литературного языка.

Пушкин родился в Москве. Принадлежал к старинному дворянскому роду. С 1811 по 1817 г. учился в Царскосельском лицее.

В печати первое стихотворение Пушкина появилось в 1814 году. К 1820 г., когда он написал поэму "Руслан и Людмила", Пушкин был уже сложившимся поэтом.

За свои политические эпиграммы был выслан из Петербурга (1820 г.) на юг.

В южной ссылке были созданы романтические поэмы "Кавказский пленник", "Бахчисарайский фонтан", "Братья разбойники, "Цыганы".

В 1824 г. Пушкин был сослан в имение отца - село Михайловское. Там была написана историческая трагедия "Борис Годунов" и несколько глав романа в стихах "Евгений Онегин", который является первым русским реалистическим романом.

В 1826 г. Пушкин вернулся из ссылки. С 1826 по 1830 гг. были созданы "Полтава", "Домик в Коломне", "Повести Белкина". В 30-х годах в творчестве Пушкина преобладает проза ("Дубровский", "Пиковая дама", "Капитанская дочка" и др.). В это же время им создана поэма "Медный всадник".

Пушкин основал журнал "Современник", ставший лучшим периодическим изданием XIX века.

27 января 1837 г. Пушкин был смертельно ранен на дуэли и умер 29 января 1937 года.

СТАНЦИО́ННЫЙ СМОТРИ́ТЕЛЬ

ПО А.С.ПУ́ШКИНУ

1. Ду́ня

Э́то бы́ло ле́том в 1816 году́. Мне ну́жно бы́ло прое́хать че́рез городо́к Н. Я был уже недалеко́ от ста́нции, когда́ пошёл си́льный дождь. Я прие́хал на ста́нцию весь мо́крый от дождя́. Мне бы́ло хо́лодно, и я хоте́л перемени́ть оде́жду и вы́пить ча́ю.

-Ду́ня! - позва́л станцио́нный смотри́тель, - принеси́ самова́р! При э́тих слова́х в ко́мнату вошла́ де́вушка лет четы́рнадцати. Кака́я она́ была́ краса́вица!

- Э́то твоя́ дочь? - спроси́л я смотри́теля. - Да, - отве́тил смотри́тель и с любо́вью посмотре́л на неё. - Моя́ Ду́ня де́вушка у́мная, до́брая и хозя́йка хоро́шая. Поря́док лю́бит. Вся в мать.

Ду́ня пошла́ за самова́ром. Я дал отцу́ Ду́ни мой па́спорт, а сам на́чал осма́тривать ко́мнату станцио́нного смотри́теля. Всё в ко́мнате бы́ло чи́сто и да́же краси́во. На о́кнах цветы́, на сте́нках карти́нки, в углу́ крова́ть. Везде́ был поря́док. Че́рез не́сколько мину́т Ду́ня пришла́ с самова́ром. Ма́ленькая краса́вица заме́тила, что она́ о́чень понра́вилась мне. Она́ посмотре́ла на меня́ свои́ми больши́ми све́тлыми глаза́ми и

мы на́чали разгова́ривать. Ду́ня говори́ла со мной про́сто и уве́ренно. Ви́дно бы́ло, что она́ привы́кла разгова́ривать с прое́зжими людьми́ и что она́ их не боя́лась.

Я пригласи́л смотри́теля и его́ дочь вы́пить со мной ча́ю. Мы с Ду́ней пи́ли чай, а отцу́ я дал вина́. Мы до́лго сиде́ли за столо́м и разгова́ривали, как ста́рые друзья́. Че́рез не́которое вре́мя дождь прошёл. Мне ну́жно бы́ло е́хать да́льше, но я не хоте́л уезжа́ть от смотри́теля и его́ до́чери. Наконе́ц я попроща́лся. Оте́ц пожа́л мне ру́ку и пожела́л мне всего́ хоро́шего. Дочь вы́шла за мной. Мои́ ло́шади бы́ли уже́ гото́вы. Мы вы́шли из до́ма. Я посмотре́л на ма́ленькую краса́вицу и спроси́л её:

– Ду́ня, мо́жно тебя́ поцело́ва́ть? – Да, мо́жно, – про́сто отве́тила Ду́ня. Мы останови́лись у до́ма и я поцелова́л её. Э́тот поцелу́й я до́лго по́мнил.

2. Опя́ть у смотри́теля

Прошло́ не́сколько лет. Мне опя́ть ну́жно бы́ло прое́хать че́рез городо́к Н. По доро́ге я ду́мал, как хорошо́ бу́дет сно́ва уви́деть смотри́теля и его́ дочь. С э́тими мы́слями я подъезжа́л к ста́нции. Мои́ ло́шади останови́лись у до́ма смотри́теля. Я откры́л дверь и вошёл в ко́мнату, кото́рую так хорошо́ по́мнил. Стол и крова́ть стоя́ли на том же ме́сте, но на о́кнах не́ было

цветóв. Я посмотрéл кругóм и сейчáс же заметил, что кóмната былá ужé не та; не тот порядок, не так чúсто. По всемý вúдно бúло, что в дóме нé было хозя́йки.

Смотрúтель спал. Я стоя́л у егó крова́ти и не знал, что дéлать. Чéрез нéсколько минýт он откры́л глазá и встал. Передо мнóй стоя́л стáрый, больнóй человéк. Я с трудóм узнáл станцúóнного смотрúтеля.

Что стáло с ним? Ведь прошлó тóлько три гóда. Как мог он за э́то коротóкое врéмя стать такúм старикóм? С тяжёлым сéрдцем я смотрéл на больнóго старикá, на егó устáлое лицó и печáльные глазá.

- Ты меня́ не узнаёшь? - спросúл я егó, - мы ведь стáрые друзья́!

- Мóжет быть, - ответúл он сердúтым гóлосом. - - Здесь дорóга большáя. Мнóго людéй проезжáет.

- А как Дýня? - продолжáл я спрáшивать.

- Бог её знáет, - ответúл он сердúто.

- Где же онá? Вы́шла замýж? - спросúл я опя́ть. Старúк ничегó не ответúл, как бýдто не слы́шал меня́. Я бóльше ничегó не спрáшивал и тóлько попросúл егó принестú мне чáю.

Прошлó нéкоторое врéмя. Старúк вернýлся с самовáром. Мы сéли за стол. Я нáчал пить чай, а старику́ дал винá. Он вы́пил одúн стакáн, а потóм другóй. Понемнóгу, от винá егó лицó стáло яснéе. Он бóльше не

серди́лся и да́же говори́ть стал други́м го́лосом. Ви́дно бы́ло, что он тепе́рь узна́л меня́.

- Так вы по́мните мою́ Ду́ню? - сказа́л он. - Ах, Ду́ня, Ду́ня! Что за де́вушка была́. Все прое́зжие её люби́ли. Иногда́ остана́вливались пообе́дать, а ведь то́лько хоте́ли на Ду́ню посмотре́ть и с ней поговори́ть! С како́й не́жностью бе́дный смотри́тель говори́л о свое́й до́чери.

Я дал ему́ ещё оди́н стака́н вина́. Он сиде́л в молча́нии. Ви́дно бы́ло, что он ду́мал о свое́й до́чери.

- Иногда́ приезжа́ет ба́рин уста́лый и серди́тый, но как то́лько Ду́ня прихо́дит в ко́мнату, ба́рин на неё посмо́трит и бо́льше не се́рдится. Как я люби́л мою́ Ду́ню! Но ко́нчилось и на́ше сча́стье и я потеря́л свою́ дочь.

Тут он на́чал расска́зывать о своём несча́стье.

3. Расска́з смотри́теля

Э́то бы́ло три го́да тому́ наза́д. Одна́жды по́здно ве́чером, когда́ Ду́ня сиде́ла в свое́й ко́мнате и ши́ла себе́ пла́тье, к до́му подъе́хала тро́йка. Прое́зжий, в высо́кой ша́пке и вое́нной фо́рме, с больши́м шу́мом вошёл в ко́мнату и на́чал крича́ть: "Где ло́шади? Мне ну́жно е́хать да́льше. Да́йте мне сейча́с же лошаде́й!" - Лошаде́й не́ было. Ду́ня привы́кла к таки́м сце́нам. Как то́лько она́ услы́шала шум, она́ вы́бежала из свое́й

ко́мнаты и спроси́ла прое́зжего:

– Не хоти́те ли пообе́дать, ба́рин?

– Хорошо́, – сказа́л он, – пообе́дать мо́жно. Я о́чень голоден.

Прое́зжий смотре́л на краса́вицу Ду́ню и ви́дно бы́ло, что он бо́льше не серди́лся. Он снял ша́пку и свою́ мо́крую оде́жду. Это был высо́кий краси́вый офице́р с больши́ми тёмными глаза́ми. Он сел на скаме́йку и на́чал разгова́ривать со смотри́телем и его́ до́черью.

– Иди́, Дуня́ша, принеси́ обе́д, – сказа́л смотри́тель. – Ба́рин о́чень го́лоден. Ду́ня принесла́ обе́д. Ме́жду тем пришли́ ло́шади. Смотри́тель пошёл посмотре́ть, гото́ва ли тро́йка для молодо́го офице́ра. Когда́ он верну́лся, молодо́й прое́зжий лежа́л на скаме́йке. Ему́ бы́ло о́чень пло́хо. У него́ си́льно боле́ла голова́. Что де́лать?

Смотри́тель положи́л больно́го на свою́ крова́ть. Прошло́ не́сколько часо́в, но офице́ру не ста́ло лу́чше. У него́ всё ещё боле́ла голова́ и он не мог е́хать да́льше. Ду́ня не отходи́ла от больно́го. Она́ всё вре́мя сиде́ла у его́ крова́ти и ши́ла. Больно́й ча́сто проси́л пить, и ка́ждый раз, когда́ Ду́ня подава́ла ему́ холо́дный квас, он жал ей ру́ку и до́лго смотре́л на неё свои́ми тёмными глаза́ми. При смотри́теле больно́й офице́р не говори́л почти́ ни сло́ва. Каза́лось, что ему́ бы́ло о́чень

пло́хо, но он всё-таки вы́пил два стака́на ча́ю и пообе́дал с больши́м аппети́том.

На друго́й день больно́му ста́ло ху́же. Смотри́тель посла́л за до́ктором. К обе́ду прие́хал до́ктор. Он на́чал счита́ть пульс больно́го, посмотре́л ему́ в го́рло, поговори́л с ним не́сколько мину́т по-францу́зски, а пото́м сказа́л смотри́телю по-ру́сски: - Ваш прое́зжий о́чень бо́лен. Ему́ нельзя́ продолжа́ть пое́здку. Он до́лжен лежа́ть в крова́ти не́сколько дней.

Молодо́й офице́р дал до́ктору два́дцать рубле́й за визи́т и пригласи́л его́ пообе́дать с ним. До́ктор согласи́лся. По́дали обе́д. До́ктор и офице́р е́ли с больши́м аппети́том и вы́пили мно́го вина́. До́ктору ну́жно бы́ло е́хать да́льше. Он кре́пко пожа́л офице́ру ру́ку и они́ попроща́лись.

Прошёл ещё оди́н день. Больно́му ста́ло лу́чше. По всему́ до́му мо́жно бы́ло слы́шать смех офице́ра. Он пел пе́сни, гро́мко смея́лся и ве́село разгова́ривал с прое́зжими. Он всем о́чень нра́вился. А до́брому смотри́телю да́же жаль ста́ло, что офице́р до́лжен ско́ро уе́хать.

4. Отъе́зд офице́ра

Пришёл день отъе́зда. Бы́ло о́чень тепло́. День был я́сный. На не́бе ни одного́ о́блака. Ду́ня стоя́ла у до́ма и ве́село разгова́ривала с сосе́дями. На ней

бы́ло но́вое пла́тье. Бы́ло воскресе́нье и она́ хоте́ла идти́ в це́рковь. Тро́йка была́ гото́ва. Офице́р попроща́лся со смотри́телем, поблагодари́л его́ и хорошо́ за всё заплати́л. Он подошёл к Ду́не, попроща́лся с ней и спроси́л её:

- Вы, Ду́ня, в це́рковь идёте? До це́ркви, ка́жется, далеко́. Не хоти́те ли вы со мной пое́хать? Нам ведь по доро́ге. Ду́ня ничего́ не отвеча́ла.

- Что же ты молчи́шь, Дуня́ша? Поблагодари́ ба́рина. До це́ркви далеко́. Поезжа́й с ба́рином. Ведь ба́рин не волк, - боя́ться не́чего ... Поезжа́й, Дуня́ша. Ду́ня се́ла о́коло офице́ра и они́ бы́стро пое́хали. Прошёл час, друго́й. Смотри́тель сиде́л до́ма и, как всегда́, ждал свою́ дочь. Но Ду́ни всё не́ было. Наконе́ц он сам пришёл в це́рковь. Когда́ смотри́тель подходи́л к це́ркви, две стару́хи прошли́ ми́мо него́.

- Дуня́шу мою́ не ви́дели сего́дня? - спроси́л он. - Нет, не ви́дели, - отве́тили стару́хи и пошли́ да́льше. Когда́ смотри́тель подошёл бли́же, он уви́дел, что у це́ркви никого́ не́ было. Он вошёл в це́рковь. Там бы́ло темно́. То́лько у ико́н горе́ло не́сколько свече́й. Ду́ни в це́ркви не́ было. "Где Ду́ня?" - поду́мал стари́к. - "Мо́жет быть она́ пошла́ к сосе́дям? Мо́жет быть она́ пое́хала с офице́ром до друго́й ста́нции? Но нет! Ведь Ду́ня всегда́ приходи́ла из це́ркви пря́мо домо́й". У него́

кружи́лась голова́. Всё бы́ло как в тума́не и он не мог ничего́ поня́ть. Бе́дный смотри́тель пришёл домо́й ни живо́й, ни мёртвый. К ве́черу верну́лась тро́йка без Ду́ни.

– Ва́ша Ду́ня уе́хала с офице́ром. – Э́то бы́ло всё, что ему́ сказа́л ку́чер. Бе́дный оте́ц не понима́л, как он мог сам посла́ть Ду́ню с офице́ром. Ведь он сам ей сказа́л, что боя́ться не́чего. Как мог он быть таки́м слепы́м? Как жить ему́ без Ду́ни?

Тяжело́ бы́ло бе́дному смотри́телю. Он опа́сно заболе́л. Тот же до́ктор прие́хал к нему́. Бе́дный смотри́тель лежа́л в той же ко́мнате, где не́сколько дней тому́ наза́д его́ дочь, Ду́ня, подава́ла молодо́му офице́ру квас.

Стари́к рассказа́л до́ктору о своём несча́стье и тогда́ до́ктор сказа́л ему́: "Когда́ я сюда́ прие́хал, офице́р сказа́л мне по-францу́зски, что он не хо́чет уезжа́ть отсю́да. Ва́ша дочь ему́ о́чень понра́вилась. Он проси́л меня́ сказа́ть вам, что он так опа́сно бо́лен, что не мо́жет е́хать да́льше. Я снача́ла не соглаша́лся, но ваш прое́зжий показа́л мне свой пистоле́т. Я о́чень испуга́лся и не знал, что де́лать. Поэ́тому я вам тогда́ ничего́ об э́том не сказа́л." Тепе́рь бе́дному отцу́ всё ста́ло я́сно. Он всё по́нял. Стари́к го́рько запла́кал.

5. Смотри́тель и́щет дочь

Стари́к до́лго боле́л, но к концу́ ле́та ему́ ста́ло лу́чше. Это бы́ло тяжёлое вре́мя для ста́рого смотри́теля. С у́тра до ве́чера стари́к ду́мал о свое́й до́чери. Как то́лько он закрыва́л глаза́, перед ни́м стоя́л молодо́й офице́р, кото́рый увёз его́ дочь. Из па́спорта офице́ра смотри́тель знал, что и́мя его́ Ми́нский. Смотри́тель да́же по́мнил, что Ми́нский е́хал из Смоле́нска в Петербу́рг. По ноча́м стари́к не мог спать. Мы́сли о его́ несча́стной до́чери приходи́ли ему́ в го́лову одна́ за друго́й. Он вспо́мина́л все разгово́ры офице́ра с его́ до́черью, его́ весёлые пе́сни, его́ гро́мкий смех. Стари́к тепе́рь вспо́мнил, как офице́р люби́л сиде́ть о́коло Ду́ни, как мно́го он ей расска́зывал о жи́зни в Петербу́рге. "Ку́чер мне сказа́л, что моя́ бе́дная Дуня́ша всю доро́гу пла́кала. Мо́жет быть моя́ Дуня́ша хо́чет верну́ться домо́й. Мне ну́жно идти́ в Петербу́рг иска́ть мою́ Ду́ню".

Раз по́здно но́чью, когда́ круго́м всё бы́ло ти́хо, стари́к откры́л дверь и вы́шел из до́ма. То́лько луна́ освеща́ла тёмную у́лицу. Бе́дный оте́ц пошёл пешко́м в Петербу́рг.

Там жил его́ друг, ста́рый сержа́нт, кото́рого он знал уже́ мно́го лет. Смотри́тель останови́лся у него́ в до́ме. На друго́й день он на́чал иска́ть Ми́нского. Стари́к ско́ро узна́л, где живёт офице́р, и ра́но у́тром

пошёл к нему́. У двере́й большо́го до́ма, где жил Ми́нский, стоя́л швейца́р. Стари́к подошёл к нему́:

- Скажи́ твоему́ ба́рину, что ста́рый солда́т хо́чет его́ ви́деть и с ним поговори́ть. Твой ба́рин меня́ хорошо́ зна́ет.

- Ника́к нельзя́. Ба́рин спит. Тепе́рь сли́шком ра́но. Он встаёт в де́сять часо́в.

Стари́к до́лжен был уйти́, но он верну́лся в де́сять часо́в. Швейца́р откры́л дверь и показа́л ему́ куда́ идти́. Ми́нский ско́ро вы́шел к нему́.

- Что тебе́ ну́жно? - спроси́л офице́р. Каза́лось, что Ми́нский не узна́л смотри́теля. Со слеза́ми на глаза́х стари́к ти́хо сказа́л:

- Где моя́ дочь? Отда́йте мне её. Заче́м вам Ду́ня? Как мне без неё жить? ... Отда́йте мне мою́ Ду́ню ...

Ми́нский бы́стро повёл старика́ в свою́ ко́мнату и закры́л за ним дверь. - Мне тебя́ жаль, - сказа́л Ми́нский, - я зна́ю, как тебе́ тяжело́. Я зна́ю, что тебе́ тру́дно без Ду́ни, но и я без неё жить не могу́. Ду́ня не мо́жет к тебе́ верну́ться. Тепе́рь по́здно об э́том ду́мать. Заче́м она́ тебе́? Ду́ня меня́ лю́бит. Она́ привы́кла к жи́зни в Петербу́рге. Поду́май то́лько: что за жизнь для неё бу́дет тепе́рь у тебя́ на ма́ленькой ста́нции?

Стари́к стоя́л и слу́шал. Он не мог сказа́ть ни сло́ва. Офице́р ещё до́лго расска́зывал, как сча́стлива Ду́ня, как она́ привы́кла к своему́ до́му и к краси́вым вещам и как она́ лю́бит свою́ но́вую жизнь в э́том большо́м го́роде. Пото́м офице́р вложи́л отцу́ что́-то в ру́ку и откры́л ему́ дверь. Смотри́тель вы́шел на у́лицу. Не́которое вре́мя он стоя́л перед до́мом, как во сне. Вдруг он заме́тил, что у него́ в рука́х де́ньги. Ему́ их дал офице́р, кото́рый увёз его́ дочь. Со слеза́ми на глаза́х бе́дный оте́ц смотре́л на де́ньги. Пять ... де́сять ... пятна́дцать рубле́й ... .

Го́рько и оби́дно бы́ло старику́. Он серди́то бро́сил де́ньги на зе́млю и бы́стро пошёл по у́лице. Че́рез мину́ту он останови́лся, поду́мал и верну́лся. Но де́нег на земле́ бо́льше не́ было. Хорошо́ оде́тый молодо́й челове́к по́днял де́ньги. Ста́рый смотри́тель э́то ви́дел, но ничего́ не сде́лал.

6. Оте́ц и дочь

На друго́й день смотри́тель реши́л верну́ться домо́й на свою́ ста́нцию. "То́лько бы ещё раз уви́деть мою́ Ду́ню", - ду́мал бе́дный оте́ц, - "то́лько бы в после́дний раз на неё посмотре́ть". Че́рез два дня он сно́ва пошёл к до́му Ми́нского. Стари́к подошёл к дверя́м и постуча́л. Швейца́р вы́шел к нему́ и серди́то закрича́л:

– Зачём опять пришёл? Что тебе́ здесь ну́жно?

– Твой ба́рин до́ма? Мне ну́жно его́ ви́деть, – спроси́л стари́к.

– Я сказа́л тебе́, что сюда́ нельзя́. Ба́рина нет до́ма.

Швейца́р вы́толкнул бе́дного смотри́теля на у́лицу и закры́л за ним дверь. Но стари́к всё ещё не уходи́л. Он стоя́л на у́лице перед закры́той две́рью и ду́мал о своём несча́стье.

В тот же ве́чер смотри́тель пошёл в це́рковь. Он до́лго стоя́л перед ико́ной и моли́лся. Он моли́лся за свою́ бе́дную Ду́ню. Наконе́ц он вы́шел из це́ркви и ме́дленно пошёл домо́й. Был пра́здник и на у́лицах бы́ло мно́го люде́й. Вдруг ми́мо него́ бы́стро прое́хал молодо́й офице́р. Э́то был Ми́нский. Стари́к сейча́с же узна́л его́. Тро́йка Ми́нского останови́лась перед высо́ким до́мом недалеко́ от це́ркви. Смотри́тель ви́дел, что Ми́нский вошёл в дом. Счастли́вая мысль пришла́ ему́ в го́лову. Он подошёл к до́му, куда́ вошёл Ми́нский, и спроси́л ку́чера:

– Скажи́ мне, чьи э́то ло́шади, не Ми́нского-ли?

– А ты почему́ спра́шиваешь? Заче́м тебе́ знать?

– Твой ба́рин проси́л меня́ переда́ть Ду́не э́то письмо́, а я вот не зна́ю, где живёт Ду́ня.

– Здесь она́ живёт, в э́том до́ме, – отве́тил ку́чер.

– То́лько сли́шком по́здно ты пришёл с письмо́м. Тепе́рь он сам у неё.

–Ну, что же? Де́лать не́чего. Жаль, что я опозда́л, но всё равно́, я до́лжен переда́ть письмо́.

С э́тими слова́ми смотри́тель подошёл к две́ри до́ма и постуча́л. Прошло́ не́сколько тяжёлых секу́нд. Молода́я служа́нка откры́ла ему́ дверь и он вошёл в тёмный коридо́р.

– Что вам ну́жно? – спроси́ла его́ служа́нка Ду́ни.

– Твоя́ хозя́йка до́ма? – ти́хо спроси́л стари́к.

– Да, она́ до́ма.

– У меня́ для неё письмо́.

– К ней тепе́рь нельзя́, – сказа́ла служа́нка. – Ты мо́жешь дать мне письмо́. У неё тепе́рь гость.

Стари́к ничего́ не отве́тил. Он бы́стро прошёл ми́мо служа́нки, подошёл к друго́й две́ри и откры́л её.

Перед ни́м была́ больша́я све́тлая ко́мната. Никогда́ стари́к не ви́дел тако́й краси́вой ко́мнаты и так мно́го прекра́сных вещей. Но глаза́ смотри́теля останови́лись на Ду́не. Ду́ня сиде́ла на дива́не. Она́ была́ оде́та по после́дней мо́де. Молодо́й офице́р держа́л её ру́ку, и она́ с любо́вью смотре́ла ему́ в глаза́. Бе́дный оте́ц! Никогда́ его́ дочь не каза́лась ему́ тако́й краси́вой.

– Кто там? – спроси́ла Ду́ня. Стари́к молча́л. Ду́ня

подняла́ го́лову, узна́ла его́, закрича́ла и упа́ла на́ пол.

Ми́нский на́чал её поднима́ть и то́же уви́дел ста́рого отца́, кото́рый всё ещё стоя́л у две́ри.

- Что тебе́ здесь ну́жно? - серди́то закрича́л он. - Что ты за мной везде́ хо́дишь? Сейча́с же уходи́ отсю́да!- Ми́нский откры́л дверь и си́льной руко́й вы́толкнул старика́ в коридо́р. Бе́дный оте́ц до́лго ходи́л по шу́мным у́лицам Петербу́рга. По́здно ве́чером он пришёл домо́й. Всю ночь смотри́тель говори́л со свои́м дру́гом, сержа́нтом, о своём несча́стье.

На друго́й день он за́нял де́ньги у своего́ дру́га и уе́хал из Петербу́рга домо́й, на свою́ ста́нцию. "Вот уже́ три го́да, как я живу́ без Ду́ни", продолжа́л расска́зывать стари́к. - "Хорошо́ ли ей тепе́рь, и́ли пло́хо - ничего́ не зна́ю. Жива́ ли она́ и́ли нет, - то́лько Бог зна́ет. Я ча́сто ду́маю, что мно́го в Петербу́рге таки́х де́вушек, как моя́ Ду́ня. Сего́дня им хорошо́, а за́втра смо́тришь, - они́ на у́лице. Иногда́ я да́же ду́маю, что лу́чше ей умере́ть. Сам мое́й до́чери моги́лы жела́ю."

Так ко́нчил свой печа́льный расска́з мой ста́рый друг, станцио́нный смотри́тель.

Во вре́мя расска́за он ча́сто остана́вливался, го́рько пла́кал, - и пил вино́ стака́н за стака́ном. Его́ слёзы си́льно тро́нули моё се́рдце. Когда́ я, наконе́ц, уе́хал, я ещё до́лго ду́мал о бе́дном старике́ и его́ до́чери.

7. Кла́дбище

Неда́вно я останови́лся в ма́ленькой дере́вне, недалеко́ от го́рода Н., и вспо́мнил о моём дру́ге. Я стара́лся узна́ть, что ста́ло с несча́стным старико́м, но я то́лько узна́л, что его́ ста́нции уже́ бо́льше нет. Когда́ я спроси́л, жив ли ста́рый смотри́тель, никто́ не мог мне дать отве́та. Я о́чень хоте́л сно́ва уви́деть моего́ дру́га и́ли услы́шать что́-нибудь о нём. В дере́вне мне да́ли лошаде́й и я реши́л пое́хать в го́род Н.

Бы́ло хо́лодно. На не́бе бы́ли тёмные ту́чи. Я останови́лся у до́ма, где не́сколько лет тому́ наза́д я поцелова́л Ду́ню.

Я до́лго стоя́л у две́ри и стуча́л. Из до́ма вы́шла молода́я же́нщина и спроси́ла, что мне ну́жно.

- Смотри́тель до́ма? - спроси́л я.

- Он у́мер год тому́ наза́д.

- Отчего́ же он у́мер?

- Сли́шком мно́го пил.

Я на́чал жале́ть о мое́й пое́здке и о семи́ рубля́х, кото́рые я заплати́л за лошаде́й.

- А где его́ моги́ла? - спроси́л я опя́ть.

- Недалеко́ отсю́да, ба́рин.

- Не мо́жет ли кто́-нибудь показа́ть мне доро́гу на кла́дбище?

– Мо́жно. Эй, Ва́нька, – закрича́ла она́. – Иди́ с ба́рином на кла́дбище. Он хо́чет ви́деть моги́лу смотри́теля.

Из до́ма вы́бежал ма́льчик лет десяти́.

– Ты знал смотри́теля? – спроси́л я ма́льчика.

– Как не знать? Я знал его́ хорошо́. До́брый он был. Люби́л игра́ть с на́ми, и все де́ти его́ о́чень люби́ли.

Мы вме́сте пошли́ на кла́дбище.

– Прое́зжие его́ по́мнят? Спра́шивают иногда́ о нём? – спроси́л я.

– Тепе́рь у нас прое́зжих ма́ло, но вот ле́том приезжа́ла да́ма. Она́ о нём спра́шивала. Приходи́ла к нему́ на моги́лу.

– Кака́я да́ма? Расска́жи мне, – спроси́л я ма́льчика.

– Краси́вая да́ма, – отве́тил ма́льчик, – бога́тая и до́брая. Приезжа́ла она́ сюда́ с тремя́ ма́ленькими детьми́, со служа́нкой и со ста́рым лаке́ем. Ба́рыня ста́ла спра́шивать о смотри́теле, и, когда́ ей сказа́ли, что он у́мер, она́ начала́ пла́кать и сказа́ла свои́м де́тям, что ей ну́жно пойти́ на кла́дбище. – Я хоте́л ей показа́ть, где кла́дбище, но она́ сказа́ла: – "сама́ доро́гу зна́ю", и дала́ мне рубль. Така́я до́брая была́ да́ма .

Мы пришли́ на кла́дбище. Я никогда́ не вида́л тако́го печа́льного ме́ста: ни цвето́в на моги́ле, ни да́же забо́ра вокру́г кла́дбища.

– Вот моги́ла ста́рого смотри́теля, – сказа́л мне ма́льчик и показа́л на моги́лу, над кото́рой стоя́л то́лько крест с ма́ленькой ико́ной.

– И она́ приходи́ла сюда́? – спроси́л я.

– Приходи́ла, – опя́ть на́чал расска́зывать ма́льчик. – Я смотре́л на неё отсю́да. Она́ краси́вые цветы́ принесла́ и на моги́лу положи́ла; сама́ на моги́ле лежа́ла и пла́кала. Пото́м она́ пошла́ в це́рковь, там до́лго моли́лась; мно́го де́нег дала́ для це́ркви и уе́хала.

Ма́льчик убежа́л домо́й, а я ещё до́лго стоя́л у моги́лы смотри́теля. На не́бе бы́ли тёмные ту́чи. Ско́ро пошёл ма́ленький дождь. Ста́ло темно́. Бы́ло по́здно, и мне ну́жно бы́ло е́хать да́льше. Мои́ ло́шади бы́ли гото́вы, и я уе́хал из городка́ Н.

СЛОВА́РЬ К РАССКА́ЗУ "СТАНЦИО́ННЫЙ СМОТРИ́ТЕЛЬ"

Глава 1

мо́крый	wet
вся в мать	just like (her) mother, living image of her mother
уве́ренно	confidently, assuredly
ви́дно	is seen, one can (could) see
прое́зжие лю́ди	transients, passers-by
не́который	some, certain
проща́ться попроща́ться	to bid farewell, to say good-bye
пожима́ть пожа́ть	to shake (a hand), squeeze
жела́ть пожела́ть	to wish
целова́ть поцелова́ть	to kiss
поцелу́й	kiss

Глава 2

сно́ва	once again, anew
мысль (f.)	thought, idea
круго́м	around
по всему́	by all indications, by everything
стари́к	old man (старуха -old woman)
уста́лый	tired

лицо́ (pl. ли́ца)	face
печа́льный	sad
серди́тый	angry, sullen
как бу́дто	as if
понемно́гу	little by little
не́жность	tenderness
молча́ние	silence
несча́стье	misfortune, trouble, ill luck

Глава 3

одна́жды	once, once upon a time
тро́йка	team of three horses
ша́пка	fur cap
крича́ть кри́кнуть	to shout, yell emit a yell
закрича́ть	to scream
сце́на	scene, outburst of temper, stage (theater)
квас	kvass (Russian homemade sour beverage)
пульс	pulse
визи́т	visit, call (medical)
соглаша́ться согласи́ться	to agree, consent
кре́пко	firmly, strongly
смех	laughter
пе́сня	song

Глава 4

благодари́ть поблагодари́ть	to thank
волк	wolf
ико́на	icon
свеча́	candle
кружи́ться закружи́ться	to spin, whirl
ку́чер	coachman
слепо́й	blind
пистоле́т	pistol
пуга́ться испуга́ться	to get frightened
го́рько	bitterly
пла́кать запла́кать	to cry, weep

Глава 5

несча́стный	unfortunate, unlucky, unhappy
вспомина́ть вспо́мнить	to recollect, recall
освеща́ть осветѝть	to illuminate, light up
швейца́р	doorman
каза́лось	it seemed
слеза́ (pl. слёзы)	tear, tears
вкла́дывать вложи́ть	to insert
оби́дно	hurting(ly)

Глава 6

выта́лкивать вы́толкнуть	to push out, force out
моли́ться помоли́ться	to pray
стуча́ть постуча́ть	to knock
служа́нка	female servant
гость	guest, visitor
мо́да	fashion, mode, style
держа́ть подержа́ть	to hold, keep
шу́мный	noisy
моги́ла	grave
тро́гать тро́нуть	to affect, touch (to move - emotional)

Глава 7

кла́дбище	cemetery
что́-нибудь	something
жале́ть пожале́ть	to regret, be sorry
крест	cross

В Ы́ С Т Р Е Л

по А.С.ПУ́ШКИНУ

1. Наш друг Си́львио

Я был тогда́ офице́ром и мы жи́ли в ма́леньком городке́. Все зна́ют жизнь офице́ра: у́тром мы у́чим солда́т, пото́м обе́д в рестора́не, а ве́чером вино́ и ка́рты.

В э́том го́роде мы никого́ не зна́ли. Не́ было ни одного́ до́ма, куда́ мы могли́ бы ходи́ть в го́сти. Молоды́х де́вушек бы́ло ма́ло, и да́же в ка́рты мы всё вре́мя игра́ли то́лько друг с дру́гом.

Но у нас там был оди́н знако́мый. Он не́ был вое́нным. Ему́ бы́ло о́коло тридцати́ пяти́ лет, и нам, молоды́м офице́рам, каза́лось, что он уже́ стар.

Э́то был у́мный, краси́вый и уве́ренный в себе́ челове́к. Он не люби́л мно́го говори́ть и никогда́ не расска́зывал нам о свое́й жи́зни. Ви́дно бы́ло, что у него́ была́ кака́я-то та́йна, и нам, молоды́м офице́рам, это, коне́чно, о́чень нра́вилось. Наш знако́мый каза́лся ру́сским, но и́мя его бы́ло не ру́сское. Его́ зва́ли Си́львио.

Си́львио был ра́ньше офице́ром. Никто́ не знал, почему́ он тепе́рь жил в э́том ма́леньком го́роде. Никто́ не знал, бога́тый ли был Си́львио челове́к и́ли бе́дный.

Иногда́ у него́ бы́ло мно́го де́нег, и тогда́ он жил бога́то. Иногда́ же де́нег у него́ бы́ло ма́ло, но для нас, офице́ров, его́ дом был всегда́ откры́т. Мы у него́ ча́сто обе́дали. К обе́ду всегда́ бы́ло о́чень мно́го вина́ и ча́сто да́же шампа́нское.

Кварти́ра у Си́львио была́ ма́ленькая и бе́дная, но везде́ бы́ло мно́го книг. Си́львио люби́л чита́ть вое́нные кни́ги и сентимента́льные рома́ны и он дава́л их на́шим офице́рам. У него́ была́ больша́я колле́кция пистоле́тов, и он прекра́сно стреля́л.

Как все офице́ры, мы ча́сто разгова́ривали о дуэ́лях. Си́львио не люби́л э́тих разгово́ров. Иногда́ мы проси́ли его́:

— Расскажи́те нам, Си́львио, о ва́ших дуэ́лях.

— Да, иногда́ дуэ́ли бы́ли , — хо́лодно отвеча́л Си́львио.

Мы, коне́чно, заме́тили, что ему́ неприя́тно бы́ло об э́том говори́ть, но мы ещё бо́льше хоте́ли узна́ть его́ та́йну.

Одна́жды челове́к де́сять на́ших офице́ров обе́дали у Си́львио. Пи́ли, как всегда́, о́чень мно́го вина́. По́сле обе́да мы сказа́ли на́шему хозя́ину, что мы

хоти́м игра́ть в ка́рты. Нам по́дали ка́рты, и мы на́чали игра́ть.

Си́львио почти́ никогда́ не игра́л, но в э́тот ве́чер он держа́л банк и запи́сывал счёт.

За столо́м сиде́л молодо́й офице́р, кото́рый неда́вно прие́хал в э́тот го́род. Мы его́ ма́ло зна́ли, и он был у Си́львио в пе́рвый раз. Всем бы́ло о́чень ве́село. Мы пе́ли пе́сни, пи́ли вино́ и шампа́нское и мно́го смея́лись.

Си́львио продолжа́л держа́ть банк и запи́сывать счёт. Вдруг молодо́й челове́к посмотре́л на Си́львио и сказа́л:

— Мне ка́жется, что вы сде́лали оши́бку .

Си́львио ничего́ не отве́тил и продолжа́л запи́сывать счёт. Молодо́й челове́к сказа́л ему́ ещё раз, что он сде́лал оши́бку в счёте. Си́львио опя́ть ничего́ не отве́тил, да́же не посмотре́л на офице́ра и продолжа́л писа́ть. Эта сце́на нам каза́лась о́чень весёлой, и мы гро́мко смея́лись. Тогда́ офице́р, весь кра́сный от игры́ и от шампа́нского, встал и бро́сил в Си́львио стака́н вина́, кото́рый он держа́л в руке́. Стака́н упа́л на́ пол.

Бле́дный и серди́тый, Си́львио подошёл к офице́ру и ти́хо сказал:

— Сейча́с же уходи́те отсю́да. Благодари́те Бо́га,

что э́то случи́лось у меня́ в до́ме .

Мы все, коне́чно, ви́дели э́ту сце́ну, но мы не сказа́ли ни одного́ сло́ва и ско́ро ушли́ домо́й. Мы жда́ли дуэ́ли.

2. Отъе́зд Си́львио

На друго́й день мы спра́шивали друг дру́га: "Ну, что? Жив ли ещё бе́дный офице́р?"

Но ско́ро э́тот офице́р сам подошёл к нам. Он был о́чень ве́сел и да́же смея́лся. Мы все на́чали его́ спра́шивать:

— Ну, как? Расскажи́те! Когда́ была́ дуэ́ль? Где Си́львио?

— Никако́й дуэ́ли не́ было , - отве́тил молодо́й челове́к. — Си́львио не посла́л ко мне секунда́нтов .

Прошло́ три дня. Дуэ́ли не́ было. Офице́р был ещё жив.

Ско́ро мы узна́ли, что у Си́львио с офице́ром был разгово́р и, что инциде́нт был ликвиди́рован. Прошло́ ещё не́которое вре́мя, никто́ об э́той исто́рии бо́льше не говори́л и всё бы́ло по-ста́рому.

Но я не мог поня́ть, почему́ у Си́львио не́ было дуэ́ли с офице́ром.

Си́львио меня́ о́чень люби́л, и мы ча́сто встреча́лись. Но по́сле э́того несча́стного ве́чера я приходи́л

к Си́львио не так ча́сто, как ра́ньше. Мой друг э́то ско́ро заме́тил.

Раз Си́львио пришёл к нам, офице́рам, и сказа́л:— Я то́лько что был на по́чте и получи́л письмо́ от ста́рого дру́га. Мне ну́жно сего́дня ве́чером уе́хать. Приходи́те все ко мне в го́сти. Мы пообе́даем у меня́ в после́дний раз, вы́пьем шампа́нского и попроща́емся.

Когда́ я пришёл к Си́львио, на́ши офице́ры бы́ли уже́ там. Всё было гото́во к отъе́зду. На стена́х не́ было бо́льше его́ пистоле́тов.

Мы се́ли за стол. Хозя́ин был о́чень ве́сел. Мы мно́го пи́ли, пе́ли пе́сни, расска́зывали анекдо́ты и ве́село смея́лись.

Бы́ло по́здно. Си́львио ну́жно бы́ло е́хать. Мы пожела́ли ему́ мно́го сча́стья, попроща́лись с ним и на́чали уходи́ть. У две́ри Си́львио останови́л меня:

— Мне ну́жно с ва́ми поговори́ть , - сказа́л он ти́хо. Все го́сти ушли́, а я оста́лся.

Не́сколько мину́т Си́львио сиде́л в молча́нии. Я заме́тил трево́гу на его́ бле́дном лице́. Пото́м Си́львио посмотре́л на меня́ и сказа́л:

— Я уезжа́ю сего́дня ве́чером, но пе́ред отъе́здом я хочу́ с ва́ми поговори́ть и хочу́ вам всё рассказа́ть. Вы ведь заме́тили, что мне всё равно́, что обо мне ду́мают други́е офице́ры. Я вас всегда́ люби́л и мы бы́ли

хоро́шими друзья́ми. Не ду́майте и тепе́рь пло́хо обо мне .

Он останови́лся. Опя́ть бы́ло неприя́тное для меня́ молча́ние.

— Вы, коне́чно, зна́ете, - продолжа́л Си́львио, - что мне нетру́дно бы́ло бы уби́ть на дуэ́ли э́того молодо́го офице́ра. Я ведь лу́чше его́ уме́ю стреля́ть. Все э́то зна́ют. Его́ жизнь была́ в мои́х рука́х, но я не хоте́л дра́ться. Зна́ете ли вы, что шесть лет тому́ наза́д я получи́л пощёчину и мой враг ещё жив?

Я не мог поня́ть моего́ дру́га.

- Вы с ним не драли́сь? - спроси́л я.

- Да, я с ним дра́лся. Вот посмотри́те, что у меня́ оста́лось от э́той дуэ́ли.

Си́львио вы́шел из ко́мнаты, но че́рез мину́ту верну́лся. На голове́ у него́ была́ кра́сная офице́рская ша́пка. Я сейча́с же заме́тил, что э́та ша́пка была́ простре́лена.

3. Дуэ́ль

Си́львио молча́л не́сколько мину́т и кури́л тру́бку. Он держа́л в рука́х свою́ кра́сную ша́пку и смотре́л на то ме́сто, где она́ была́ простре́лена.

— Я то́же был ра́ньше офице́ром, - продолжа́л расска́зывать Си́львио. - Вы ведь хорошо́ зна́ете мой хара́ктер: я всегда́ люблю́ везде́ быть пе́рвым. Я ча́сто

игра́л в ка́рты, мно́го пил и прекра́сно стреля́л.

Дуэ́ли бы́ли в большо́й мо́де, когда́ я был молоды́м, и я то́же ча́сто дра́лся на дуэ́лях.

Не то́лько на́ши офице́ры, но да́же команди́ры меня́ о́чень люби́ли. Но вот одна́жды к нам прие́хал молодо́й офице́р. Я не могу́ сказа́ть вам его́ и́мени. По всему́ ви́дно бы́ло, что он из хоро́шей семьи́ и что он о́чень бога́т.

Поду́майте: молодо́й челове́к из бога́той семьи́, у́мный, краси́вый и весёлый. Весь го́род его́ знал. Де́нег у него́ бы́ло мно́го. Что э́то был за счастли́вый челове́к!

На́ши офице́ры его́ люби́ли, и он, коне́чно, о́чень нра́вился же́нщинам. Вы легко́ мо́жете поня́ть, как мне э́то бы́ло неприя́тно.

Одна́жды мы все бы́ли на балу́ в одно́м бога́том до́ме. Я заме́тил, что наш но́вый знако́мый о́чень понра́вился хозя́йке до́ма, и что она всё время с ним танцева́ла. Хозя́йка до́ма была́ краси́вая же́нщина и она́ мне самому́ давно́ нра́вилась.

Молодо́й челове́к стоя́л о́коло неё. Они́ шути́ли, смея́лись и ве́село разгова́ривали друг с дру́гом. Я был так серди́т, что подошёл к молодо́му офице́ру и на-чал гро́мко смея́ться над ним. Кровь бро́силась офи-це́ру в го́лову, и он дал мне пощёчину.

Мы бро́сились друг на дру́га. Все го́сти на́чали крича́ть. Подня́лся шум. В э́ту же ночь у нас была́ дуэ́ль.

Я стоя́л с мои́ми секунда́нтами и ждал молодо́го офице́ра. Бы́ло ещё темно́. Че́рез не́которое вре́мя я уви́дел его́. Он шёл пешко́м со свои́м секунда́нтом. Он держа́л в рука́х ша́пку, в кото́рой бы́ли ви́шни, а секунда́нт нёс его́ пистоле́ты.

Ско́ро всё бы́ло гото́во для дуэ́ли. Я до́лжен был стреля́ть пе́рвым, но моя́ трево́га была́ так сильна́, что я не был уве́рен в себе́ и сказа́л офице́ру:

– Мне всё равно́. Вы мо́жете стреля́ть пе́рвым, е́сли хоти́те.

Офице́р не согласи́лся. Тогда́ оди́н из на́ших секунда́нтов сказа́л, что у него́ в ша́пке два но́мера. Кто возьмёт пе́рвый но́мер, тот стреля́ет пе́рвым.

Молодо́й челове́к положи́л ру́ку в ша́пку. У него́ был пе́рвый но́мер. Офице́р посмотре́л на меня́, по́днял свой пистоле́т и вы́стрелил. Он простре́лил ша́пку, кото́рую я вам то́лько что показа́л.

Тепе́рь мне ну́жно бы́ло стреля́ть. Его́ жизнь была́ в мои́х рука́х. Я стоя́л про́тив него́ в молча́нии и смотре́л на него́. Я так хоте́л заме́тить на его́ лице́ тре-во́гу. Я так хоте́л ви́деть, что он бои́тся. Но, нет! Поду́майте то́лько: уве́ренный и весёлый, он стоя́л под мои́м пистоле́том и ел свои́ ви́шни!

– Для чего́ брать у него́ жизнь? – ду́мал я. – Ведь ви́дно, что он не бои́тся сме́рти . Я бро́сил пистоле́т.

– Мне ка́жется, что вам всё равно́ – жить или умере́ть, – сказа́л я моему́ врагу́. – Я не хочу́ вам меша́ть. Продолжа́йте есть ва́ши ви́шни. Жела́ю вам хоро́шего аппети́та!

– Вы мне совсе́м не меша́ете, – отве́тил офице́р. – Вы мо́жете стреля́ть. Е́сли вы не хоти́те стреля́ть сего́дня, мо́жете стреля́ть за́втра и́ли же в друго́й раз. Вы́стрел ваш. Я всегда́ гото́в.

Я сказа́л секунда́нтам, что сего́дня стреля́ть не хочу́. Так ко́нчилась на́ша дуэ́ль.

Ско́ро по́сле э́того я ушёл из а́рмии. С того́ вре́мени я живу́ в э́том ма́леньком городке́.

Вы зна́ете, ка́ждый день я ду́маю об э́той дуэ́ли и о моём вы́стреле.

Си́львио показа́л мне письмо́, кото́рое он получи́л у́тром и дал мне его́ прочита́ть. В письме́ ему́ писа́ли о сва́дьбе одного́ офице́ра.

– Вы, коне́чно, понима́ете, кто э́тот офице́р, – сказа́л Си́львио. – Вот почему́ я сего́дня но́чью е́ду в Москву́. У него́ ско́ро сва́дьба. Пришло́ вре́мя для моего́ вы́стрела. Да, я до́лго ждал э́того дня. Тепе́рь пришёл мой час.

Си́львио серди́то бро́сил на́ пол кра́сную ша́пку,

кото́рую простре́лил его́ молодо́й враг. Он на́чал, как тигр, ходи́ть по ко́мнате. Как жесто́ко бы́ло его́ лицо́!

Вошёл лаке́й. "Ло́шади гото́вы, ба́рин. Мо́жно е́хать." Мы вы́шли на у́лицу. Си́львио попроща́лся со мной. Он ещё раз посмотре́л на меня́ и сказа́л:

— Тепе́рь вы, коне́чно, понима́ете, почему́ я не хоте́л дра́ться с офице́ром, кото́рый бро́сил в меня́ стака́н с вино́м. Мне ну́жно бы́ло жить для э́той мину́ты.

Тро́йка уе́хала. Я стоя́л на у́лице оди́н. Ночь была́ ти́хая. Одна́ за друго́й мы́сли проходи́ли в мое́й голове́. Мы́сли о Си́львио, о его́ та́йне ... о его́ дуэ́ли ... обо всём, что он мне то́лько что рассказа́л.

Когда́ я верну́лся домо́й, пе́ред мои́ми глаза́ми всё ещё бы́ло жесто́кое лицо́ Си́львио.

4. В дере́вне

Прошло́ не́сколько лет. Я ушёл из а́рмии и жил в ма́ленькой дере́вне. Мне не нра́вилась э́та но́вая жизнь. Я ча́сто ду́мал о весёлой и шу́мной жи́зни офице́ра.

Я встава́л о́чень по́здно. До обе́да у меня́ всегда́ бы́ло мно́го рабо́ты, но по вечера́м, когда́ я остава́лся оди́н, я не знал, что де́лать. Мои́ сосе́ди мне не нра́вились, и я никогда́ не ходи́л к ним в го́сти. Так тяжело́ мне бы́ло жить в э́той дере́вне одному́ - без друзе́й, что я иногда́ да́же пил. Но и от э́того мне

не становилось лучше, а только болела голова.

Недалеко от меня была деревня графини Б. В доме графини жил только её старый лакей. После того как графиня вышла замуж, она уехала с мужем в Петербург.

Однажды за обедом я, как всегда, попросил моего лакея рассказать мне, что нового. Лакей мне ответил:

– Много у нас нового, барин. Говорят, что графиня на лето приехала в свою деревню

Я был очень рад, когда узнал, что графиня с мужем приехали. Через несколько дней я поехал к ним в гости.

Мои лошади остановились у дома моих новых соседей. Я вошёл в дом. Лакей повёл меня в комнату графа и попросил меня подождать. В этой большой комнате было много дорогих вещей, много книг и картин.

Минут через пять вошёл граф. Ему было не больше тридцати лет. Он поздоровался и попросил меня сесть.

Мне приятно было сидеть и разговаривать с этим человеком. Мы говорили обо всём, будто мы знали друг друга всю жизнь и будто всегда были хорошими друзьями.

Минут через десять в комнату вошла графиня. Это была красивая молодая женщина. Граф познакомил нас, и она тоже начала весело со мной разговаривать.

Я так давно́ не́ был в гостя́х и так давно́ не говори́л с молоды́ми же́нщинами, что когда́ графи́ня вошла́, мне тру́дно бы́ло продолжа́ть разгово́р. Я на́чал ходи́ть по ко́мнате и смотре́ть на кни́ги и карти́ны.

Я всегда́ люби́л кни́ги и мно́го чита́л по-ру́сски и по-францу́зски, но о карти́нах я знал о́чень ма́ло. Вдруг я останови́лся у одно́й карти́ны и на́чал смотре́ть на неё.

Я заме́тил э́ту карти́ну не потому́, что она́ мне понра́вилась бо́льше други́х, а потому́ что я уви́дел, что в одно́м ме́сте её простре́ли́ли два ра́за.

- Вот хоро́ший вы́стрел, - сказа́л я гра́фу и показа́л на ме́сто, куда́ попа́ли э́ти вы́стрелы.

- Да, вы́стрел хоро́ший ... Вы хорошо́ стреля́ете? спроси́л граф.

- Не пло́хо. А как вы, граф, лю́бите стреля́ть?

- Я ра́ньше мно́го стреля́л, - отве́тил граф, - но вот уже четы́ре го́да, как я не брал в ру́ки пистоле́та.

- Да, коне́чно, я э́то хорошо́ понима́ю, - продолжа́л я. - Когда́ я был офице́ром, мы стреля́ли три или четы́ре ра́за в день. У меня́ был оди́н друг, кото́рый стреля́л лу́чше всех на́ших офице́ров. Как то́лько мой друг ви́дел му́ху на столе́, он крича́л своему́ лаке́ю: "Эй, Ку́зька! Скоре́е, принеси́ мой пистоле́т. Му́ха на

столе́!" Вы смеётесь, графи́ня, но э́то так и бы́ло.

Графи́ня ве́село смея́лась.

- Ну, что же бы́ло? Расска́зывайте да́льше, - продолжа́ла она́ спра́шивать.

- Лаке́й Ку́зька приноси́л пистоле́т, мой друг брал его́ и бах! - Пря́мо в му́ху.

Граф и графи́ня гро́мко смея́лись, когда́ я встал и показа́л им, как мой друг стреля́л в му́ху.

- Да, я ви́жу, что ваш друг уме́л прекра́сно стреля́ть, - сказа́л граф. - Скажи́те, как его́ зва́ли?

- Я не ду́маю, граф, что вы зна́ете моего́ дру́га. Он уже́ тогда́ не́ был офице́ром. Его́ зва́ли Си́львио.

- Си́львио, - закрича́л граф. - Нет, не мо́жет быть! Вы сказа́ли Си́львио?

- Вы его́ зна́ли, граф? Си́львио был мои́м лу́чшим дру́гом. Я его́ о́чень люби́л. Си́львио прекра́сно стреля́л.

- Знал ли я Си́львио?.. Да, коне́чно. Как мне не знать Си́львио? - продолжа́л граф. - Скажи́те, он вам не расска́зывал о том, что бы́ло одна́жды на балу́ в одно́м до́ме?

- Вы говори́те, граф, о пощёчине, кото́рую Си́львио получи́л от одного́ офицера, и о дуэ́ли?

- Да, коне́чно! Сказа́л ли вам Си́львио и́мя э́того офице́ра?

– Нет, э́того он мне не хоте́л сказа́ть. Но, скажи́те, граф, не вы ли э́то?

– Да, э́то был я сам. Говори́л ли вам Си́львио, что я ви́дел его́ ещё раз и что здесь, в э́той ко́мнате, мы продолжа́ли на́шу дуэ́ль? Вы ведь заме́тили э́ту карти́ну, кото́рая простре́лена два ра́за в одно́м ме́сте?

– Бо́же мой! Не расска́зывай ничего́. Я да́же и тепе́рь бою́сь слу́шать об э́том, – сказа́ла граф и́ня.

– Нет, дорога́я. Мне ну́жно всё рассказа́ть. Ведь наш сосе́д и Си́львио бы́ли хоро́шими друзья́ми.

Граф сел бли́же ко мне и на́чал свой расска́з.

5. Расска́з гра́фа

Пять лет тому́ наза́д по́сле на́шей сва́дьбы мы прие́хали сюда́. Это бы́ло са́мое счастли́вое вре́мя моей жи́зни.

Одна́жды граф и́ня и я е́хали верхо́м. Вдруг ло́шадь граф и́ни останови́лась и не хоте́ла идти́ да́льше.

– Ве́чер тёплый, ещё светло́ и не́бо я́сное. Возьми́ с собо́й мою́ ло́шадь, а я хочу́ пойти́ пешко́м, – попроси́ла меня́ жена́.

Когда́ я подъе́хал к до́му, лаке́й сказа́л мне, что у нас гость. Наш гость не хоте́л сказа́ть лаке́ю своего́

и́мени, но он ждал меня́ в мое́й ко́мнате.

Бы́ло уже́ темно́. Я вошёл в ко́мнату и уви́дел челове́ка, стоя́вшего у окна́. Мой гость подошёл ко мне и спроси́л ти́хим го́лосом:

— Вы меня́ узнаёте, граф?

Я смотре́л на него́. Мне каза́лось, что я его́ встреча́л ра́ньше.

— Си́львио! — закрича́л я, узна́в го́стя.

— Да, граф. Это я — Си́львио. Хорошо́, что вы меня́ ещё не забы́ли. Вы по́мните на́шу дуэ́ль? По́мните, что я тогда́ не стреля́л. Вот тепе́рь я прие́хал за свои́м вы́стрелом .

Я не знал, что отве́тить, и стоя́л мо́лча. Пото́м я подошёл к окну́ и сказа́л:

— Стреля́йте как мо́жно скоре́е. Моя́ жена́ мо́жет верну́ться ка́ждую мину́ту. Стреля́йте, Си́львио!

Он меня́ не слу́шал и ходи́л ме́дленно по ко́мнате.

— Здесь сли́шком темно́. Принеси́те све́чи , — сказа́л Си́львио.

Лаке́й принёс све́чи. Я бы́стро закры́л дверь и сказа́л лаке́ю, что никому́ тепе́рь нельзя́ входи́ть в мою́ ко́мнату. Я ещё раз попроси́л Си́львио сейча́с же стреля́ть.

Он держа́л в руке́ пистоле́т и на́чал ме́дленно

счита́ть: "раз ... два ... три ..."

Я то́же счита́л секу́нды. Я ду́мал о жене́. Си́львио всё ещё не стреля́л.

— Я жале́ю, граф, что у вас нет пистоле́та, сказа́л он. - Иди́те и принеси́те ваш пистоле́т. Ведь э́то дуэ́ль. Да напиши́те два но́мера, как э́то бы́ло пять лет тому́ наза́д. Кто возьмёт пе́рвый но́мер, тот стреля́ет пе́рвым. По́мните, граф?

Я не хотел согласи́ться, но боя́лся, что моя́ жена́ мо́жет войти́ в ко́мнату ка́ждую мину́ту. Я бы́стро принёс пистоле́т, написа́л два но́мера и положи́л их в ша́пку. У меня́ опя́ть был пе́рвый но́мер.

— Счастли́вый вы челове́к, граф , - сказа́л Си́львио. Он стоя́л про́тив меня́ и жесто́ко смея́лся. Я всё ещё по́мню э́тот смех.

Это была́ са́мая тяжёлая мину́та в мое́й жи́зни. Я вы́стрелил. Сла́ва Бо́гу! Мой вы́стрел попа́л не в Си́львио, а вот в э́ту карти́ну.

Граф показа́л на карти́ну. Его́ молода́я жена́, вся бле́дная, сиде́ла и слу́шала расска́з гра́фа.

Си́львио стоя́л против меня, - продолжа́л граф, и смотре́л на меня́ свои́ми жесто́кими глаза́ми. Его́ лицо́ горе́ло. Он на́чал ме́дленно поднима́ть свой пистоле́т.

Вдруг дверь откры́лась, и вошла́ моя́ жена́. Уви́дев

нас с пистоле́тами в рука́х, она́ останови́лась у две́ри.

— Не бо́йся, моя́ ми́лая, - сказа́л я жене́, - э́то была́ то́лько шу́тка. Иди́ в другу́ю ко́мнату и вы́пей стака́н холо́дной воды́. Приходи́ пото́м сюда́ и поговори́ с мои́м ста́рым дру́гом. Он мо́жет тебе́ рассказа́ть о на́шей офице́рской жи́зни.

Ма́ша не хоте́ла уходи́ть. Она боя́лась.

— Скажи́те, так ли э́то? - спроси́ла она́ у Си́львио.

— Графи́ня, я ви́жу, что ваш муж лю́бит шути́ть, - хо́лодно отве́тил Си́львио. - Одна́жды в гостя́х он дал мне пощёчину. В друго́й раз он в шу́тку вы́стрелил в э́ту кра́сную ша́пку. Ви́дите вы э́то? — Си́львио показа́л графи́не то ме́сто в ша́пке, куда́ попа́л мой вы́стрел мно́го лет тому́ наза́д.

— Я чуть не у́мер от э́той шу́тки, - продолжа́л он. - Вот тепе́рь я поду́мал, что, мо́жет быть, мне то́же мо́жно в шу́тку вы́стрелить в ва́шего му́жа.

Си́львио сно́ва по́днял свой пистоле́т. Моя́ бе́дная жена́ упа́ла к его́ нога́м и начала́ пла́кать.

— Встань, Ма́ша, - закрича́л я, - э́того нельзя́ де́лать! Чего́ вы ждёте, Си́львио? Стреля́йте!

— Заче́м же тепе́рь стреля́ть, граф? Тепе́рь я дово́лен. Я ви́дел, как вы боя́лись. Ва́ша жена́ пла́кала у мои́х ног. Это всё, что мне ну́жно. Нет, тепе́рь стреля́ть я бо́льше не хочу́.

Жесто́кий Си́львио откры́л дверь. Но у две́ри он останови́лся и бы́стро посмотре́л круго́м. Его́ глаза́ останови́лись на карти́не, в кото́рую попа́л мой вы́стрел не́сколько мину́т тому́ наза́д.

Си́львио по́днял свой пистоле́т и вы́стрелил в то же са́мое ме́сто ...

Граф ко́нчил свой расска́з. Ско́ро я попроща́лся с мои́ми но́выми сосе́дями и верну́лся домо́й.

Я никогда́ бо́льше не ви́дел Си́львио.

СЛОВА́РЬ К РАССКА́ЗУ "ВЫ́СТРЕЛ"

Глава 1

друг дру́га	each other
стари́к	an old man
уве́ренный уве́рен	sure, confident
ви́дно	apparently, one can see
та́йна	secret, mystery
каза́ться показа́ться	to seem
шампа́нское	champagne
держа́ть подержа́ть	to hold, keep
петь спеть	to sing
пе́сня	song
сце́на	scene, stage
бле́дный	pale

Глава 2

отъе́зд	departure
не́которое вре́мя	some time
по-ста́рому	as before; as of old
несча́стный	unfortunate, unhappy
проща́ться попроща́ться	to bid farewell, to say good-bye

оставáться остáться	to stay, remain
молчáние	silence
трево́га	alarm, alert
всё равно́	all the same
дрáться подрáться	to fight
пощёчина	slap in the face
шáпка	cap
простреля́ть (perf.)	to shoot through

Глава 3

харáктер	disposition, character
мо́да	fashion
танцевáть	to dance
сам	oneself
кровь (f)	blood
броса́ться бро́ситься	to rush, dash
шум	noise
нести́-носи́ть понести́	to carry
соглашáться согласи́ться	to agree
смерть (f)	death

враг	enemy
мешáть помешáть	to hinder, disturb, to mix
жестóкий	cruel, brutal
лóшадь (f)	horse
мысль (f)	thought, idea

Глава 4

граф	count, earl
графúня	countess
(как) бýдто	as if
мýха	fly
лýчший	the best

Глава 5

верхóм	on horseback, mounted
как мóжно скорéе	as soon as possible
свечá	candle
желáть	to wish
приноси́ть принести́	to bring
смех	laughter
сáмый тот сáмый	the most the same
горéть сгорéть	to burn
мúлый	nice, kind, dear
шýтка	joke

П И́ К О В А Я Д А́ М А

по А.С. ПУ́ШКИНУ

1. Та́йна трёх карт

Одна́жды у гварде́йского офице́ра Нару́мова игра́ли в ка́рты. До́лгая зи́мняя ночь прошла́; го́сти се́ли у́жинать в пять часо́в утра́. Когда́ по́дали шампа́нское, разгово́р ожи́вился и все при́няли в нём уча́стие.

- Посмотри́те на Ге́рмана! - сказа́л оди́н из госте́й, ука́зывая на молодо́го вое́нного инжене́ра: - он никогда́ не брал ка́рты в ру́ки, никогда́ не сыгра́л ни одно́й па́ртии, а до пяти́ часо́в утра́ сиди́т с на́ми и смо́трит на на́шу игру́!

-Меня́ о́чень интересу́ет ка́рточная игра́, но я не могу́ рискова́ть деньга́ми, - сказа́л Ге́рман.

Ге́рман расчётливый не́мец, вот и всё, - заме́тил То́мский. - Но меня́ удивля́ет, почему́ моя́ ба́бушка, графи́ня Н., не игра́ет в ка́рты!

- Что же тут удиви́тельного, - сказа́л Нару́мов, - что восьмидесятиле́тняя стару́ха не игра́ет в ка́рты?

- Так вы ничего́ не зна́ете? - спроси́л То́мский.

- Нет! Ничего́!

- О, так послу́шайте, - и То́мский рассказа́л сле́дующее:

- Лет шестьдеся́т тому́ наза́д моя́ ба́бушка была́ о́чень краси́ва, е́здила в Пари́ж и име́ла большо́й успе́х. Сам Ришельё уха́живал за ней. В то вре́мя да́мы игра́ли в фарао́н*. Одна́жды она́ проигра́ла ге́рцогу Орлеа́нскому о́чень мно́го де́нег и не могла́ заплати́ть. Прие́хав домо́й, ба́бушка объяви́ла де́душке ско́лько она́ проигра́ла и приказа́ла заплати́ть. Поко́йный де́душка о́чень люби́л ба́бушку, но и боя́лся её как огня́; одна́ко, услы́шав о тако́м ужа́сном про́игрыше, он категори́чески отказа́лся плати́ть. Ба́бушка дала́ ему пощёчину и пошла́ спать.

На друго́й день не помогли́ ни угро́зы, ни уговоры. Де́душка плати́ть не соглаша́лся. Ба́бушка не зна́ла, что де́лать. Она́ была́ хорошо́ знако́ма с одни́м замеча́тельным челове́ком. Вы слы́шали о гра́фе Сен-Жерме́не, о кото́ром расска́зывают так мно́го интере́сного? Вы зна́ете, что он называ́л себя́ алхи́миком? Над ним смея́лись, как над шарлата́ном, а Казано́ва в свои́х запи́сках говори́т, что он был шпио́ном. В о́бществе

---

* назва́ние ка́рточной игры́

Сен-Жермéн был человéк óчень прия́тный. Ба́бушка до сих пор óчень лю́бит его́ и се́рдится, е́сли о нём пло́хо говоря́т. Ба́бушка зна́ла, что Сен-Жермéн был óчень бога́т. Она́ реши́ла проси́ть у него́ де́нег и написа́ла ему́ запи́ску с про́сьбой неме́дленно к ней прие́хать. Граф прие́хал сейча́с же, вы́слушал её про́сьбу и задýмался. "Я могу́ дать вам э́ту су́мму, - сказа́л он,- но я зна́ю, что тогда́ вы не бу́дете споко́йны, пока́ не вернёте мне де́нег; а я не хочу́, что́бы вы беспоко́ились. Есть друго́й путь: вы мо́жете отыгра́ться." -

"Но, дорого́й граф, - отве́тила ба́бушка, - я говорю́ вам, что у меня́ совсе́м нет де́нег". - "Де́ньги здесь не нужны́, - продолжа́л Сен-Жермéн, - вы́слушайте меня́". Тут он откры́л ей та́йну, за кото́рую ка́ждый из нас до́рого бы дал ...

Молоды́е игроки́ удво́или внима́ние. То́мский закури́л тру́бку и продолжа́л.

- В тот же са́мый ве́чер ба́бушка пое́хала в Верса́ль. Ге́рцог Орлеа́нский вёл игру́; ба́бушка извини́лась, что не привезла́ своего́ до́лга, и се́ла с ним игра́ть. Она́ вы́брала три ка́рты и они́ вы́играли одна́ за друго́й. Таки́м о́бразом ба́бушка соверше́нно отыгра́лась.

- Слу́чай! - сказа́л оди́н из госте́й.

– Ска́зка! – заме́тил Ге́рман.

– Как! – сказа́л Нару́мов, – у тебя́ есть ба́бушка, кото́рая уга́дывает три ка́рты подря́д, а ты до сих пор не зна́ешь э́той та́йны?

– Нет! – отве́тил То́мский. – У неё бы́ло че́тверо сынове́й, в том числе́ и мой оте́ц, но никому́ из них она́ не откры́ла свое́й та́йны. Говоря́т, что одна́жды она открыла та́йну трёх карт поко́йному Чаплы́цкому. Когда́ Чаплы́цкий был ещё молоды́м челове́ком, он проигра́л в ка́рты о́коло трёхсо́т ты́сяч и был в отча́янии. Ба́бушка, кото́рая всегда́ была́ строга́ к молоды́м лю́дям, почему́-то пожале́ла Чаплы́цкого. Она́ назвала́ ему́ три ка́рты, взяв с него́ че́стное сло́во, что он никогда́ не бу́дет бо́льше игра́ть. Чаплы́цкий поста́вил три ка́рты одну́ за друго́й и все три ка́рты вы́играли. Он отыгра́лся и оста́лся ещё в вы́игрыше ... Одна́ко пора́ спать: уже́ без че́тверти шесть.

Наступи́ло у́тро. Молоды́е лю́ди допи́ли свои́ рю́мки и разъе́хались по дома́м.

2. Компаньо́нка графи́ни

Ста́рая графи́ня Н. сиде́ла пе́ред зе́ркалом. Три служа́нки окружа́ли её. Графи́ня сохрани́ла все привы́чки свое́й мо́лодости и одева́лась так же до́лго, как и

шестьдеся́т лет тому́ наза́д. У окна́ сиде́ла за кни́гой молода́я де́вушка - компаньо́нка графи́ни. Её зва́ли Елизаве́та Ива́новна. Че́рез не́которое вре́мя графи́ня со свои́ми служа́нками вы́шла из ко́мнаты. Елизаве́та Ива́новна оста́лась одна́; она́ отложи́ла кни́гу в сто́рону и ста́ла смотре́ть в окно́. Вокру́г на другой стороне́ у́лицы из-за углово́го до́ма появи́лся молодо́й офице́р. Она́ покрасне́ла, взяла́ свою́ кни́гу и ни́зко наклони́ла над не́ю го́лову. В э́то вре́мя вошла́ графи́ня.

- Прикажи́, Ли́занька, - сказа́ла она́, - подава́ть каре́ту, мы пое́дем прогуля́ться.

- Сейча́с! - отве́тила ти́хо де́вушка и побежа́ла в пере́днюю.

- Ли́занька, Ли́занька! Куда́ ты бежи́шь?

- Одева́ться.

- Успе́ешь. Сади́сь сюда́ и почита́й вслух ...

Де́вушка взяла́ кни́гу и прочита́ла не́сколько строк.

- Гро́мче! - сказа́ла графи́ня. - Что с тобо́ю? У тебя́ тако́й сла́бый го́лос.

Елизаве́та Ива́новна ста́ла чита́ть гро́мче.

Когда́ она́ прочита́ла две страни́цы, графи́ня сказа́ла:

- Брось, кака́я чепуха́!.. Гото́ва каре́та?

- Каре́та гото́ва, - отве́тила Елизаве́та Ива́новна,

посмотре́в на у́лицу.

- Почему́ ты не оде́та? - спроси́ла граф́иня, - всегда́ ну́жно тебя́ ждать!

Ли́за побежа́ла в свою́ ко́мнату. Не прошло́ и двух мину́т, как граф́иня начала́ звони́ть в колоко́льчик. Три де́вушки одновре́менно вбежа́ли в дверь.

- Почему́ не прихо́дите сра́зу, - закрича́ла на них граф́иня. - Скажи́те Елизаве́те Ива́новне, что я её жду.

Елизаве́та Ива́новна вошла́, оде́тая и в шля́пке.

- Наконе́ц! - сказа́ла граф́иня. - А кака́я пого́да? Ка́жется ве́тер. Откро́йте окно́. Так и есть: ве́тер! И о́чень холо́дный! Ли́занька, мы не пое́дем: не на́до бы́ло одева́ться.

- И вот моя́ жизнь! - поду́мала Елизаве́та Ива́новна.

В са́мом де́ле, Елизаве́та Ива́новна была́ о́чень несча́стна. Граф́иня Н., коне́чно, не была́ злой, но она́ была́ капри́зной и холо́дной эгои́сткой. Она́ и тепе́рь ещё е́здила на балы́, на кото́рых сиде́ла в углу́, оде́тая по стари́нной мо́де. Елизаве́та Ива́новна была́ дома́шней му́ченицей. Она́ подава́ла чай и получа́ла вы́говоры за ли́шний расхо́д са́хара; она́ чита́ла вслух кни́ги и была́ винова́та во всех оши́бках а́втора; она́ е́здила с граф́иней на прогу́лки и отвеча́ла за пого́ду

и за мостову́ю. В о́бществе все её зна́ли и никто́ не замеча́л. На бала́х она́ танцева́ла то́лько тогда́, когда́ не́ было па́ры. Ча́сто, оста́вшись одна́, она́ пла́кала в свое́й бе́дной ко́мнате, где стоя́ли то́лько комо́д, зе́ркало и деревя́нная кра́шеная крова́ть.

3. Ге́рман

За неде́лю пе́ред опи́санной сце́ной, Елизаве́та Ива́новна сиде́ла с кни́гой у окна́. Посмотре́в на у́лицу, она́ уви́дела напро́тив молодо́го вое́нного инжене́ра. Он стоя́л неподви́жно и смотре́л на её окно́. Она́ опусти́ла го́лову и заняла́сь рабо́той; че́рез пять мину́т посмотре́ла спя́ть, - молодо́й челове́к стоя́л на том же ме́сте. Она́ переста́ла смотре́ть на у́лицу и чита́ла о́коло двух часо́в, не поднима́я головы́. По́дали обе́д. Она́ вста́ла и, посмотре́в на у́лицу, опя́ть уви́дела офице́ра. Это её удиви́ло.

Дня че́рез два, выходя́ с графи́ней, что́бы сесть в каре́ту, она́ сно́ва уви́дела офице́ра. Он стоя́л у са́мого до́ма. Возвраща́ясь домо́й, она́ подбежа́ла к окну́, - офице́р стоя́л на том же ме́сте и смотре́л на неё.

По́сле э́того ка́ждый день молодо́й челове́к, в определённое вре́мя, появля́лся под о́кнами их до́ма.

Рабо́тая у окна́, она́ чу́вствовала его́ приближе́ние, - поднима́ла го́лову и смотре́ла на него́ всё до́льше и до́льше. Че́рез неде́лю она́ ему́ улыбну́лась ...

Ге́рман был сы́ном не́мца, кото́рый до́лго жил в Росси́и. Оте́ц, когда́ у́мер, оста́вил ему́ ма́ленький капита́л. Ге́рман не расхо́довал капита́ла и проце́нтов с него́; он жил то́лько на своё жа́лованье и не позволя́л себе́ никаки́х ли́шних расхо́дов. В душе́ он был игроко́м, но никогда́ не брал карт в ру́ки. Он реши́л, что его́ состоя́ние не позволя́ет ему́ рискова́ть деньга́ми в ка́рточной игре́.

Одна́ко расска́з о трёх ка́ртах всю ночь не дава́л ему́ поко́я. На друго́й день, ве́чером, гуля́я по Петербу́ргу, Ге́рман случа́йно вы́шел на одну́ из гла́вных у́лиц и подошёл к бога́тому, освещённому до́му.

- Чей это дом? - спроси́л он у швейца́ра.

- Графи́ни Н. - отве́тил швейца́р.

Ге́рман останови́лся о́коло до́ма, ду́мая об его́ хозя́йке и её та́йне. Он по́здно верну́лся домо́й, и в э́ту ночь ви́дел во сне ка́рты, зелёный стол и го́ры зо́лота. Он ста́вил ка́рту за ка́ртой, и всё вре́мя вы́игрывал ... Просну́лся он по́здно и пошёл опя́ть ходи́ть по горо́ду. Неизве́стная си́ла опя́ть привела́ его́ к до́му графи́ни Н. Он останови́лся и стал смотре́ть на о́кна

В одно́м окне́ он уви́дел го́лову де́вушки, наклонённую над кни́гой или рабо́той. Де́вушка посмотре́ла в окно́ и уви́дела его́. Эта мину́та реши́ла его́ судьбу́.

4. В спа́льне графи́ни

Когда́ Елизаве́та Ива́новна сняла́ пальто́ и шля́пу, графи́ня посла́ла за ней и приказа́ла опя́ть подава́ть каре́ту. Они́ пошли́ сади́ться в каре́ту. Вы́йдя на у́лицу, Елизаве́та Ива́новна опя́ть уви́дела молодо́го офице́ра. Проходя́ ми́мо, он взял её за́ руку и переда́л ей письмо́. Она́ положи́ла письмо́ в карма́н и всю доро́гу о́чень волнова́лась. До́ма она́ прочита́ла э́то письмо́; в нём Ге́рман писа́л о свое́й любви́. Э́то пе́рвое письмо́ она́ верну́ла, вы́бросив его́ в окно́ с ма́ленькой запи́ской, в кото́рой она́ проси́ла ей бо́льше не писа́ть. Но Ге́рман не переста́л писа́ть. Елизаве́та Ива́новна ка́ждый день получа́ла от него́ пи́сьма. Пото́м Елизаве́та Ива́новна ста́ла на них отвеча́ть. Наконе́ц она́ бро́сила ему́ в окно́ сле́дующее письмо́:

"Сего́дня бал у англи́йского посла́. Графи́ня бу́дет там. Я е́ду с ней и мы оста́немся на балу́ часо́в до двух но́чи. Вот вам возмо́жность встре́тить меня́. Приходи́те сюда́ в полови́не двена́дцатого. Иди́те пря́мо на ле́стницу. Вы никого́ не встре́тите. Из пере́дней

иди́те нале́во до спа́льни графи́ни. В спа́льне есть две ма́леньких две́ри: пра́вая в кабине́т, куда́ графи́ня никогда́ не хо́дит, а ле́вая дверь в коридо́р с у́зкой ле́стницей. Войди́те в ле́вую дверь и подними́тесь по ле́стнице. Она́ ведёт в мою́ ко́мнату. Там жди́те меня́, пока́ я не верну́сь с ба́ла".

Ге́рман с волне́нием ожида́л назна́ченного вре́мени. Ро́вно в полови́не двена́дцатого он подошёл к до́му графи́ни и вошёл в я́рко освещённую пере́днюю. Там никого́ не́ было. В за́ле и в гости́ной бы́ло темно́. Ге́рман прошёл их и вошёл в спа́льню. Стари́нные дива́ны и кре́сла стоя́ли о́коло стен. В углу́ за ши́рмой стоя́ла желе́зная крова́ть. Спра́ва была́ дверь в кабине́т, сле́ва друга́я - в коридо́р. Ге́рман её откры́л и уви́дел у́зкую ле́стницу, кото́рая вела́ в ко́мнату Елизаве́ты Ива́новны ... Но он верну́лся и вошёл в кабине́т.

Вре́мя шло ме́дленно. Всё бы́ло ти́хо. В гости́ной часы́ про́били двена́дцать. Ге́рман стоя́л в тёмном кабине́те за полузакры́той две́рью и ждал. Он был споко́ен. Часы́ про́били час, пото́м два часа́ и, наконе́ц, он услы́шал шум подъезжа́ющей каре́ты. Каре́та подъе́хала к до́му и останови́лась. В спа́льню вошла́ ста́рая графи́ня и се́ла в кре́сло. Елизаве́та Ива́новна прошла́ в свою́ ко́мнату. Ге́рман услы́шал её лёгкие шаги́ по ступе́ням ле́стницы. Спа́льня графи́ни была́ сла́бо

освещена́. Графи́ня сиде́ла в кре́сле, шевеля́ губа́ми и кача́ясь напра́во и нале́во.

Ге́рман ти́хо вы́шел из кабине́та и подошёл к ней.

- Не бо́йтесь, - сказа́л он ти́хим го́лосом. - Я вам ничего́ не сде́лаю, я пришёл проси́ть вас о по́мощи.

Стару́ха мо́лча смотре́ла на него́ и, каза́лось, не понима́ла его́.

- Вы мо́жете сде́лать меня́ бога́тым, - сказа́л Ге́рман. - Я знаю, что вы зна́ете три ка́рты ...

Ге́рман останови́лся. Графи́ня, каза́лось, поняла́ его́ и иска́ла слов для отве́та.

- Э́то была́ шу́тка, - сказа́ла она́ наконе́ц. - Пове́рьте мне, э́то была́ шу́тка!

- Э́то непра́вда, - серди́то сказа́л Ге́рман. - Вспо́мните Чаплы́цкого, кото́рому вы помогли́. Назови́те мне э́ти три ка́рты.

Графи́ня молча́ла. Ге́рман упа́л на коле́ни.

- Для кого́ вам храни́ть ва́шу та́йну? Не откажи́те мне в про́сьбе! Откро́йте мне ва́шу та́йну! Поду́майте, вы ста́ры, жить вам уже́ недо́лго ... Сча́стье челове́ка нахо́дится в ва́ших рука́х. Не то́лько я, но и де́ти мои́ бу́дут благодари́ть вас ...

Стару́ха не отвеча́ла ни сло́ва.

Ге́рман встал.

– Ста́рая ве́дьма! – серди́то сказа́л он. – Я заста́влю тебя́ отвеча́ть ...

С э́тими слова́ми он вы́нул из карма́на пистоле́т. При ви́де пистоле́та граф и́ня подняла́ ру́ку, как бу́дто защища́ясь от вы́стрела ... пото́м вдруг упала на спи́нку кре́сла и оста́лась без движе́ния.

– Не притворя́йтесь! Я спра́шиваю в после́дний раз, – сказа́л Ге́рман и взял её за́ руку. – Вы назовёте мне ва́ши три ка́рты? Да и́ли нет?

Граф и́ня не отвеча́ла. Рука́ её была́ холодна́, как лёд. Ге́рман уви́дел, что она́ умерла́.

5. Разби́тая любо́вь

Елизаве́та Ива́новна сиде́ла одна́ в свое́й ко́мнате. Прие́хав домо́й, она́ с волне́нием вошла́ к себе́ в ко́мнату, наде́ясь найти́ там Ге́рмана. С пе́рвого взгля́да она́ уви́дела, что его́ нет. Она́ се́ла, не раздева́ясь, и ста́ла вспомина́ть всю стра́нную исто́рию своего́ знако́мства. Она́ ви́дела Ге́рмана, зна́ла его́ и́мя то́лько потому́, что он подпи́сывал не́которые свои́ пи́сьма, но она́ никогда́ с ним не говори́ла, не слыха́ла его́ го́лоса. Она́ сиде́ла до́лго ...

Вдруг дверь отвори́лась и Ге́рман вошёл.

- Где же вы бы́ли? - спроси́ла она́ испу́ганным ше́потом.

- В спа́льне у ста́рой графи́ни, - отве́тил Ге́рман. - Я сейча́с от неё. Графи́ня умерла́.

- Бо́же мой!.. Что вы говори́те?..

- И ка́жется, - продолжа́л Ге́рман, - я винова́т в её сме́рти.

Ге́рман сел на окно́ о́коло неё и рассказа́л всё.

Елизаве́та Ива́новна слу́шала его́ с у́жасом. Зна́чит, все э́ти стра́стные пи́сьма о любви́ бы́ли ло́жью. Его́ жела́ние познако́миться с ней, прийти́ к ней, всё э́то не́ было любо́вью! Де́нег, - вот чего́ он хоте́л! Бе́дная де́вушка была́ то́лько нево́льной помо́щницей уби́йцы!.. Она́ запла́кала. Ге́рман смотре́л на неё мо́лча. Слёзы бе́дной де́вушки не тро́гали его́ се́рдца, он не чу́вствовал жа́лости при мы́сли о мёртвой стару́хе. Его́ му́чила то́лько поте́ря та́йны, от кото́рой он ожида́л бога́тства.

- Вы чудо́вище! - сказа́ла наконе́ц Елизаве́та Ива́новна.

- Я не хоте́л её сме́рти, - отве́тил Ге́рман, - пистоле́т мой не заряжён.

Она́ замолча́ла. Станови́лось светло́. Наступи́ло у́тро.

Елизаве́та Ива́новна посмотре́ла на Ге́рмана. Он сиде́л на окне́, скрести́в ру́ки на груди́. В э́той по́зе он напомина́л портре́т Наполео́на.

- Как вам вы́йти из до́ма? - сказа́ла наконе́ц Елизаве́та Ива́новна. - Я ду́маю провести́ вас по ле́стнице, но для э́того на́до идти́ че́рез спа́льню, а я бою́сь.

- Расскажи́те мне, как найти́ э́ту ле́стницу, и я вы́йду сам.

Елизаве́та Ива́новна вста́ла, вы́нула из комо́да ключ, дала́ его́ Ге́рману и рассказа́ла, как найти́ вы́ход. Ге́рман взял ключ и вы́шел. Он сошёл вниз по ле́стнице и вошёл опя́ть в спа́льню графи́ни. Мёртвая стару́ха сиде́ла в кре́сле. Лицо́ её бы́ло споко́йно. Ге́рман останови́лся и до́лго смотре́л на неё. Наконе́ц он прошёл в кабине́т, откры́л ключо́м дверь, и по тёмному коридо́ру вы́шел на у́лицу.

6. Приз́рак графи́ни

Че́рез три дня, в де́вять часо́в утра́, Ге́рман пошёл в монасты́рь, где в гробу́ лежа́ло те́ло у́мершей графи́ни. Ге́рман был о́чень суеве́рным. Смерть графи́ни не дава́ла ему́ поко́я и он реши́л пойти́ на её по́хороны, что́бы попроси́ть у неё проще́ния.

Це́рковь была́ полна́. Ге́рман с трудо́м прошёл сквозь толпу́ наро́да. Гроб стоя́л на возвыше́нии посреди́ це́ркви. Графи́ня лежа́ла в нём, с рука́ми, сло́женными на груди́, в бе́лом атла́сном пла́тье.

Церко́вная слу́жба ко́нчилась. Ро́дственники и знако́мые ста́ли подходи́ть проща́ться к гро́бу. Наконе́ц, Ге́рман то́же реши́лся подойти́. Он взошёл на ступе́ни возвыше́ния и наклони́лся, что́бы поцелова́ть лоб мёртвой графи́ни. В э́ту мину́ту ему́ показа́лось, что она́ откры́ла оди́н глаз и насме́шливо посмотре́ла на него́. Ге́рман отступи́л наза́д и упа́л на́ пол. Его́ по́дняли. В то же вре́мя Елизаве́ту Ива́новну вы́несли в о́бмороке из це́ркви.

Це́лый день Ге́рман был очень расстро́ен. За обе́дом в рестора́не он вы́пил мно́го вина́. Возвратя́сь домо́й, он лёг, не раздева́ясь, на крова́ть, и ско́ро засну́л. Он просну́лся но́чью: луна́ освеща́ла его́ ко́мнату. Он посмотре́л на часы́. Бы́ло без че́тверти три. Сон у него́ прошёл. Он сел на крова́ть и стал ду́мать о похорона́х графи́ни.

В э́то вре́мя за две́рью он услы́шал незнако́мые шаги́. Кто́-то шёл ти́хо, ша́ркая ту́флями. Дверь откры́лась и вошла́ же́нщина в бе́лом пла́тье. Ге́рман посмотре́л и узна́л графи́ню!

- Я пришла́ к тебе́, потому́ что мне прика́зано

испо́лнить твою́ про́сьбу, - сказа́ла она́. - Тро́йка, се́мёрка и туз вы́играют тебе́ подря́д, но ты до́лжен ста́вить то́лько одну́ ка́рту в су́тки, и всю жизнь пото́м бо́льше не игра́ть. Проща́ю тебе́ мою́ смерть, но с усло́вием, что ты же́нишься на Елизаве́те Ива́новне ...

С э́тими слова́ми она́ повернула́сь и ти́хо вы́шла из ко́мнаты. Ге́рман до́лго не мог прийти́ в себя́. Он вы́шел в другу́ю ко́мнату. Никого́ нигде́ не́ было. Дверь на у́лицу была́ за́перта.

7. Рокова́я ка́рта

В до́ме Чекали́нского собира́лись бога́тые игроки́. Сам Чекали́нский провёл всю свою́ жизнь, игра́я в ка́рты. Он име́л хоро́шую репута́цию и две́ри его́ до́ма бы́ли откры́ты для всех.

Одна́жды ве́чером Нару́мов привёз к нему́ Ге́рмана. Они́ пря́мо прошли́ в гости́ную, где за дли́нным столо́м сиде́л хозя́ин до́ма Чекали́нский и держа́л банк. О́коло него́ бы́ло челове́к два́дцать игроко́в.

Нару́мов предста́вил ему́ Ге́рмана. Чекали́нский пожа́л ему́ ру́ку, и со слова́ми - "Бу́дьте как до́ма", - продолжа́л игру́.

- Позво́льте поста́вить ка́рту, - сказа́л Ге́рман. Чекали́нский улыбну́лся и мо́лча поклони́лся в знак

согла́сия. Ге́рман вы́брал ка́рту и ме́лом написа́л на столе́ ци́фру.

- Ско́лько? Прости́те, я не ви́жу, - спроси́л хозя́ин.

- Со́рок семь ты́сяч, - отве́тил Ге́рман. При э́тих слова́х все го́ловы поверну́лись в сто́рону Ге́рмана.

- Он с ума́ сошёл, - поду́мал Нару́мов, услы́шав су́мму, кото́рую назва́л Ге́рман.

- Э́та су́мма велика́. Я до́лжен вас предупреди́ть, что мы игра́ем то́лько на де́ньги, - сказа́л Чекали́нский. Ге́рман вы́нул из карма́на де́ньги и дал их Чекали́нскому, кото́рый сосчита́л их и положи́л на ка́рту Ге́рмана.

Чекали́нский на́чал сдава́ть ка́рты. Напра́во легла́ деся́тка, нале́во тро́йка.

- Вы́играла! - сказа́л Ге́рман, пока́зывая свою́ ка́рту.

Чекали́нский на секу́нду останови́лся, но зате́м, улыба́ясь, спроси́л Ге́рмана:

- Жела́ете получи́ть?

- Пожа́луйста, - отве́тил Ге́рман.

Чекали́нский вы́нул де́ньги из карма́на и пе́редал их Ге́рману. Ге́рман взял де́ньги и уе́хал домо́й.

На друго́й день ве́чером, он опя́ть прие́хал к

Чекали́нскому. Он опя́ть поста́вил на ка́рту со́рок семь ты́сяч и весь свой вчера́шний вы́игрыш. Чекали́нский сдал ка́рты. Вале́т лёг напра́во, семёрка нале́во. Ге́рман откры́л семёрку.

Все а́хнули. Чекали́нский смути́лся. Он отсчита́л девяно́сто четы́ре ты́сячи и пе́редал Ге́рману. Ге́рман споко́йно при́нял их и сра́зу ушёл.

На тре́тий ве́чер Ге́рман опя́ть появи́лся у ка́рточного стола́. Все его́ ожида́ли. Генера́лы оста́вили вист, что́бы ви́деть таку́ю необыкнове́нную игру́. Офице́ры вста́ли с дива́нов. Официа́нты собрали́сь в гости́ной. Все окружи́ли Ге́рмана. Ге́рман взял ка́рту и покры́л её горо́й де́нег. Это бы́ло похо́же на дуэ́ль.

Чекали́нский стал сдава́ть. Ру́ки у него́ дрожа́ли. Напра́во легла́ да́ма, нале́во туз.

- Туз вы́играл! - сказа́л Ге́рман, и откры́л свою́ ка́рту.

- Ва́ша да́ма би́та, - сказа́л Чекали́нский.

Ге́рман вздро́гнул. Он не ве́рил свои́м глаза́м, не понима́я, как мог он ошиби́ться. Вме́сто туза́ у него́ была́ пи́ковая да́ма. В э́ту мину́ту ему́ показа́лось, что пи́ковая да́ма посмотре́ла на него́ и улыбну́лась ...

- Стару́ха! - закрича́л он с ужасом.

Чекали́нский взял со стола́ свой вы́игрыш. Ге́рман

стоя́л неподви́жно, пото́м он ме́дленно отошёл от стола́.

Чекали́нский стасова́л ка́рты и игра́ продолжа́лась.

Заключе́ние

Ге́рман сошёл с ума́. Он сиди́т в больни́це, не отвеча́ет ни на каки́е вопро́сы, и всё вре́мя повторя́ет: "Тро́йка, семёрка, туз! Тро́йка, семёрка, да́ма!.."

Елизаве́та Ива́новна вы́шла за́муж за хоро́шего молодо́го челове́ка. Он где́-то слу́жит и дово́льно бога́т.

СЛОВА́РЬ К РАССКА́ЗУ "ПИ́КОВАЯ ДА́МА"

Глава 1

та́йна	secret, mystery
гвардейский	elite, guard
оживля́ться оживи́ться	to become lively
рискова́ть рискну́ть	to risk, take a gambling chance
расчётливый	calculating, thrifty, economy minded
удивля́ть удиви́ть	to surprise, astonish, amaze
удиви́тельный	surprising, astonishing, amazing
уха́живать за (+ Instr.)	to court
прои́грывать проигра́ть	to lose (in sports, cards, competition)
поко́йный	deceased
одна́ко	however, nevertheless, yet
про́игрыш	loss
категори́чески	categorically
угро́за	treat, menace
уговоры	persuasion
шарлата́н	sharlatan, impostor, cheat
запи́ска	note
шпио́н	spy
заду́мываться заду́маться	to muse, be preoccupied with thought

су́мма	sum, amount
<u>оты́грываться</u> отыгра́ться	to win back
<u>удва́ивать</u> удво́ить	to double
ска́зка	fairy tale, fable
<u>уга́дывать</u> угада́ть	to guess
подря́д	in a row, one after another
че́тверо	foursome, group of four
отча́яние	despair
че́стный	honest, honorable
вы́игрыш	winnings
рю́мка	wine glass

Глава 2

<u>окружа́ть</u> окружи́ть	to surround
<u>сохраня́ть</u> сохрани́ть	to preserve
привы́чка	habit
мо́лодость (f.)	youth
вско́ре	soon (after)
углово́й	corner (Adj.)
<u>красне́ть</u> покрасне́ть	to blush
<u>наклоня́ть</u> наклони́ть	to bend, tilt
каре́та	coach, carriage
чепуха́	nonsense, rubbish

колоко́льчик	bell (small handbell)
одновре́менно	simultaneously, at the same time
злой	wicked, malicious, mean
стари́нный	ancient, old-fashioned, antique
му́ченик(му́ченица - f.)	martyr
ли́шний	extra, unnecessary, superfluous
расхо́д	outlay, expenditure. expense
вслух	aloud
мостова́я	pavement (cobblestone)
комо́д	dresser
кра́шеный	painted

Глава 3

напро́тив	opposite, across
неподви́жно	motionless
опуска́ть / опусти́ть	to lower, draw down
расхо́довать / израсхо́довать	to spend
определённый	definite, specific
приближе́ние	approaching, oncoming
проце́нт	interest, percent
жа́лованье	salary
душа́	soul, spirit, heart
поко́й	rest, tranquility
освещённый	illuminated, lighted

Глава 4

посо́л	envoy, ambassador
возмо́жность (f.)	possibility, opportunity, chance
назна́ченный	assigned, appointed
ши́рма	screen
полузакры́тый	half-closed
ступе́нь (f.)	step, footstep
шевели́ть пошевели́ть	to move, stir
губа́ (pl. гу́бы)	lips
кача́ться покача́ться	to swing, rock
коле́но (pl. коле́ни)	knee
храни́ть сохрани́ть	to keep, store
ве́дьма	witch
заставля́ть заста́вить	to force, compel
защища́ться защити́ться	to defend, protect (oneself)
притворя́ться притвори́ться	to pretend

Глава 5

взгляд	glance, look, glaze
знако́мство	acquaintance
у́жас	terror, horror, fright

стра́стный	passionate
жела́ние	wish, desire, longing
нево́льный	involuntary, unintentional
уби́йца	murderer
жа́лость (f.)	pity
бога́тство	wealth, fortune
чудо́вище	monster
заряжа́ть / заряди́ть	to load, charge
скре́щивать / скрести́ть	to cross
по́за	pose

Глава́ 6

при́зрак	ghost, phantom
гроб	coffin
те́ло	body
суеве́рный	superstitious
по́хороны	funeral
проще́ние	forgiveness
возвыше́ние	elevation
скла́дывать / сложи́ть	to put (lay) together
атла́сный	satin (adj.)
лоб	forehead

насме́шливо	mockingly
о́бморок	faint
расстра́иваться расстро́иться	to feel upset
засыпа́ть засну́ть	to fall asleep
шаг	step
ша́ркать	to scrape one's feet, drag one's feet
исполня́ть испо́лнить	to carry out, fulfill, execute
туз	ace (cards)

Глава́ 7

рокова́й	fatal
репута́ция	reputation
знак	sign, symbol
ци́фра	numeral, cipher, figure
проща́ть прости́ть	to forgive
сходи́ть с ума́ сойти́	to go mad, lose one's mind
предупрежда́ть предупреди́ть	to warn, caution, forestall
вале́т	jack (cards)
смуща́ться смути́ться	to be embarrassed
необыкнове́нный	unusual, extraordinary

дрожа́ть задрожа́ть	to tremble, shake, shiver
вздра́гивать вздро́гнуть	to shudder, flinch
тасова́ть стасова́ть	to shuffle (cards)

КАПИТА́НСКАЯ ДО́ЧКА

по А.С. ПУ́ШКИНУ

1. Серж́ант гва́рдии

Оте́ц мой, Андре́й Петро́вич Гринёв, в мо́лодости служи́л в гва́рдии и вы́шел в отста́вку в 1755 году́. С тех пор он жил в свое́й симби́рской дере́вне, где и жени́лся на мое́й ма́тери Авдо́тье Васи́льевне. Ещё ребёнком я был запи́сан в Семёновский полк серж́антом, по проте́кции кня́за Б., на́шего бли́зкого ро́дственника. Пока́ я учи́лся, я счита́лся в о́тпуске. Образова́ние в э́то вре́мя бы́ло просто́е. Чита́ть и писа́ть я научи́лся от на́шего слуги́ Саве́льича, кото́рый был мои́м дя́дькой.

Пото́м оте́ц взял францу́за Бопре́, что́бы продолжа́ть моё образова́ние. Саве́льич был о́чень недово́лен прие́здом но́вого учи́теля.

Бопре́ на ро́дине был парикма́хером, пото́м в Пру́ссии солда́том, пото́м прие́хал в Росси́ю, что́бы стать учи́телем. Он был до́брый челове́к, но люби́л вы́пить. Мы с ним ско́ро ста́ли прия́телями, и он, вме́сто того́ что́бы учи́ть меня́ по-францу́зски, по-нэме́цки и всем нау́кам, научи́лся от меня́ ко́е-ка́к говори́ть по-ру́сски, - и пото́м ка́ждый из нас занима́лся свои́м де́лом. Мы

жи́ли с ним душа́ в ду́шу. Друго́го учи́теля я и не же-
ла́л.

Но вот одна́жды, во вре́мя уро́ка геогра́фии, когда́ Бопре́ ми́рно спал на крова́ти, а я из но́вой ка́рты де́-
лал зме́я, в ко́мнату вошёл оте́ц.

Уви́дев мои́ упражне́ния в геогра́фии, он снача́ла взял меня́ за́ ухо, пото́м побежа́л к Бопре́ и разбуди́л его́ о́чень неосторо́жно. Бе́дный францу́з хоте́л встать, и не мог: он был совсе́м пьян.

В тот же день францу́з потеря́л ме́сто в на́шем до́-
ме, к большо́й ра́дости Саве́льича.

Так ко́нчилось моё образова́ние.

Ме́жду тем мне испо́лнилось 16 лет. Тут судьба́ моя́ перемени́лась.

Одна́жды о́сенью, когда́ мать вари́ла варе́нье, а оте́ц чита́л журна́л, он вдруг спроси́л у ма́тери:

- Авдо́тья Васи́льевна, а ско́лько лет Петру́ше?

- 16 уже́, - отве́тила мать.

- Хорошо́, - сказа́л оте́ц, - пора́ ему́ на слу́жбу.

Мысль о моём ско́ром отъе́зде так напуга́ла мать, что она́ урони́ла ло́жку и запла́кала.

Напро́тив того́, тру́дно описа́ть мою́ ра́дость. В мы́слях я уже́ ви́дел себя́ офице́ром гва́рдии в Петер-
бу́рге, и бу́дущая жизнь каза́лась мне свобо́дной и весёлой.

Оте́ц не люби́л ни меня́ть свои́х реше́ний, ни откла́дывать их выполне́ния. День моего́ отъе́зда был назна́чен.

Оте́ц объяви́л, что хо́чет написа́ть моему́ бу́дущему нача́льнику.

- Не забу́дь, Андре́й Петро́вич, - сказа́ла мать, - посла́ть от меня́ приве́т кня́зю Б. и попроси́ его́ помо́чь Петру́ше в Петербу́рге.

- Что за вздор! - отве́тил оте́ц. - Для чего́ мне писа́ть кня́зю Б.? Петру́ша в Петербу́рг не пое́дет. Чему́ нау́чится он, служа́ в Петербу́рге? Пить вино́ и игра́ть в ка́рты? Нет, пусть послу́жит он в а́рмии, да понюхает по́роха, да бу́дет солда́т, а не безде́льник в гва́рдии. Где его́ па́спорт, дай его́ сюда́!

Оте́ц прочита́л мой па́спорт со внима́нием, положи́л его́ на стол и на́чал своё письмо́.

Ко́нчив письмо́, оте́ц позва́л меня́ и сказа́л:

- Вот тебе́ письмо́ к Андре́ю Ка́рловичу Р., моему́ ста́рому това́рищу и дру́гу. Ты е́дешь в Оренбу́рг служи́ть под его́ нача́льством.

Так ко́нчились все мои́ наде́жды. Вме́сто весёлой петербу́ргской жи́зни, меня́ ждала́ ску́чная жизнь в прови́нции. Но спо́рить бы́ло не́чего.

На друго́й день у́тром к до́му подъе́хала киби́тка. Мы положи́ли туда́ чемода́ны. Роди́тели благослови́ли

меня́. Оте́ц сказа́л мне:

- Проща́й, Пётр. Служи́ ве́рно, слу́шайся нача́льников, и по́мни посло́вицу: Береги́ пла́тье сно́ву, а честь смо́лоду.

Мать пла́ча приказа́ла мне бере́чь моё здоро́вье, а Саве́льичу смотре́ть за ребёнком. Я сел в кибитку с Саве́льичем и мы пое́хали.

2. Проводни́к

Я подъезжа́л к ме́сту моего́ назначе́ния. Круго́м была́ степь, покры́тая сне́гом. Вдруг ямщи́к посмотре́л в сто́рону и сказа́л:

- Ба́рин, не прика́жешь ли верну́ться?

- Э́то заче́м? - спроси́л я.

- Ви́дишь, ве́тер поднима́ется.

- Так что же?

- А ви́дишь, что там? - Ямщи́к показа́л на восто́к.

- Вон э́то о́блачко!

Я уви́дел на горизо́нте бе́лое о́блачко. Ямщи́к объясни́л мне, что бу́дет мете́ль. Я слы́шал о мете́лях в тех места́х и знал, что иногда́ це́лые обо́зы пропада́ли в снегу́.

Саве́льич то́же сове́товал верну́ться. Но я, наде́ясь дое́хать до сле́дующей ста́нции во́время, приказа́л

е́хать скоре́е.

Ме́жду тем ве́тер станови́лся сильне́е. О́блако поднима́лось и ско́ро покры́ло всё не́бо. Пошёл снег - начала́сь мете́ль.

Ско́ро мы потеря́ли доро́гу. Ло́шади останови́лись. Де́лать бы́ло не́чего. Вдруг я уви́дел что́-то чёрное.

- Эй, ямщи́к! - закрича́л я. - Смотри́, что э́то там впереди́?

- А Бог зна́ет, ба́рин! Ка́жется дви́гается. Должно́ быть и́ли волк и́ли челове́к.

Я приказа́л е́хать к незнако́мому предме́ту, кото́рый сейча́с же стал дви́гаться нам навстре́чу.

Че́рез две мину́ты мы подъе́хали к челове́ку.

- Гей, до́брый челове́к! - закрича́л ему́ ямщик. - Скажи́, не зна́ешь ли, где доро́га?

- Доро́га здесь; я стою́ на твёрдой земле́, - отве́тил пу́тник.

- Послу́шай, мужичо́к, - сказа́л я ему́, - не зна́ешь ли ты э́ту сто́рону? Мо́жешь ли довести́ нас до ста́нции?

- Места́, сла́ва Бо́гу, знако́мые. Да ви́дишь, кака́я пого́да, ничего́ не ви́дно. Лу́чше подожда́ть, пока́ ко́нчится мете́ль.

Я уже́ реши́л провести́ ночь в степи́, как вдруг он бы́стро сел ря́дом с ямщико́м и сказа́л:

- Поезжа́й напра́во! Сла́ва Бо́гу, тут дере́вня

бли́зко, слы́шишь за́пах ды́ма?

Мы ме́дленно пое́хали по глубо́кому сне́гу. Ско́ро я засну́л.

Когда́ я просну́лся, ло́шади стоя́ли, Саве́льич держа́л меня́ за́ руку, говоря́:

- Выходи́, ба́рин, прие́хали!

- Куда́ прие́хали? - спроси́л я, открыва́я глаза́.

- На постоя́лый двор, Госпо́дь помо́г.

Я вы́шел из кибитки, мете́ль ещё продолжа́лась.

Хозя́ин встре́тил нас у воро́т и ввёл меня́ в ко́мнату, небольшу́ю, но дово́льно чи́стую. На стене́ виса́ла винто́вка и высо́кая каза́цкая ша́пка. Хозя́ин был яи́цкий каза́к.

Саве́льич внёс за мной чемода́ны и потре́бовал огня́, что́бы пригото́вить чай.

- Где же проводни́к? - спроси́л я у Саве́льича.

- Здесь, ва́ше благоро́дие, - отве́тил мне го́лос све́рху.

Я посмотре́л на печь и уви́дел чёрную бо́роду и два сверка́ющих гла́за.

- Что, брат, хо́лодно?

- Как не хо́лодно без тулу́па, ба́рин. Был тулу́п, да про́пил вчера́: моро́з показа́лся невели́к.

В э́ту мину́ту хозя́ин вошёл с самова́ром. Я предложи́л на́шему проводнику́ ча́шку ча́я; мужи́к о́тпил немно́го и сказа́л:

– Ва́ше благоро́дие, прикажи́те лу́чше пода́ть стака́н во́дки: чай не на́ше каза́цкое питьё.

Я охо́тно вы́полнил его́ жела́ние.

Хозя́ин вы́нул из шка́фа стака́н, подошёл к проводнику́ и посмотре́л ему́ в лицо́:

– Эхе́! – сказа́л он, – опя́ть ты в на́ших места́х! Отку́да Бог принёс?

Тут начался́ разгово́р на воровско́м жарго́не, из кото́рого я ничего́ не по́нял. То́лько пото́м мне ста́ло я́сно, что де́ло шло о бу́нте яи́цких казако́в.

Ско́ро мы все легли́ спать, и я засну́л, как уби́тый.

Проснувшись у́тром дово́льно по́здно, я уви́дел, что мете́ль прошла́. Ло́шади бы́ли гото́вы. Я заплати́л хозя́ину, позва́л проводника́ и поблагодари́л его́ за по́мощь. Саве́льичу я приказа́л дать ему́ рубль на во́дку. Саве́льич рассерди́лся.

– Рубль на во́дку! – сказа́л он. – Как хо́чешь, ба́рин, у нас нет ли́шних рубле́й. Е́сли ка́ждому дава́ть на во́дку, так ско́ро са́ми бу́дем голода́ть.

Я не мог спо́рить с Саве́льичем. Де́ньги находи́лись в его́ рука́х.

– Хорошо́, – сказа́л я, – е́сли не хо́чешь дать де́нег, дай ему́ мой за́ячий тулу́п!

– Для чего́ ему́ за́ячий тулу́п, ба́рин, он, соба́ка, пропьёт его́ в пе́рвый же день. Ведь за́ячий тулу́п почти́ но́вый!

– Э́то не твоё де́ло, стари́к, – сказа́л проводни́к, – пропью́ я его́ и́ли нет. Его́ благоро́дие даёт мне свой тулу́п, твоё де́ло не возража́ть, а слу́шаться.

– Сейча́с же принеси́ сюда́ тулу́п! – приказа́л я Саве́льичу.

Саве́льич принёс тулу́п, и мужи́к тут же наде́л его́.

– Спаси́бо, ва́ше благоро́дие, – сказа́л он, – никогда́ не забу́ду э́того.

Попроща́вшись, он пошёл в свою́ сто́рону, а мы пое́хали да́льше. Ско́ро я забы́л о мете́ли, о своём проводнике́ и о за́ячьем тулу́пе.

Прие́хав в Оренбу́рг, я пря́мо пошёл к генера́лу. Прочита́в письмо́ моего́ отца́, он сказа́л, что я бу́ду назна́чен офице́ром в Белого́рскую кре́пость, под кома́нду капита́на Миро́нова.

На друго́й день я прости́лся с генера́лом и пое́хал к ме́сту моего́ назначе́ния.

3. Кре́пость

Белого́рская кре́пость находи́лась в сорока́ верста́х от Оренбу́рга. Доро́га шла по круто́му бе́регу реки́ Яи́ка (тепе́рь Ура́л). За ней бы́ли видны́ киргизские сте́пи, покры́тые бе́лым сне́гом. Я ду́мал о капита́не Миро́нове, моём бу́дущем нача́льнике. Я представля́л

себе́ его́ серди́тым старико́м, не зна́ющим ничего́, кро́ме свое́й слу́жбы.

Мы е́хали дово́льно бы́стро.

- Далеко́ ли до кре́пости? - спроси́л я у своего́ ямщика́.

- Недалеко́, вон уже́ видна́ кре́пость, - отве́тил он, пока́зывая на ма́ленькую дере́вню впереди́ нас.

Я приказа́л е́хать пря́мо к комендан́ту. Че́рез не́сколько мину́т кибитка останови́лась пе́ред до́мом о́коло це́ркви. Никто́ не встре́тил меня́. Я вошёл в дом.

В ко́мнате у окна́ сиде́ла стару́шка и ши́ла.

- Кого́ вам на́до? - спроси́ла она́, продолжа́я своё заня́тие.

Я отве́тил, что прие́хал на слу́жбу и хоте́л бы ви́деть комендан́та.

- Ива́на Кузьмича́ нет до́ма, - сказа́ла она́, - он пошёл в го́сти к отцу́ Гера́симу, но всё равно́, сади́сь, су́дарь, я его́ хозя́йка.

Она́ приказа́ла позва́ть уря́дника ... Вошёл уря́дник, молодо́й высо́кий каза́к.

- Макси́мыч! - сказа́ла ему́ капита́нша. - Покажи́ господи́ну офице́ру кварти́ру.

Уря́дник повёл меня́ в избу́, стоя́вшую на высо́ком берегу́ реки́. Полови́на избы́ была́ занята́ хозя́ином - другу́ю да́ли мне. Саве́льич пригото́вил чай, но я лёг

в посте́ль, не поу́жинав. На друго́й день у́тром, когда́ я одева́лся, дверь откры́лась, и ко мне вошёл молодо́й офице́р. Он был невысо́к, с лицо́м дово́льно некраси́вым, но живы́м. Мы познако́мились. Его́ фами́лия была́ Шва́брин. Он то́же служи́л в на́шей кре́пости.

Мы с ним о́чень ве́село разгова́ривали, когда́ вошёл инвали́д и от и́мени комендантши позва́л меня́ обе́дать. Шва́брин пошёл вме́сте со мной. Подходя́ к до́му коменда́нта, мы уви́дели на пло́щади челове́к два́дцать ста́рых инвали́дов, пе́ред кото́рыми стоя́л комендант и кома́ндовал.

Уви́дев нас, он к нам подошёл и сказа́л мне не́сколько до́брых слов, пото́м посла́л нас к Васили́се Его́ровне, сказа́в, что здесь нам смотре́ть не́чего. Васили́са Его́ровна встре́тила меня́, как ста́рого знако́мого.

- Где же Ива́н Кузьми́ч? - спроси́ла она́, - всё ещё у́чит солда́т?

В э́ту мину́ту в ко́мнату вошла́ де́вушка лет восемна́дцати. Э́то была́ Ма́ша, дочь комендан́та. Снача́ла она́ мне не о́чень понра́вилась. Шва́брин описа́л её мне по́лной ду́рочкой.

Ме́жду тем по́дали щи. Комендантша посла́ла прислу́гу за му́жем.

- Скажи́ ба́рину, что го́сти ждут, уче́ние не уйдёт.

Капита́н ско́ро пришёл.

– Что э́то ты, су́дарь? – сказа́ла ему́ жена́, – ку́шанье давно́ по́дано, а тебя́ нет.

– Послу́шай, Василиса Его́ровна, – отве́тил капита́н, – я был за́нят слу́жбой.

– Вздор всё! – сказа́ла капита́нша, – Оди́н разговор, что ты солда́т у́чишь; сиде́л бы лу́чше до́ма, да Бо́гу моли́лся ... Дороги́е го́сти, прошу́ к столу́!

Мы се́ли обе́дать. Комендантша всё вре́мя разгова́ривала. Спра́шивала меня́, кто мои́ роди́тели, живы́ ли они́, где живу́т и ско́лько у них крестья́н. Услы́шав, что у отца́ моего́ три́ста крестья́н, она́ сказа́ла:

– Есть же на све́те бога́тые лю́ди! А у нас, су́дарь, то́лько одна́ прислу́га Пала́шка, но, сла́ва Бо́гу, живём понемно́гу. Одно́ пло́хо: Ма́ше пора́ за́муж, а мы лю́ди бе́дные, кто её возьмёт. Хорошо́, е́сли найдётся до́брый челове́к, ина́че оста́нется она́ неве́стой на всю жизнь.

Я посмотре́л на Ма́шу, она́ вся покрасне́ла и смотре́ла в свою́ таре́лку. Мне ста́ло её жаль, и я хоте́л переменить разгово́р.

– Я слы́шал, – сказа́л я, – что на ва́шу кре́пость хотя́т напа́сть башки́ры.

– От кого́, су́дарь, ты слы́шал э́то? – спроси́л Ива́н Кузьми́ч.

– Мне так сказа́ли в Оренбу́рге, – отве́тил я.

– Вздор! – сказа́л комендáнт. – У нас давно́ о них не слы́шно. Башки́ры боя́тся, да и киргизы то́же. А е́сли нападу́т, то я им так покажу́, что лет на де́сять бу́дет дово́льно.

– А вам не стра́шно, – продолжа́л я, обраща́ясь к капита́нше, – остава́ться в кре́пости, где так опа́сно?

– Привы́кла, су́дарь, – отве́тила она́. – Когда́ лет два́дцать тому́ наза́д перевели́ нас из полка́ сюда́, Бо́же мой, как я боя́лась э́тих не́христей! А тепе́рь так привы́кла, что с ме́ста не сдви́нусь, е́сли услы́шу, что они́ бли́зко.

– Василиса Его́ровна о́чень хра́брая да́ма, – заме́тил ва́жно Шва́брин.

– А Ма́рья Ива́новна, – спроси́л я, – така́я же хра́брая, как вы?

– Нет, Ма́ша трусиха. До сих пор не мо́жет слы́шать вы́стрела из ружья́. А когда́ го́да два тому́ наза́д Ива́н Кузьми́ч в мои́ именины реши́л стреля́ть из на́шей пу́шки, так Ма́ша чуть не умерла́ от стра́ха. С тех пор бо́льше не стреля́ем из прокля́той пу́шки.

Мы вста́ли из-за стола́. Капита́н с капита́ншей пошли́ спать, а я пошёл к Шва́брину, с кото́рым я провёл весь ве́чер.

4. Жизнь в кре́пости

Прошло́ не́сколько неде́ль и я привы́к к жи́зни в Белого́рской кре́пости. В до́ме комендан́та я был при́нят, как родно́й. Муж и жена́ бы́ли лю́ди хоро́шие. Ива́н Кузьми́ч, вы́шедший из солда́тской семьи́, был челове́к необразо́ванный и просто́й, но са́мый че́стный и до́брый.

Васили́са Его́ровна смотре́ла на дела́ слу́жбы, как на свои́ дома́шние дела́ и управля́ла кре́постью, как свои́м до́мом. Ма́рья Ива́новна ско́ро переста́ла меня́ боя́ться. Мы познако́мились бли́же. Я нашёл в ней хорбшую и у́мную де́вушку. Ско́ро я полюби́л э́ту до́брую семью́, а та́кже и ста́рого Ива́на Игна́тьевича, помбщника комендан́та.

Я был произведён в офице́ры. Слу́жба была́ нетру́дная. В кре́пости не́ было ни пара́дов, ни учёний, ни карау́лов. Обе́дал я почти́ всегда́ у комендан́та, где обы́чно проводи́л оста́ток дня. Ве́чером туда́ иногда́ приходи́л оте́ц Гера́сим с жено́й. Шва́брина я то́же встреча́л ча́сто, но его́ шу́тки насчёт семьи́ комендан́та мне о́чень не нра́вились. Я слы́шал от други́х, что он хоте́л жени́ться на Ма́ше, но получи́л отка́з.

5. Вое́нный сове́т

Одна́жды ве́чером (э́то бы́ло в нача́ле октября́ 1773-го го́да) я сиде́л оди́н до́ма, когда́ меня́ позва́ли к комендан́ту.

У комендáнта я нашёл Швáбрина, Ивáна Игнáтьевича и казáцкого урядника - Максúмыча. В кóмнате нé было ни Василúсы Егóровны, ни Máши. Комендáнт зáпер дверь, вынул из кармáна бумáгу и сказáл нам:

- Господá офицéры, вáжная нóвость! Слýшайте, что пúшет генерáл.

Генерáл писáл, что донскóй казáк Емельян Пугачёв, убежáвший из-под арéста, пóднял бунт в яúцких сёлах. Выдавáя себя́ за умéршего царя́ Петрá III , он собрáл шáйку разбóйников и ужé взял нéсколько крепостéй. Мы должны́ бы́ли приня́ть мéры для защúты крéпости.

- Приня́ть мéры, - сказáл комендáнт, - легкó сказáть. Разбóйник, вúдно, силён, а у нáс всегó сто трúдцать человéк, не считáя казакóв. Не хочý тебя́ обижáть, Максúмыч, на казакóв твоúх надéжда плохáя. - Урядник улыбнýлся.

- Но дéлать нéчего, господá офицéры! - сказáл комендáнт, - постáвьте часовы́х и вы́шлите ночны́е дозóры. В слýчае нападéния запирáйте воротá и выводúте солдáт. Ты, Максúмыч, смотрú за своúми казакáми. Пýшку нáдо осмотрéть и вы́чистить. А глáвное, держáть дéло в тáйне, чтóбы никтó в крéпости не узнáл об э́том рáньше врéмени.

Скóро всё-таки об э́той нóвости узнáли все. И вот как э́то случúлось.

Ива́н Кузьми́ч, хотя́ и о́чень люби́л жену́, но никогда́ не откры́л бы ей служе́бной та́йны. Получи́в письмо́ от генера́ла, он посла́л жену́ к отцу́ Гера́симу, сказа́в, что у того́ есть интере́сные но́вости из Оренбу́рга, кото́рые он де́ржит в секре́те. Васили́са Его́ровна сейча́с же пошла́ в го́сти к жене́ отца́ Гера́сима и, по сове́ту Ива́на Кузьмича́, взяла́ с собо́й Ма́шу, что́бы ей не́ было ску́чно одно́й.

Комендант, оста́вшись по́лным хозя́ином в до́ме, сейча́с же посла́л за на́ми, а Пала́шку за́пер в сара́й, что́бы она́ не могла́ услы́шать, о чём мы бу́дем говори́ть.

Васили́са Его́ровна, верну́вшись без новосте́й, узна́ла, что у Ива́на Кузьмича́ был вое́нный сове́т и что Пала́шка была́ под замко́м. Она́ поняла́, что муж обману́л её, и начала́ допро́с. Но Ива́н Кузьми́ч был гото́в к нападе́нию и не вы́дал та́йны.

- А для чего́ ты за́пер Пала́шку? -спроси́ла комендантша. Ива́н Кузьми́ч не́ был пригото́влен к тако́му вопро́су. Он испуга́лся и не знал, что сказа́ть. Васили́са Его́ровна уви́дела, что он ей всё равно́ не ска́жет пра́вды и перемени́ла разгово́р.

На друго́й день, возвраща́ясь из це́ркви, она уви́дела помо́щника комендан́та: Ива́н Игна́тьевич вынима́л из пу́шки ка́мешки, бро́шенные туда́ детьми́.

- Что зна́чат э́ти вое́нные приготовле́ния? -

поду́мала комендáнтша. – Неуже́ли киргизы́ хотя́т напа́сть?

Она́ подошла́ к Ива́ну Игна́тьевичу, твёрдо реши́в узна́ть та́йну.

– Бо́же мой! Вот каки́е но́вости! – сказа́ла она́. – Что из э́того вы́йдет?

– Не бо́йся Васили́са Его́ровна! – отве́тил Ива́н Игна́тьевич. – Бог помо́жет, солда́т у нас дово́льно, по́роху мно́го, пу́шку я вы́чистил. С Бо́жьей по́мощью защити́мся от Пугачёва.

– А что за челове́к э́тот Пугачёв? – спроси́ла комендáнтша.

Тут Ива́н Игна́тьевич заме́тил, что он вы́дал вое́нную та́йну, но бы́ло уже́ по́здно. Васили́са Его́ровна заста́вила его́ рассказа́ть всё.

Че́рез не́сколько дней недалеко́ от кре́пости был аресто́ван башки́рец с прокла́мацией Пугачёва.

По э́тому слу́чаю комендáнт опя́ть хоте́л собра́ть свои́х офице́ров. Он позва́л жену́ и сказа́л:

– Послу́шай, Васили́са Его́ровна, говоря́т, оте́ц Гера́сим получи́л из го́рода интере́сны ...

Дово́льно врать, Ива́н Кузьми́ч, возрази́ла комендáнтша. – Ты хо́чешь собра́ть сове́т и без меня́ поговори́ть о Пугачёве, но в э́тот раз не обма́нешь.

Ива́н Кузьми́ч о́чень удиви́лся.

– Ну, жена́, е́сли ты всё зна́ешь, – сказа́л он, – так остава́йся, мы поговори́м при тебе́.

– Давно́ бы так, – отве́тила она́, не тебе́ меня́ обма́нывать; посыла́й за офице́рами.

Мы собрали́сь опя́ть. Комендáнт прочита́л нам прокламáцию Пугачёва. Разбóйник объявля́л, что скóро придёт к нáшей крéпости, предлагáл казакáм и солдáтам поступи́ть в егó шáйку, а командúрам совéтовал сдáться, угрожáя смéртью.

– Какóй разбóйник! – закричáла комендáнтша. – Что он нам предлагáет! Вы́йти к нему́ навстрéчу и положи́ть к егó ногáм знамёна! Ах он собáчий сын!

– Ви́дно, он прáвда силён, – замéтил Швáбрин.

В э́ту мину́ту в кóмнату вбежáла Палáшка.

– Несчáстье, бáрин! – закричáла онá. – Крéпость Нижеозёрная взятá сегóдня у́тром. Рабóтник отцá Герáсима сейчáс верну́лся оттýда. Комендáнт и все офицéры повéшены. Все солдáты взя́ты в плен. Скóро разбóйники бу́дут здесь.

Комендáнт Нижеозёрной крéпости был мне знакóм; э́то был ти́хий молодóй человéк. Нéсколько недéль тому́ назáд он был в гостя́х у Ивáна Кузьмичá со своéй молодóй женóй. Нижеозёрная находи́лась в двадцати́ пяти́ верстáх от нас. С чáсу на чáс нам нáдо бы́ло ждать нападéния Пугачёва. Я испугáлся за судьбу́ Máши.

– Послу́шайте, Ивáн Кузьми́ч! – сказáл я комендáнту, – наш долг защищáть крéпость, об э́том и говори́ть нéчего. Но ну́жно поду́мать о безопáсности жéнщин.

Пошли́те их в Оренбу́рг, е́сли доро́га ещё свобо́дна.

Ива́н Кузьми́ч посмотре́л на жену́ и сказа́л ей:

- Пра́вда, Василиса Его́ровна, не лу́чше ли посла́ть вас в Оренбу́рг?

- Вздор! - отве́тила комендантша, - чем Белого́рская кре́пость плоха́? Сла́ва Бо́гу, два́дцать второ́й год в ней живём. Ви́дели мы и башки́ров и киргизов, заче́м нам Пугачёва боя́ться.

- Ну, хорошо́, - сказа́л Ива́н Кузьми́ч, - остава́йся, е́сли ты на на́шу кре́пость наде́ешься. Но с Ма́шей что де́лать? Что е́сли разбо́йники возьму́т кре́пость?

- Ну, тогда́ ... - тут Василиса Его́ровна остановилась и замолча́ла.

- Нет, Василиса Его́ровна, - продолжа́л комендант, заме́тив, что жена́ слу́шает его́, мо́жет быть в пе́рвый раз в жи́зни, - Ма́ше здесь остава́ться нельзя́. Пошлём её в Оренбу́рг: там и войск и пу́шек дово́льно, и стена́ ка́менная. И тебе́ сове́тую с ней пое́хать; хотя́ ты и стару́ха, а посмотри́, что с тобо́й бу́дет, е́сли разбо́йники возьму́т кре́пость?

- Хорошо́, - сказа́ла комендантша, - пошлём Ма́шу. А меня́ не проси́: не пое́ду. Вме́сте жить, вме́сте и умира́ть.

- Пусть бу́дет по-тво́ему, - отве́тил комендант. - Но ждать нельзя́, иди́ собира́ть Ма́шу в доро́гу.

6. Ата́ка

В э́ту ночь я не спал и не раздева́лся. Я хоте́л ра́но пойти́ к крепостны́м воро́там, что́бы в после́дний раз прости́ться с Ма́шей, когда́ она́ бу́дет уезжа́ть.

Ночь прошла́ бы́стро. Я уже́ хоте́л вы́йти из до́ма, когда́ дверь откры́лась и вошёл капра́л, кото́рый сказа́л мне, что все казаки́ но́чью ушли́ из кре́пости и что о́коло неё е́здят вса́дники Пугачёва. Мысль, что Ма́рья Ива́новна ещё не уе́хала, испуга́ла меня́. Я бы́стро дал капра́лу не́сколько приказа́ний и бро́сился к комендан́ту. По доро́ге я встре́тил Ива́на Игна́тьевича.

– Куда́ вы? – спроси́л он, – Ива́н Кузьми́ч на валу́, он посла́л за ва́ми. Пугачёв пришёл.

– Уе́хала ли Ма́рья Ива́новна? – спроси́л я.

– Нет, – отве́тил стари́к, – кре́пость окружена́. Пло́хо, Пётр Андре́евич!

Мы пошли́ на вал. Там уже́ стоя́л весь гарнизо́н, а та́кже почти́ все жи́тели кре́пости. Пу́шку привезли́ туда́ вчера́. По степи́, недалеко́ от кре́пости, е́здило челове́к 20 вса́дников. Они́ каза́лись казака́ми, но ме́жду ни́ми бы́ли та́кже башки́ры.

Комендан́т обошёл своё во́йско, говоря́ солда́там:

– Ну, ребяту́шки, постои́м сего́дня за ма́тушку-ца-ри́цу и пока́жем всему́ све́ту, что мы лю́ди хра́брые и ве́рные.

Комендáнт приказáл Ивáну Игнáтьевичу вы́стрелить из пу́шки по всáдникам. Снаря́д пролетéл над ни́ми и упáл далекó позади́, не попáв в цель. Всáдники ускакáли.

На вал пришлá Василúса Егóровна и с ней Máша.

- Ну что? - спроси́ла комендáнтша. - Как идёт бой? Где же неприя́тель?

- Неприя́тель недалекó, - отвéтил Ивáн Кузьми́ч.

В э́то врéмя из-за холмá, находи́вшегося в полуверстé от крéпости, вы́ехала толпá всáдников и скóро вся степь былá покры́та и́ми. Мéжду всáдниками на бéлом конé éхал человéк в крáсной одéжде с сáблей в рукé: э́то был сам Пугачёв.

По егó прикáзу четы́ре человéка поскакáли галóпом к крéпости. Когдá они́ подъéхали, мы увúдели, что э́то бы́ли нáши изменники из казакóв. Одúн из них держáл над шáпкой лист бумáги, у другóго на пúке былá головá калмыкá Юлáя, пропáвшего из крéпости прóшлой нóчью. Они́ перебрóсили гóлову Юлáя к нам чéрез стéну. Головá упáла к ногáм комендáнта. Изменники кричáли:

- Не стреля́йте, выходúте к царю́! Царь здесь!

- Я вам покажу́! - закричáл Ивáн Кузьми́ч. - Ребя́та, стреля́й!

Солдáты дáли залп. Казáк, держáвший письмó, упáл с лóшади; другúе поскакáли назáд. Комендáнт позвáл

капра́ла и приказа́л ему́ взять лист из рук уби́того казака́. Капра́л вы́шел в по́ле и верну́лся, ведя́ ло́шадь уби́того. Он переда́л команда́нту письмо́. Команда́нт прочита́л его́ и вы́бросил. Ме́жду тем бунтовщики́ гото́вились к наступле́нию. Ско́ро пу́ли на́чали лета́ть над на́шими голова́ми.

- Васили́са Его́ровна! - сказа́л команда́нт. - Здесь же́нщинам не ме́сто: уведи́ Ма́шу, да не забу́дь наде́ть на неё крестья́нское пла́тье.

Команда́нтша с до́черью ушли́.

Бунтовщики́ сходи́ли с лошаде́й и собира́лись вокру́г свое́го нача́льника.

- Тепе́рь сто́йте кре́пко, - сказа́л команда́нт, - бу́дет ата́ка.

В э́ту мину́ту мы услы́шали гро́мкие кри́ки, бунтовщики́ бро́сились к кре́пости.

Пу́шка на́ша была́ заря́жена шрапне́лью. Команда́нт подпусти́л их на са́мое бли́зкое расстоя́ние и тогда́ вы́стрелил. Шрапне́ль попа́ла в са́мую середи́ну толпы́. Бунтовщики́ снача́ла останови́лись, пото́м на́чали отступа́ть. Их нача́льник оста́лся оди́н впереди́. Он держа́л са́блю высоко́ над голово́й и что́-то крича́л. Бунтовщики́ собрали́сь и сно́ва дви́нулись к кре́пости.

- Ну, тепе́рь в контрата́ку! - сказа́л команда́нт. - Ребя́та, открыва́й воро́та, бей в бараба́н! Вперёд за мной!

Комендáнт, Иванá Игнáтьевич и я бы́стро вы́бежали из воро́т кре́пости, но испу́ганный гарнизо́н не дви́нулся.

– Что же вы стои́те, солдату́шки? – закрича́л комендáнт. – Умира́ть, так умира́ть, де́ло солда́тское!

В э́ту мину́ту бунтовщики́ набежа́ли на нас. Барабáн замолча́л, гарнизо́н бро́сил ру́жья. Меня́ сби́ли с ног, но я встал и вме́сте с бунтовщика́ми вошёл в кре́пость. Комендáнт, ра́неный в го́лову, стоя́л в толпе́ разбо́йников, кото́рые тре́бовали от него́ ключе́й. Я бро́сился к нему́ на по́мощь, но не́сколько казако́в схвати́ли меня́. Нас повели́ по у́лицам. Вдруг в толпе́ закрича́ли, что "царь" на пло́щади ждёт пле́нных и принима́ет прися́гу. Нас повели́ на пло́щадь.

Пугачёв сиде́л пе́ред до́мом комендáнта. На нём была́ кра́сная оде́жда, а на голове́ высо́кая каза́цкая ша́пка. Лицо́ его́ показа́лось мне знако́мо. Каза́цкие старши́ны окружа́ли его́. Оте́ц Гера́сим, бле́дный и испу́ганный, стоя́л в стороне́ с крестóм в рука́х.

На пло́щади ста́вили ви́селицу. Нас повели́ к Пугачёву.

– Кото́рый из них комендáнт? – спроси́л Пугачёв.

Наш ура́дник вы́шел из толпы́ и показа́л на Ивáна Кузьмича́. Пугачёв стро́го посмотре́л на него́ и сказа́л:

– Как ты мог идти́ про́тив меня́, твоего́ царя́?

Ра́неный комендáнт собрáл свои́ после́дние си́лы и отве́тил твёрдым го́лосом:

– Ты мне не царь, а вор и разбо́йник!

Пугачёв дал знак руко́й, не́сколько казако́в схвати́ли ста́рого капита́на и повели́ к ви́селице. Че́рез не́сколько мину́т я уви́дел Ива́на Кузьмича́ вися́щим в во́здухе. Тогда́ привели́ к Пугачёву Ива́на Игна́тьевича.

– Присяга́й царю́ Петру́ Фёдоровичу! – сказа́л ему́ Пугачёв.

– Ты нам не царь, – отве́тил помо́щник комендáнта, повторя́я слова́ своего́ капита́на. По прика́зу Пугачёва его́ то́же схвати́ли и пове́сили. Тепе́рь была́ моя́ о́чередь. Я смотре́л на Пугачёва, гото́вясь повтори́ть отве́т мои́х хра́брых това́рищей. Вдруг я уви́дел Шва́брина, оде́того в каза́цкую оде́жду. Он подошёл к Пугачёву и ти́хо сказа́л ему́ не́сколько слов.

– Пове́сить его́, – сказа́л Пугачёв, не посмотре́в на меня́.

Меня́ повели́ к ви́селице.

Вдруг я услы́шал крик:

– Сто́йте, прокля́тые, подожди́те!

Казаки́ останови́лись.

Я посмотре́л наза́д и уви́дел, что Саве́льич лежи́т у ног Пугачёва.

– Оте́ц родно́й! – проси́л бе́дный дя́дька, – отпусти́ его́, а для приме́ра и стра́ха прикажи́ лу́чше пове́сить меня́, старика́.

Пугачёв дал знак и меня́ сейча́с же освободи́ли.

– Царь наш тебя́ проща́ет, – говори́ли мне.

Меня́ сно́ва подвели́ к Пугачёву.

–Целу́й ру́ку, целу́й ру́ку! – говори́ли все о́коло меня́. Но я реши́л, что я лу́чше умру́, чем поцелу́ю его́ ру́ку. "Будь, что бу́дет", – реши́л я.

– Су́дарь мой, Пётр Андре́евич! – говори́л Саве́льич, сто́я за мной, – что тебе́ сто́ит! плюнь, да поцелу́й, поцелу́й у разбо́й... (тьфу) у него́ ру́ку.

Я не дви́гался.

– Уведи́те его́, – сказа́л Пугачёв, – он от ра́дости не зна́ет, что де́лать.

Меня́ увели́, но оста́вили на свобо́де. Я стал смотре́ть на продолже́ние стра́шной коме́дии.

Жи́тели на́чали присяга́ть. Они́ подходи́ли оди́н за други́м, целу́я крест.

Гарнизо́нные солда́ты стоя́ли тут же. Они́ то́же подходи́ли к руке́ Пугачёва. Он объяви́л им проще́ние и принима́л в свою́ ша́йку. Все э́то продолжа́лось о́коло трёх часо́в. Наконе́ц Пугачёв встал и объяви́л отцу́ Гера́симу, что бу́дет обе́дать у него́.

В э́ту мину́ту мы услы́шали крик. Из две́ри вы́бежала

Василиса Егоровна. За ней бежали два казака.

- Отцы родные, - кричала бедная старушка, - отпустите меня, отведите к Ивану Кузьмичу.

Вдруг она посмотрела на виселицу и узнала своего мужа.

- Разбойники! - закричала она, - что вы с ним сделали? Дорогой мой Иван Кузьмич! Не убили тебя ни пули турецкие, ни штыки шведские - пропал ты от проклятого вора!

Тут молодой казак ударил её саблей по голове. Комендантша упала мёртвая. Пугачёв уехал, народ бросился за ним.

7. Незванный гость

Я остался на площади один. Больше всего меня беспокоила судьба Маши. Я бросился искать её. Полный тревожных мыслей, я вошёл в комендантский дом. Там всё было разграблено. Комната Маши была пуста. Страшная мысль пришла мне в голову. Я представил себе Машу в руках разбойников. Сердце моё остановилось. В эту минуту я услышал лёгкий шум, и из-за шкафа вышла Палаша, бледная и испуганная.

- Где Марья Ивановна? - спросил я.

– Ба́рышня жива́, – отве́тила Пала́ша, – она́ у отца́ Гера́сима.

– У отца́ Гера́сима! – закрича́л я в стра́хе. – Бо́же мой! Да там Пугачёв!

Я бро́сился к до́му отца́ Гера́сима, Пала́ша побежа́ла за мной. Отту́да бы́ли слы́шны гро́мкие кри́ки и пе́сни. Я посла́л Пала́шу вы́звать жену́ отца́ Гера́сима.

Че́рез мину́ту ма́тушка вы́шла ко мне.

– Где Ма́ша? – спроси́л я.

– У меня́, – отве́тила ма́тушка. – Она́ больна́, лежи́т в крова́ти. Ну, Пётр Андре́евич! Чуть не случи́лось несча́стье! Пугачёв уви́дел Ма́шу и спроси́л, кто она́. Я сказа́ла, что э́то моя́ ро́дственница. Сла́ва Бо́гу! Он пове́рил.

Узна́в, что Ма́ша пока́ в безопа́сности, я пошёл на свою́ кварти́ру.

Проходя́ ми́мо пло́щади, я уви́дел, что не́сколько башки́рцев снима́ли пове́шенных. По кре́пости бе́гали разбо́йники, гра́бя офице́рские дома́. Везде́ бы́ли слы́шны кри́ки пья́ных бунтовщико́в. Я пришёл домо́й. Саве́льич встре́тил меня́ у две́ри.

– Сла́ва Бо́гу, – сказа́л он, уви́дев меня́. – Я уже́ ду́мал, что разбо́йники тебя́ опя́ть схвати́ли. Ну, су́дарь Пётр Андре́евич! Ве́ришь и́ли нет? Всё у нас разгра́били, ничего́ не оста́вили. А узна́л ли ты, су́дарь, их нача́льника?

– Нет, не узна́л, а кто он тако́й?

– Как, су́дарь?! Ра́зве ты забы́л на́шего проводника́? Ведь ты ему́ свой но́вый за́ячий тулу́п дал!

Я о́чень удиви́лся. Тепе́рь я по́нял, почему́ Пугачёв прости́л меня́. За́ячий тулу́п, да́нный разбо́йнику спас меня́ от ви́селицы.

Саве́льич вы́шел. Я, оста́вшись оди́н, стал ду́мать о своём но́вом положе́нии. Остава́ться в кре́пости с бунтовщика́ми я не мог. Я был офице́ром и по́мнил о своём до́лге. Но как бы́ло оста́вить Ма́шу одну́ во вла́сти разбо́йников? Я не знал, что мне де́лать. В э́ту мину́ту прибежа́л оди́н из казако́в, кото́рый сказа́л мне, что Пугачёв хо́чет меня́ ви́деть.

Я пошёл за казако́м.

Подходя́ к комендантскому до́му, я заме́тил, что те́ло бе́дной комендантши всё ещё лежа́ло пе́ред вхо́дом. У две́ри стоя́ло два казака́ на карау́ле. Войдя́ в дом, я у́видел необыча́йную карти́ну. За столо́м сиде́ли Пугачёв и челове́к де́сять каза́цких старши́н. Шва́брина и на́шего уря́дника там не́ было.

– А, ва́ше благоро́дие! – сказа́л Пугачёв. – Честь и ме́сто, прошу́ сади́ться!

Я мо́лча сел на углу́ стола́. Сиде́вшие за столо́м разбо́йники пи́ли и разгова́ривали ме́жду собо́й об у́тренней ата́ке и о том, что де́лать да́льше. Ка́ждый предлага́л свои́ пла́ны и свобо́дно спо́рил с Пугачёвым.

На э́том стра́нном вое́нном сове́те бы́ло реше́но́ идти́ к Оренбу́ргу. Выступле́ние бы́ло назна́чено на за́втра.

Когда́ го́сти ста́ли проща́ться, я то́же хоте́л встать, но Пугачёв сказа́л мне:

- Сиди́, я хочу́ с тобо́й поговори́ть!

Мы оста́лись одни́.

- Что, ва́ше благоро́дие, - сказа́л он мне, - испуга́лся ты наве́рно, когда́ мои́ казаки́ хоте́ли тебя́ пове́сить? Е́сли бы не твой слуга́, висе́л бы ты тепе́рь на ви́селице. Я сра́зу же узна́л ста́рого дурака́. Ду́мал ли ты, что твои́м проводнико́м был сам вели́кий госуда́рь?.. Ты си́льно винова́т передо мно́й, - продолжа́л он, - но я прости́л тебя́ за твою́ доброту́. Ты помо́г мне, когда́ я до́лжен был скрыва́ться от мои́х враго́в. Хо́чешь поступи́ть ко мне на слу́жбу?

Вопро́с разбо́йника показа́лся мне таки́м стра́нным, что я не мог не улыбну́ться.

- Что ты смеёшься, - спроси́л он серди́то, - и́ли ты не ве́ришь, что я царь? - отвеча́й пря́мо.

Положе́ние ста́ло опа́сным. Я поду́мал немно́го и отве́тил:

- Слу́шай, я скажу́ тебе́ пра́вду. Ты челове́к у́мный. Как я могу́ назва́ть тебя́ царём? Ты сра́зу уви́дел бы, что я тебя́ обма́нываю.

- Кто же я по-тво́ему?

– Бог тебя́ зна́ет: но мне ка́жется, что ты шу́тишь опа́сную шу́тку.

Пугачёв посмотре́л на меня́.

– Так ты не ве́ришь, – сказа́л он, что я царь Пётр Фёдорович? Ну, хорошо́, ду́май про меня́, что хо́чешь, но служи́ мне ве́рно и я сде́лаю тебя́ фельдма́ршалом.

– Нет, отве́тил я твёрдо, – я офице́р и присяга́л цари́це, тебе́ служи́ть не могу́. Е́сли ты действи́тельно жела́ешь мне добра́, так отпусти́ меня́ в Оренбу́рг.

Помолча́в немно́го, Пугачёв сказа́л:

– А е́сли я отпущу́ тебя́, обеща́ешь ли ты про́тив меня́ не служи́ть?

– Как я могу́ тебе́ обеща́ть э́то? – отве́тил я. – Сам зна́ешь, е́сли прика́жут идти́ про́тив тебя́, – пойду́, де́лать не́чего. Ты тепе́рь сам нача́льник, сам тре́буешь выполне́ния свои́х прика́зов. Как я могу́ отказа́ться от слу́жбы, е́сли слу́жба моя́ бу́дет нужна́? Голова́ моя́ в твое́й вла́сти: е́сли отпу́стишь меня́ – спаси́бо; казни́шь – Бог тебе́ судья́.

Мои́ слова́ удиви́ли Пугачёва.

– Так и быть, – сказа́л он. – Казни́ть, так казни́ть; проща́ть, так проща́ть. Иди́ на все четы́ре стороны́ и де́лай, что хо́чешь. За́втра приходи́ со мной проститься, а тепе́рь иди́ спать.

Я оста́вил Пугачёва и вы́шел на у́лицу.

Ночь была́ ти́хая и холо́дная.

8. Отъе́зд

Ра́но у́тром меня́ разбуди́л бараба́н. Я бы́стро встал и пошёл к Пугачёву. На пло́щади была́ толпа́ наро́да, стоя́ли солда́ты, казаки́ сиде́ли на лошадя́х. Все бы́ли гото́вы к выступле́нию и то́лько жда́ли Пугачёва. Наконе́ц он вы́шел из комендантского до́ма. Наро́д снял ша́пки. За Пугачёвым вы́шли каза́цкие старши́ны, ме́жду ни́ми был Шва́брин. Уви́дев меня́ в толпе́, Пугачёв сказа́л:

- Слу́шай, ва́ше благоро́дие, поезжа́й сейча́с же в Оренбу́рг и скажи́ от меня́ губерна́тору, что́бы он ждал меня́ че́рез неде́лю.

Пото́м показа́л на Шва́брина и сказа́л, обраща́ясь к наро́ду:

- Вот ваш но́вый команди́р. Слу́шайтесь его́, а он отвеча́ет мне за вас.

Ему́ подвели́ ло́шадь. Пугачёв сел на неё и уе́хал из кре́пости. Вся ша́йка дви́нулась за ним.

Я пошёл в дом отца́ Гера́сима. Жена́ его́ встре́тила меня́ с печа́льной но́востью. Но́чью Ма́ше ста́ло ху́же.

Я подошёл к её крова́ти. Больна́я меня́ не узна́ла. Нельзя́ бы́ло и ду́мать везти́ её в Оренбу́рг. Мысль о Шва́брине бо́льше всего́ беспоко́ила меня́. Я знал, что Ма́ша тепе́рь в его́ вла́сти. Что мне де́лать? Остава́лась то́лько одна́ возмо́жность. Я реши́л неме́дленно идти́ в Оренбу́рг проси́ть по́мощи.

Прости́вшись с отцо́м Гера́симом, мы с Саве́льичем вы́шли из кре́пости и пошли́ по оренбу́ргской доро́ге. Я шёл, за́нятый свои́ми мы́слями, как вдруг, посмотре́вши наза́д, я уви́дел казака́, ска́чущего за на́ми. У него́ бы́ло две ло́шади. Я останови́лся и ско́ро узна́л на́шего уря́дника, Макси́мыча. Подъе́хав, он сошёл с ло́шади и сказа́л:

- Ва́ше благоро́дие! Оте́ц наш посыла́ет вам ло́шадь и шу́бу.

Тут он пе́редал мне тулу́п.

- Он дал ещё рубль де́нег, да я потеря́л его́ по доро́ге, прости́те, пожа́луйста!

- А ты не положи́л ли его́ в карма́н, разбо́йник?! - спроси́л Саве́льич.

- Да нет, что ты ... , Бог с тобо́й! - отве́тил каза́к.

- Хорошо́, - сказа́л я, - поблагодари́ от меня́ Пугачёва, а поте́рянный рубль возьми́ себе́ на во́дку, е́сли найдёшь его́ по доро́ге.

- О́чень благода́рен, ва́ше благоро́дие, - отве́тил

ура́дник и поскака́л наза́д.

Я наде́л тулу́п и сел на ло́шадь, Саве́льич сел позади́ меня́.

9. В Оренбу́рге

Прие́хав в Оренбу́рг, я рассказа́л генера́лу всё, что случи́лось в Белого́рской кре́пости и проси́л у него́ солда́т, что́бы идти́ освобожда́ть её. Но генера́л сказа́л, что он не мо́жет помо́чь мне, так как ему́ на́до защища́ть Оренбу́рг и приказа́л мне оста́ться в го́роде под его́ кома́ндой.

Че́рез не́сколько дней мы узна́ли, что Пугачёв подошёл к Оренбу́ргу и окружи́л его́. Жизнь в окружённом го́роде ско́ро ста́ла о́чень тяжёлой. Бы́ло ма́ло проду́ктов, всё бы́ло о́чень до́рого. Жи́тели жда́ли реше́ния свое́й судьбы́. Они́ привы́кли к вы́стрелам и да́же ата́ки Пугачёва переста́ли интересова́ть их. Вре́мя шло. Пи́сем из Белого́рской кре́пости я не получа́л. Все доро́ги бы́ли за́няты бунтовщика́ми. Я о́чень беспоко́ился за судьбу́ Ма́ши. Почти́ ка́ждый день мы выезжа́ли за́ город отбива́ть ата́ки Пугачёва, но на́ша голо́дная ко́нница сража́лась пло́хо. Иногда́ выходи́ла в по́ле и пехо́та, но глубо́кий снег не дава́л ей возмо́жности маневри́ровать доста́точно бы́стро.

Одна́жды во вре́мя бо́я я нае́хал на казака́, отста́вшего от свои́х това́рищей. Я гото́в был уже́ уда́рить его́ свое́й са́блей по голове́, как вдруг он снял ша́пку и закрича́л:

- Здра́вствуйте, Пётр Андре́евич!

Я узна́л на́шего уря́дника и о́чень обра́довался.

- Здра́вствуй, Макси́мыч! - сказа́л я ему́. - Давно́ ли ты из Белого́рской?

- Неда́вно, ба́рин, - отве́тил каза́к, - то́лько вчера́ отту́да верну́лся. У меня́ есть письмо́ для вас.

- Где же оно́? - закрича́л я.

- Здесь, - отве́тил Макси́мыч. - Я обеща́л Пала́ше ка́к-нибудь переда́ть его́ вам.

Тут он пе́редал мне бума́гу и сейча́с же ускака́л. Я на́чал чита́ть письмо́. Ма́ша писа́ла, что Шва́брин де́ржит её под аре́стом и заставля́ет вы́йти за себя́ за́муж. Она́ проси́ла у меня́ по́мощи и защи́ты.

Прочита́в письмо́, я поскака́л в го́род. По доро́ге я всё вре́мя ду́мал, как помо́чь Ма́ше, но ничего́ не мог найти́.

Прискака́в в го́род, я бро́сился к генера́лу, описа́л ему́ положе́ние несча́стной де́вушки и проси́л дать мне ро́ту солда́т и полсо́тни казако́в, что́бы идти́ освобожда́ть кре́пость. Генера́л до́лго смотре́л на меня́, ду́мая, наве́рно, что я сошёл с ума́.

- Нет, молодо́й челове́к, - сказа́л он наконе́ц, - я

понима́ю: ты ви́дно влюблён в Ма́рью Ива́новну. Но всё-таки я ника́к не могу́ дать тебе́ солда́т, риск сли́шком вели́к.

Я был в отча́янии. Вдруг счастли́вая мысль пришла́ мне в го́лову. Кака́я э́то была́ мысль, чита́тель уви́дит из сле́дующей главы́.

10. Опя́ть у Пугачёва

От генера́ла я пря́мо пошёл домо́й. Саве́льич встре́тил меня́ свои́ми обы́чными слова́ми:

- Опя́ть ты, су́дарь, е́здил сража́ться с пья́ными разбо́йниками. Воева́л бы лу́чше с ту́рками и́ли со шве́дами, а то сты́дно сказа́ть с кем.

Я не стал спо́рить, а пря́мо спроси́л его́:

- Ско́лько у нас де́нег, Саве́льич?

- Доста́точно, - отве́тил стари́к с дово́льным лицо́м.

С э́тими слова́ми он вы́нул кошелёк, по́лный де́нег.

- Ну, Саве́льич, - сказа́л я ему́, - дай мне тепе́рь полови́ну, а оста́ток возьми́ себе́. Я е́ду в Белого́рскую кре́пость.

- Су́дарь мой, - отве́тил Саве́льич, - как мо́жно тепе́рь е́хать куда́-нибудь! Все доро́ги полны́ разбо́йников. Пожале́й ты свои́х роди́телей, е́сли себя́ не жале́ешь. Подожди́ немно́го, око́нчится бунт, тогда́

поезжа́й, куда́ хо́чешь.

Но моё реше́ние бы́ло при́нято твёрдо.

– Дово́льно спо́рить, – сказа́л я старику́. – Я до́лжен е́хать. Ты де́нег не жале́й, покупа́й себе́ всё, что бу́дет ну́жно. Де́ньги э́ти я тебе́ дарю́. Е́сли я че́рез три дня не верну́сь ... .

– Что ты, су́дарь, – закрича́л Саве́льич. – Я тебя́ одного́ не пущу́. Е́сли ты реши́л е́хать, то я за тобо́й пешко́м пойду́.

Я знал, что с Саве́льичем нельзя́ бы́ло спо́рить и разреши́л ему́ гото́виться в доро́гу.

Че́рез полчаса́ я сел на своего́ коня́, а Саве́льич на ста́рую ло́шадь, кото́рую ему́ дал оди́н из жи́телей го́рода.

Часовы́е пропусти́ли нас че́рез воро́та, и мы вы́ехали из Оренбу́рга.

Доро́га шла ми́мо села́, где, я знал, была́ гла́вная кварти́ра Пугачёва. Я е́хал бы́стро. У Саве́льича была́ плоха́я ло́шадь, и он всё вре́мя проси́л е́хать ме́дленнее. Бы́ло уже́ темно́. Я наде́ялся объе́хать село́, как вдруг уви́дел пе́ред собо́й челове́к пять казако́в. Э́то был дозо́р Пугачёва. Не зна́я паро́ля, я хоте́л мо́лча прое́хать ми́мо них, но они́ меня́ сра́зу же окружи́ли. Я схвати́л са́блю и уда́рил одного́ из них по голове́. Каза́к упа́л, други́е испуга́лись и отбежа́ли. Я уда́рил свою́

ло́шадь и поскака́л. Вдруг я услы́шал позади́ шум, кри́ки и го́лос Саве́льича. Бе́дный стари́к на свое́й ста́рой ло́шади не мог ускака́ть от разбо́йников. Что бы́ло де́лать? Я пое́хал наза́д. Разбо́йники бы́ли о́чень ра́ды, что я верну́лся. Они́ сра́зу схвати́ли меня́ и оди́н из них объяви́л мне, что сейча́с поведёт нас к царю́.

– Царь прика́жет, – сказа́л он, – сейча́с ли вас пове́сить и́ли ждать до утра́!

Казаки́ повели́ нас к избе́, стоя́вшей на углу́ у́лицы. У воро́т стоя́ли две пу́шки и не́сколько бо́чек от вина́. Оди́н из казако́в пошёл в избу́.

– Сейча́с мы узна́ем, что с ва́ми де́лать, – сказа́л он.

Я посмотре́л на Саве́льича: стари́к крести́лся, чита́я моли́тву. Мы жда́ли до́лго; наконе́ц, каза́к верну́лся.

– Царь хо́чет ви́деть офице́ра, – сказа́л он.

Я вошёл в избу́. Пугачёв с ва́жным ви́дом сиде́л в углу́, окружённый свои́ми това́рищами. Ви́дно бы́ло, что сообще́ние об аре́сте офице́ра его́ заинтересова́ло.

Пугачёв сра́зу же узна́л меня́, и вся его́ ва́жность вдруг прошла́.

– А, ва́ше благоро́дие! – сказа́л он. – Как пожива́ешь? Заче́м тебя́ Бог принёс?

Я отве́тил, что е́хал по своему́ де́лу.

– А по како́му де́лу? – спроси́л Пугачёв.

Я не знал, что отве́тить. Пугачёв, ду́мая, что я не хочу́ говори́ть при свиде́телях, приказа́л всем уйти́. Все разбо́йники вы́шли, кро́ме двух.

– Говори́ при них, – сказа́л мне Пугачёв; – я от них ничего́ не скрыва́ю.

Я посмотре́л на това́рищей Пугачёва. Оди́н из них был сла́бый стари́к ма́ленького ро́ста. Друго́й – высо́кий челове́к, лет сорока́ пяти́. Пе́рвый (как я узна́л по́зже) был дезерти́р – капра́л Белоборо́дов, второ́й был Хлопу́ша, изве́стный престу́пник, три ра́за бежа́вший из Сиби́ри.

Пугачёв ждал отве́та.

Мне показа́лось, что судьба́, приве́дшая меня́ во второ́й раз к Пугачёву, даёт мне возмо́жность вы́полнить моё реше́ние.

– Я е́хал в Белого́рскую кре́пость, что́бы помо́чь сироте́, кото́рую там обижа́ют, – сказа́л я.

– Кто из мои́х люде́й обижа́ет сироту́? – закрича́л Пугачёв, – говори́, кто винова́т?

– Шва́брин винова́т, – отве́тил я. – Он де́ржит под аре́стом ту де́вушку, кото́рую ты ви́дел больну́ю у отца́ Гера́сима. Шва́брин хо́чет заста́вить её вы́йти за него́ за́муж.

– Я накажу́ Шва́брина, – серди́то сказа́л Пугачёв. – Он узна́ет у меня́, как обижа́ть мои́х люде́й. Я его́ пове́шу!

– Разреши́ сказа́ть сло́во, – заме́тил Хлопу́ша.
– Ты поспеши́л назна́чить Шва́брина комендантом кре́пости, а тепе́рь спеши́шь его́ пове́сить. Ты уже́ оби́дел казако́в, назна́чив офице́ра их нача́льником, а тепе́рь хо́чешь казни́ть его́ по пе́рвому доно́су.

– Не́чего их жале́ть! – сказа́л Белобо́родов. – Шва́брина казни́ть не пло́хо, но хорошо́ бы и господи́на офице́ра допроси́ть. Не прика́жешь ли подже́чь ему́ пя́тки? Тогда́ узна́ем – не шпио́н ли он.

Моро́з пробежа́л по моему́ лицу́. Пугачёв заме́тил мой страх и сказа́л:

– Что, ва́ше благоро́дие? Фельдма́ршал мой, ка́жется говори́т пра́вду. Как ты ду́маешь?

Я отве́тил, что нахожу́сь в его́ вла́сти и что он мо́жет де́лать со мной, что он хо́чет.

– Хорошо́, – сказа́л Пугачёв. – Тепе́рь скажи́, как дела́ в го́роде?

– Сла́ва Бо́гу, – отве́тил я, – в го́роде всё хорошо́.

– Хорошо́? – повтори́л Пугачёв. – А наро́д умира́ет от го́лода!

Пугачёв был прав, но я по до́лгу слу́жбы до́лжен был возрази́ть, что э́то то́лько слу́хи и что в Оренбу́ргe всего́ доста́точно.

– Ты ви́дишь! – сказа́л стари́к, – что он тебя́ обма́нывает. Пове́сь его́ лу́чше вме́сте со Шва́бриным.

Пугачёв молча́л. К моему́ сча́стью Хлопу́ша стал

спо́рить со свои́м това́рищем.

– Ви́дно ты ещё ма́ло кро́ви про́лил, стари́к, – сказа́л он, – самому́ тебе́ умира́ть пора́, а ты други́х уби-ва́ть хо́чешь!

– А что ты спо́ришь! – закрича́л Белобо́родов. – Ты сам люде́й не убива́л?

– Коне́чно, – отве́тил Хлопу́ша, – но я убива́л их в откры́том по́ле и́ли в тёмном лесу́, а не до́ма, си́дя за пе́чью.

– Господа́ генера́лы, – сказа́л ва́жно Пугачёв, – дово́льно спо́рить!

– Расскажи́ лу́чше, почему́ ты е́дешь к той де́вушке, кото́рую Шва́брин обижа́ет? – спроси́л он меня́.

– Она́ моя́ неве́ста, – отве́тил я Пугачёву.

– Твоя́ неве́ста! – закрича́л Пугачёв, – почему́ ты ра́ньше не сказа́л? Мы тебя́ же́ним и на сва́дьбе твое́й погуля́ем. Слу́шай, фельдма́ршал! Мы с его́ благоро́дием ста́рые прия́тели. Дава́йте у́жинать, а у́тром реши́м, что с ним де́лать.

Мы се́ли у́жинать. По́сле у́жина меня́ повели́ в избу́, где уже́ сиде́л Саве́льич и за́перли за мной дверь. Всю ночь я ду́мал о своём положе́нии и не мог засну́ть.

У́тром меня́ позва́ли к Пугачёву. Когда́ я подошёл к до́му, Пугачёв сади́лся в кибитку. Он ве́село со мной поздоро́вался и приказа́л мне сесть ря́дом.

– В Белого́рскую кре́пость, – сказа́л Пугачёв.

Мы пое́хали.

Вдруг я услы́шал знако́мый го́лос Саве́льича.

– Стой! Стой! – крича́л дя́дька. – Су́дарь мой, Пётр Андре́евич, не оставля́й меня́ одного́ с э́тими разбо́йни ...

– А, стари́к! – сказа́л Пугачёв. – Опя́ть мы с тобо́й встре́тились. Ну, сади́сь в кибитку!

– Спаси́бо, оте́ц родно́й! – отве́тил Саве́льич, садя́сь ря́дом с ямщико́м.

Ло́шади поскака́ли, наро́д на у́лице остана́вливался и снима́л ша́пки. Че́рез мину́ту мы вы́ехали из села́ и полете́ли по сне́жной доро́ге.

Легко́ предста́вить себе́, что я чу́вствовал в э́ту мину́ту. Че́рез не́сколько часо́в я наде́ялся уви́деть Ма́шу. Но я по́мнил о том, что Пугачёв не знал, что она́ дочь капита́на Миро́нова. Шва́брин мог откры́ть ему́ всё. Что тогда́ бу́дет с Ма́шей? Вдруг Пугачёв спроси́л меня́:

– О чём ты ду́маешь, ва́ше благоро́дие?

– Как не ду́мать, – отве́тил я ему́: – я офице́р и твой враг, вчера́ ещё воева́л про́тив тебя́, а сего́дня я е́ду с тобо́й в одно́й кибитке, и сча́стье всей мое́й жи́зни зави́сит от тебя́.

– А стра́шно тебе́? – спроси́л Пугачёв.

Я отве́тил, что ве́рю в его́ доброту́ и да́же наде́юсь на его́ по́мощь.

– И ты прав, ей-Бо́гу прав! – сказа́л Пугачёв. Ты ви́дел, как мои́ ребя́та смотре́ли на тебя́? Стари́к ещё сего́дня у́тром говори́л, что на́до пове́сить тебя́, но я не согласи́лся. Я ещё по́мню твой стака́н во́дки и за́ячий тулу́п, – продолжа́л он ти́хим го́лосом. – Ты ви́дишь, я не тако́й жесто́кий, как говоря́т обо мне.

Я поду́мал о ви́селице в Белого́рской кре́пости, но не стал возража́ть.

– До сих пор я воева́л хорошо́, – продолжа́л Пугачёв, – но дай мне вре́мя, ещё уви́дишь, как я пойду́ на Москву́.

– А ты ду́маешь идти́ на Москву́? – спроси́л я.

Пугачёв замолча́л.

– Бог зна́ет, –сказа́л он, нелегко́ мне, помо́щники у меня́ плохи́е. Они́ – во́ры, мо́гут прода́ть меня́.

Киби́тка лете́ла по зи́мней доро́ге. Ско́ро я уви́дел знако́мую дере́вню на круто́м берегу́ Яи́ка. Че́рез че́тверть часа́ мы въе́хали в Белого́рскую кре́пость.

11. Сирота́

Киби́тка подъе́хала к комендантскому до́му. Шва́брин встре́тил Пугачёва и помо́г ему́ вы́йти из киби́тки. Уви́дев меня́, он снача́ла испуга́лся, но пото́м сказа́л:

– Ты то́же наш? Давно́ бы так!

Я ничего́ не отве́тил. Мы вошли́ в дом. Пугачёв сел на дива́н, на кото́ром обы́чно спал ста́рый комендант по́сле обе́да. Шва́брин принёс ему́ во́дки. Ви́дно бы́ло, что Шва́брин боя́лся. Он чу́вствовал, что Пугачёв был недово́лен им. Пугачёв спра́шивало положе́нии в кре́пости и о слу́хах про неприя́тельские войска́.

Неожи́данно он спроси́л:

- Скажи́, каку́ю де́вушку ты де́ржишь у себя́ под карау́лом? Покажи́ мне её.

Шва́брин побледне́л.

- Она́ не под карау́лом... Она́ больна́... Она́ в ко́мнате лежи́т, - отве́тил он.

- Веди́ меня́ к ней! - сказа́л Пугачёв.

Отказа́ться бы́ло невозмо́жно. Шва́брин повёл Пугачёва в ко́мнату Ма́ши. Я пошёл за ним.

У две́ри ко́мнаты Шва́брин останови́лся.

- Госуда́рь, я до́лжен сказа́ть вам, что моя́ жена́ о́чень больна́, она́ никого́ не узнаёт.

- Открыва́й, - сказа́л Пугачёв.

Шва́брин на́чал иска́ть в карма́нах и сказа́л, что он забы́л ключ внизу́. Пугачёв уда́рил дверь ного́й, замо́к упа́л на́ пол, дверь откры́лась и мы вошли́.

В пусто́й ко́мнате на полу́ сиде́ла Ма́ша, бле́дная и худа́я. Пе́ред ней стоя́л стака́н с водо́й, покры́тый куско́м хле́ба.

Уви́дев меня́, она́ закрича́ла и бро́силась ко мне. Пугачёв посмотре́л на Шва́брина и сказа́л:

- Хороша́ у тебя́ больни́ца! - Пото́м, обраща́ясь к Ма́ше, спроси́л:

- Скажи́ мне, за что твой муж так тебя́ нака́зывает? В чём ты винова́та?

- Мой муж! - закрича́ла Ма́ша. - Он мне не муж! Я никогда́ не бу́ду его́ жено́й. Я лу́чше умру́.

- Так ты меня́ обма́нывал! - сказа́л Пугачёв, серди́то посмотре́в на Шва́брина. Шва́брин упа́л к его́ нога́м.

- Ну, хорошо́, - продолжа́л Пугачёв, - проща́ю тебя́ на э́тот раз.

- Выходи́, моя́ краса́вица, - сказа́л он Ма́ше, - даю́ тебе́ свобо́ду, я царь.

Ма́ша посмотре́ла на Пугачёва, она́ поняла́, что пе́ред не́й был уби́йца её роди́телей. Закры́в лицо́ рука́ми, она́ упа́ла на́ пол. Я бро́сился к ней, но в э́ту мину́ту в ко́мнату вбежа́ла Пала́ша и ста́ла поднима́ть свою́ ба́рышню.

- Что, ва́ше благоро́дие? - сказа́л Пугачёв, выходя́ из ко́мнаты. - Освободи́ли краса́вицу! Тепе́рь пошлём за свяще́нником и сде́лаем сва́дьбу; ведь она́ ка́жется ро́дственница отца́ Гера́сима?

Чего́ я боя́лся, то и случи́лось. Шва́брин, услы́шав предложе́ние Пугачёва, закрича́л:

- Я винова́т, госуда́рь, я вас обману́л, но и Гринёв вас обма́нывает. Э́та де́вушка не ро́дственница

свяще́нника, а дочь капита́на Миро́нова, кото́рый был казнён при взя́тии кре́пости.

– Э́то что ещё? – спроси́л Пугачёв серди́то смотря́ на меня́.

– Ты мне э́того не говори́л.

– Шва́брин сказа́л тебе́ пра́вду, – отве́тил я, – но ты сам поду́май, мо́жно ли бы́ло при твои́х лю́дях объяви́ть, что дочь капита́на Миро́нова жива́? Ведь они́ уби́ли бы бе́дную де́вушку.

– Пра́вда, – сказа́л смея́сь Пугачёв, – мои́ пья́ницы не пожале́ли бы её. Хорошо́ сде́лала жена́ отца́ Гера́сима, что обману́ла их.

Уви́дев, что Пугачёв не се́рдится бо́льше, я обрати́лся к нему́ со слова́ми:

– Бог ви́дит, что я гото́в жи́знью заплати́ть за всё, что ты для меня́ сде́лал. Но прошу́ тебя́, ко́нчи на́чатое до́брое де́ло. Отпусти́ меня́ с сирото́й к мои́м роди́телям.

– Хорошо́! – сказа́л Пугачёв. – Казни́ть, так казни́ть; проща́ть, так проща́ть: э́то мой обы́чай. Возьми́ свою́ краса́вицу и вези́ её, куда́ хо́чешь.

Тут он приказа́л Шва́брину дать мне про́пуск во все кре́пости, кото́рые находи́лись под его́ вла́стью.

Шва́брин ушёл вы́полнить прика́з. Пугачёв вы́шел за ним. Я опя́ть вошёл в ко́мнату к Ма́ше. Она́ рассказа́ла мне обо всём, что с ней случи́лось за э́то вре́мя и спра́шивала у меня́ сове́та.

– Ми́лая Ма́рья Ива́новна! – сказа́л я. – Я счита́ю тебя́ свое́й неве́стой и прошу́ тебя́ пое́хать к мои́м роди́телям. Я зна́ю, что мой оте́ц бу́дет рад приня́ть дочь капита́на Миро́нова.

Ма́ша вы́слушала меня́ про́сто и не ста́ла возража́ть. Она́ чу́вствовала, что судьба́ её была́ соединена́ с мое́й судьбо́й.

– Но, сказа́ла она́, – я бу́ду твое́й жено́й то́лько, е́сли роди́тели твои́ соглася́тся на э́то.

Я не возража́л, мы поцелова́лись, – тепе́рь всё бы́ло решено́ ме́жду на́ми.

Че́рез час каза́к принёс мне про́пуск, подпи́санный Пугачёвым, и позва́л меня́ к нему́. Я пошёл прости́ться с Пугачёвым. Пугачёв был гото́в к отъе́зду. Мы попроща́лись. Тру́дно описа́ть, что я чу́вствовал в э́ту мину́ту. Э́тот стра́нный челове́к, разбо́йник и уби́йца, для всех кро́ме меня́, был мои́м дру́гом. Мне хоте́лось спасти́ его́, пока́ ещё бы́ло вре́мя, но что я мог сде́лать?

Пугачёв уе́хал.

Я пошёл в дом свяще́нника, где всё уже́ бы́ло гото́во к отъе́зду.

Я не хоте́л бо́льше ждать. Ма́рья Ива́новна с Пала́шей и я с Саве́льичем се́ли в кибитку и навсегда́ оста́вили Белого́рскую кре́пость.

12. Аре́ст

Мы подъезжа́ли к го́роду, где, по слова́м бунтовщико́в, находи́лся си́льный отря́д Пугачёва. Мы бы́ли останно́влены дозо́ром. На вопро́с: - кто е́дет? - ямщи́к гро́мко отве́тил:

- Прия́тель государя́ на́шего со свое́й молодо́й хозя́йкой. Вдруг толпа́ гуса́р окружи́ла нас.

- Выходи́, чёртов прия́тель! - крича́ли они́.

Я вы́шел из кибитки и потре́бовал, что́бы они́ отвели́ меня́ к своему́ нача́льнику. Уви́дев офице́ра, солда́ты замолча́ли. Оди́н из них повёл меня́ к майо́ру. Са́вельич пошёл за мной. Че́рез пять мину́т мы пришли́ к ма́ленькому до́мику, пе́ред кото́рым стоя́ло дво́е часовы́х. Гуса́р вошёл в дом, оста́вив меня́ ждать на у́лице. Ско́ро он верну́лся и сообщи́л, что майо́р приказа́л отвести́ меня́ в тюрьму́, а хозя́йку мою́ привести́ к нему́.

- Что э́то зна́чит? - закрича́л я. - Ра́зве он с ума́ сошёл?

- Не могу́ знать, ва́ше благоро́дие, - отве́тил солда́т.

Я бро́сился в дом и пря́мо вбежа́л в ко́мнату, где человéк шесть офице́ров игра́ли в ка́рты. Майо́р держа́л банк. Как я удиви́лся, когда́, посмотре́в на него́, я узна́л Ива́на Ива́новича Зу́рина, моего́ ста́рого знако́мого!

- Возмо́жно ли? - закрича́л я, - Ива́н Ива́нович! ты ли э́то?

– Ба-ба-ба, Пётр Андре́евич! Отку́да ты? Здра́вствуй, брат! Не хо́чешь ли поста́вить ка́рту?

– Благодарю́, – отве́тил я. – Прикажи́ лу́чше дать мне кварти́ру.

– Каку́ю кварти́ру? Остава́йся у меня́, – предложи́л Зу́рин.

– Не могу́: я не оди́н, – возрази́л я.

– Ну, дава́й сюда́ и това́рища!

– Я не с това́рищем; я ... с да́мой.

– С да́мой!! – при э́тих слова́х Зу́рин сде́лал тако́е лицо́, что все засмея́лись, а я покрасне́л и не знал, что отве́тить.

– Ну, хорошо́! – сказа́л Зу́рин, – найдём тебе́ кварти́ру. А жаль ... Мы вы́пили бы с тобо́й по-ста́рому.

– А где же прия́тельница Пугачёва? – вдруг вспо́мнил он. – Почему́ её не веду́т сюда́?

– Что ты говори́шь? – сказа́л я Зу́рину. – Кака́я прия́тельница Пугачёва? Э́то дочь капита́на Миро́нова. Она́ е́дет со мной.

– Как! Так э́то сейча́с о тебе́ говори́ли? Объясни́, пожа́луйста, что всё э́то зна́чит?

– Пото́м всё расскажу́, – отве́тил я, – а тепе́рь, ра́ди Бо́га, прикажи́ отпусти́ть бе́дную де́вушку; твои́ гуса́ры о́чень её испуга́ли.

Зу́рин сам вы́шел на у́лицу, извини́лся перед Ма́рьей Ива́новной и приказа́л дать ей лу́чшую кварти́ру в го́роде.

Я оста́лся у Зу́рина.

Ве́чером я сказа́л Саве́льичу, что́бы за́втра у́тром он был гото́в е́хать с Ма́шей к мои́м роди́телям. Саве́льич на́чал протестова́ть, но я ска́зал ему́:

– Друг мой, Архи́п Саве́льич, не отка́зывай мне в про́сьбе. По́мни, что служа́ Ма́рье Ива́новне, ты слу́жишь мне, потому́ что я твёрдо реши́л жени́ться на ней, как то́лько бу́дет возмо́жно.

Вид у Саве́льича был удивлённый и испу́ганный.

– Жени́ться! – повтори́л он. – Ребёнок хо́чет жени́ться! А что ска́жут роди́тели твои́ на э́то? Поду́май, су́дарь!

– Я наде́юсь на тебя́, – отве́тил я. – Оте́ц мой и мать тебе́ ве́рят. Обеща́й, что ты бу́дешь говори́ть за нас!

– Ох–, су́дарь мой, Пётр Андре́евич! – сказа́л стари́к, – ра́но ты реши́л жени́ться, но Ма́рья Ива́новна така́я хоро́шая де́вушка, что пусть бу́дет по-тво́ему. Скажу́ твои́м роди́телям, что лу́чшей неве́сты нельзя́ найти́.

Я поблагодари́л Саве́льича и лёг спать в одно́й ко́мнате с Зу́риным.

У́тром я поговори́л с Ма́шей, она́ вы́слушала меня́ и во всём согласи́лась со мной. Я дал ей письмо́ к мои́м роди́телям. Проща́ясь, Ма́ша запла́кала.

– Проща́йте, Пётр Андре́евич, – сказа́ла она́ ти́хим го́лосом. – Уви́жу ли я вас опя́ть, Бог оди́н зна́ет, но

я никогда́ не забу́ду вас. До са́мой сме́рти ты оди́н оста́нешься в моём се́рдце.

С э́тими слова́ми она́ уе́хала. Я верну́лся к Зу́рину и ве́чером мы с полко́м гуса́р дви́нулись да́льше.

Э́то бы́ло в конце́ февраля́. На́ши генера́лы гото́вились к наступле́нию. Пугачёв всё ещё стоя́л под Оренбу́ргом.

Ме́жду тем на́ши войска́ со всех сторо́н подходи́ли к окружённому го́роду. Ско́ро князь Голи́цын, под кре́постью Тати́щевой, разби́л Пугачёва и освободи́л Оренбу́рг. Но Пугачёв не́ был схва́чен, он бежа́л и ско́ро появи́лся на сиби́рских заво́дах. Там он собра́л но́вые ша́йки и опя́ть на́чал гра́бить. Сообще́ние о взя́тии Каза́ни серьёзно испуга́ло на́ших нача́льников. Зу́рин получи́л прика́з перейти́ че́рез Во́лгу.

Не бу́ду опи́сывать на́шего похо́да и оконча́ния войны́. Скажу́ кра́тко, вре́мя бы́ло тяжёлое. Ша́йки разбо́йников гра́били города́ и сёла. Жи́тели должны́ бы́ли скрыва́ться в леса́х. Не дай Бог ви́деть ру́сский бунт - жесто́кий и крова́вый!

Наконе́ц Зу́рин получи́л сообще́ние об аре́сте Пугачёва, а вме́сте с тем и прика́з останови́ться. Война́ была́ око́нчена. Тепе́рь я мог е́хать к мои́м роди́телям. Зу́рин дал мне о́тпуск. Че́рез не́сколько дней я до́лжен был опя́ть уви́деть мою́ Ма́шу.

Но неожи́данное несча́стье жда́ло меня́.

В день моего́ отъе́зда Зу́рин вошёл ко мне в избу́, держа́ в рука́х бума́гу. Вид у него́ был серьёзный. Я испуга́лся, сам не зна́я чего́. Он объяви́л, что до́лжен со мной поговори́ть.

- Что случи́лось? - спроси́л я в трево́ге.

- Ма́ленькая неприя́тность, - отве́тил он, переда-ва́я мне бума́гу.

Я на́чал чита́ть: это был секре́тный прика́з всем нача́льникам отря́дов неме́дленно арестова́ть меня́ и посла́ть под карау́лом в Каза́нь для допро́са по де́лу Пугачёва. Бума́га чуть не упа́ла из мои́х рук.

- Де́лать не́чего! - сказа́л Зу́рин. - Ви́дно, слух о твои́х пое́здках с Пугачёвым дошёл до прави́тельства. Мой долг вы́полнить прика́з. Наде́юсь, что тебе́ даду́т возмо́жность всё объясни́ть и де́ло не бу́дет име́ть плохи́х результа́тов.

Я знал, что я не винова́т, и суда́ не боя́лся, но мысль, что я тепе́рь не уви́жу Ма́шу, мо́жет быть не́сколько ме́сяцев, беспоко́ила меня́.

Меня́ посади́ли в киби́тку. Со мной се́ли два гуса́ра, и мы пое́хали по больша́й доро́ге.

13. Суд

Прие́хав в Каза́нь, гуса́ры пе́редали меня́ дежу́рному офице́ру. Мне наде́ли на но́ги це́пи и отвели́ в тюрьму́. Тако́е нача́ло не обеща́ло ничего́ хоро́шего. Но я не теря́л наде́жды и споко́йно засну́л, не ду́мая о том, что со мной бу́дет за́втра. На сле́дующее у́тро меня́ разбуди́л часово́й. Два солда́та повели́ меня́ че́рез двор в комендантский дом. Я вошёл в дово́льно большо́й зал. За столо́м, покры́тым бума́гами, сиде́ли два челове́ка: ста́рый генера́л, холо́дного и стро́гого ви́да, и молодо́й гварде́йский капита́н лет двадцати́ восьми́. У окна́ за отде́льным столо́м сиде́л секрета́рь, гото́вый запи́сывать мои́ показа́ния. Начался́ допро́с. Я назва́л своё и́мя и чин. Генера́л спроси́л, не сын ли я Андре́я Петро́вича Гринёва. На мой отве́т он стро́го сказа́л:

- Жаль, что у тако́го хра́брого офице́ра тако́й плохо́й сын!

Я споко́йно отве́тил, что наде́юсь всё объясни́ть, рассказа́в всю пра́вду. Мой отве́т понра́вился генера́лу.

Тогда́ молодо́й капита́н спроси́л меня́, когда́ и где я поступи́л на слу́жбу к Пугачёву и каки́е зада́ния выполня́л. Я отве́тил, что я, как офице́р, ни на каку́ю слу́жбу к Пугачёву поступа́ть не мог и никаки́х зада́ний не выполня́л.

- Как же, - возрази́л мой допро́счик, - э́тот офице́р

оди́н прощён Пугачёвым, когда́ все его́ това́рищи уби́ты?! Как же э́тот са́мый офице́р по-прия́тельски пьёт с бунтовщика́ми и да́же принима́ет от гла́вного разбо́йника пода́рки? Что э́то, е́сли не изме́на?

Я был глубоко́ оби́жен слова́ми гварде́йского офице́ра. Я на́чал объясня́ть, как я познако́мился с Пугачёвым во вре́мя мете́ли в степи́, как по́сле взя́тия Белогóрской кре́пости он меня́ узна́л и поэ́тому не пове́сил меня́. Я сказа́л, что тулу́п и ло́шадь я, пра́вда, взял от Пугачёва, но что Белогóрскую кре́пость я защища́л че́стно до после́дней возмо́жности. Наконе́ц, я проси́л допроси́ть моего́ генера́ла, кото́рый мог бы рассказа́ть о моём уча́стии в защи́те Оренбу́рга. Я хоте́л объясни́ть всё и рассказа́ть та́кже о Ма́рье Ива́новне, но тут мне ста́ло я́сно, что, е́сли я назову́ её и́мя, то и её потре́буют на допро́с. Что бу́дет тогда́ с ней? Э́та мысль меня́ так испуга́ла, что я реши́л молча́ть.

Су́дьи мои́ почу́вствовали, что я что-то скрыва́ю и переста́ли мне ве́рить.

Гварде́йский офице́р приказа́л привести́ гла́вного доно́счика. Че́рез не́сколько мину́т дверь откры́лась и вошёл Шва́брин, худо́й и бле́дный. Он повтори́л свой донос сла́бым, но твёрдым го́лосом. По его́ слова́м я был по́слан от Пугачёва в Оренбу́рг шпио́ном. Ка́ждый день я выезжа́л за городску́ю сте́ну, что́бы передава́ть све́дения

о положе́нии в го́роде и, наконе́ц, откры́то перешёл на сто́рону бунто́вщиков.

Я вы́слушал его́ мо́лча и был дово́лен одни́м: изме́нник не назва́л и́мени Ма́рьи Ива́новны. Я реши́л молча́ть да́льше. Когда́ су́дьи спроси́ли меня́, что я могу́ сказа́ть в свою́ защи́ту, я отве́тил, что уже́ сказа́л всё.

Генера́л приказа́л нас увести́. Меня́ опя́ть отвели́ в тюрьму́ и бо́льше на допро́с не вызыва́ли.

Слух о моём аре́сте о́чень испуга́л мою́ семью́. Ма́рья Ива́новна так про́сто рассказа́ла мои́м роди́телям о моём стра́нном знако́мстве с Пугачёвым, что они́ совсе́м не беспоко́ились и да́же ча́сто смея́лись над э́тим.

Прошло́ не́которое вре́мя ... Вдруг оте́ц мой получи́л письмо́ из Петербу́рга от на́шего ро́дственника, кня́зя Б. Князь Б. писа́л ему́, что подозре́ния насчёт моего́ уча́стия в бу́нте бы́ли пра́вильны. Что меня́ снача́ла хоте́ли казни́ть, но цари́ца, жале́я ста́рого отца́, приказа́ла сосла́ть меня́ в Сиби́рь до конца́ мое́й жи́зни. Оте́ц мой был в отча́янии, мать пла́кала, но бо́льше всех страда́ла Ма́ша. Она́ зна́ла, что я мог бы спасти́сь, е́сли бы рассказа́л всё, и счита́ла себя́ винова́той в моём несча́стье.

Одна́жды ве́чером, когда́ вся семья́ сиде́ла в гости́ной, Ма́ша объяви́ла, что ей на́до пое́хать в Петербу́рг. Моя́ мать испуга́лась и спроси́ла:

- Неуже́ли ты хо́чешь от нас уе́хать?

Ма́ша отве́тила, что вся её бу́дущая судьба́ зави́сит от э́той пое́здки и проси́ла отпусти́ть её.

- Поезжа́й, Ма́ша! - сказа́л ей печа́льно оте́ц. - Дай тебе́ Бог хоро́шего и че́стного жениха́, а не преступ́ника и изме́нника.

С э́тими слова́ми он встал и вы́шел из ко́мнаты.

Че́рез не́сколько дней Ма́рья Ива́новна вме́сте с ве́рной Пала́шей и с Саве́льичем вы́ехала в Петербу́рг.

Прие́хав на ста́нцию Софи́я о́коло Петербу́рга, Ма́рья Ива́новна узна́ла, что Двор находи́лся в Ца́рском Селе́. Она́ реши́ла останови́ться на ста́нции у жены́ смотри́теля.

На друго́й день ра́но у́тром Ма́ша вста́ла, оде́лась и пошла́ в Царскосе́льский парк. Подойдя́ к па́мятнику побе́ды над Ту́рцией, она́ уви́дела да́му, сиде́вшую на скаме́йке напро́тив па́мятника. Вдруг ма́ленькая бе́лая соба́чка бро́силась Ма́ше по́д ноги. Ма́рья Ива́новна испуга́лась и останови́лась.

- Не бо́йтесь, - сказа́л прия́тный же́нский го́лос, - она́ не куса́ет. Подойди́те сюда́!

Ма́ша подошла́ и се́ла на друго́м конце́ скаме́йки.

- Отку́да вы? - спроси́ла незнако́мая да́ма.

Ма́ша объясни́ла ей, что она́ прие́хала проси́ть у ца́рицы по́мощи и защи́ты. Она́ рассказа́ла, что её роди́тели уби́ты Пугачёвым и что жени́х её нахо́дится в тюрьме́.

Пото́м она́ вы́нула из карма́на проше́ние и дала́ его́ прочита́ть незнако́мой да́ме. Прочита́в бума́гу, да́ма стро́го посмотре́ла на Ма́шу и сказа́ла холо́дным то́ном:

- Я быва́ю при Дворе́ и я ду́маю, что смогу́ вам помо́чь, но Гринёва цари́ца не мо́жет прости́ть: он изме́нник и сообщник Пугачёва.

- Непра́вда, ей-Бо́гу, непра́вда! - закрича́ла Ма́ша. - Я вам всё расскажу́. Он для меня́ одно́й е́здил к Пугачёву. Он мог бы всё рассказа́ть, но он бои́тся вы́дать меня́.

Да́ма слу́шала Ма́шу с больши́м внима́нием.

- Где вы останови́лись? - спроси́ла она́ пото́м.

Ма́ша дала́ ей свой а́дрес.

- Проща́йте, не говори́те никому́ о на́шей встре́че, - сказа́ла да́ма. - Я наде́юсь, вы недо́лго бу́дете ждать отве́та на ва́ше письмо́. - С э́тими слова́ми она́ вста́ла и пошла́ по алле́е. Ма́ша верну́лась на ста́нцию.

По́сле обе́да, когда́ Ма́ша с хозя́йкой пи́ли чай, к до́му вдруг подъе́хала бога́тая каре́та. Вошёл лаке́й и объяви́л, что цари́ца хо́чет ви́деть Ма́рью Ива́новну. Ма́рья Ива́новна се́ла в каре́ту и пое́хала во дворе́ц. Она́ чу́вствовала, что в э́ту мину́ту реша́ется её судьба́. Се́рдце её си́льно би́лось.

Че́рез не́сколько мину́т каре́та останови́лась у дворца́. Две́ри широко́ откры́лись, и лаке́й повёл её

че́рез ряд пусты́х, бога́то декори́рованных зал, в ко́мнату импера́тр и́цы.

Войдя́ в ко́мнату, Ма́ша уви́дела цари́цу, сиде́вшую за туале́том, и, к своему́ удивле́нию, узна́ла в ней да́му, с кото́рой она́ разгова́ривала у́тром в па́рке.

- Подойди́те бли́же, - сказа́ла импера́тр и́ца, улыба́ясь, - я ра́да, что могла́ вы́полнить ва́шу про́сьбу. Де́ло ва́ше ко́нчено. Я уве́рена, что ваш жени́х невино́вен. Возьми́те э́то письмо́ и переда́йте отцу́ ва́шего жениха́.

Ма́рья Ива́новна приняла́ письмо́ и, запла́кав, упа́ла к нога́м импера́тр и́цы, кото́рая подняла́ её и поцелова́ла.

В э́тот же день Ма́рья Ива́новна пое́хала обра́тно в дере́вню.

Эпило́г

Здесь конча́ются запи́ски Петра́ Андре́евича Гринёва. Но из семе́йных расска́зов мы зна́ем, что он бы освобождён в конце́ 1774 го́да по ли́чному прика́зу импера́тр и́цы, что он ви́дел казнь Пугачёва, кото́рый перед сме́ртью сде́лал ему́ знак голово́й. Пётр Андре́евич жени́лся на Ма́рье Ива́новне, и их де́ти живу́т в Симби́рской губе́рнии. В одно́й из ко́мнат под стекло́м до сих пор висит письмо́ Екатери́ны II, кото́рое пока́зывают гостя́м.

СЛОВА́РЬ К РАССКА́ЗУ "КАПИТА́НСКАЯ ДО́ЧКА"

Глава́ 1

бере́чь	to safeguard, take care of
вздор	nonsense, rubbish
выходи́ть / вы́йти в отста́вку	to retire
душа́ в ду́шу	in concord
исполня́ть(ся) / испо́лнить(ся)	to fulfill, accomplish
князь (pl. князья́)	prince
кое́-как	perfunctorily, carelessly
ми́рно	peacefully
наде́жда	hope
напро́тив	contrary, opposite
ню́хать / понюхать	to smell
по́рох	gunpowder
посло́вица	saying
прия́тель	friend, comrade, chum
пуга́ть / напуга́ть / испуга́ть	to frighten, scare
роня́ть / урони́ть	to drop, lose the hold of
судьба́	fate, destiny
честь (f.)	honor

Глава́ 2

бунт	uprising, mutiny
возража́ть возрази́ть	to contradict, object
за́пах	scent, smell
засыпа́ть засну́ть	to fall asleep
за́яц (за́ячий- adj.)	hare, rabbit
кре́пость (f.)	fort, stronghold
ли́шний	extra, spare, odd
навстре́чу	towards
обо́з	train (of vehicles)
проводни́к	guide
сверка́ть сверкну́ть	to sparkle, glitter, twinkle
тулу́п	sheepskin overcoat

Глава́ 3 и 4

верста́	versta (Russian measure of length appr. 2/3 of a mile)
изба́	hut, cabin
имени́ны (pl. only)	name day
карау́л	guard duty, guard
крутой́	steep, severe, sharp (turn)
ку́шанье or еда́	food
ме́жду тем	meanwhile
моли́ться помоли́ться	to pray

щи	Russian cabbage soup
страх	fright
трус (трусиха - f.)	coward
храбрый	brave
честный	honest

Глава 5

безопасность (f.)	safety
вешать повесить	to execute by hanging, hang
врать соврать	to lie
выдать за себя	to impersonate, pass for
дозор	patrol
замок	lock
обижать обидеть	to hurt, offend, insult
разбойник	brigand, bandit, outlaw
сарай	barn
скучный	boring, tedious
удивляться удивиться	to be surprised
угрожать	to threaten, menace
угроза	threat
часовой	sentry, guard
чистить вычистить	to clean
шайка	gang

Глава́ 6

бараба́н	drum
вал	rampart, earthbank
ве́рный	trustworthy, dependable
вса́дник	horsman, rider
залп	volley, salvo
пи́ка	spear
плева́ть плю́нуть	to spit
прися́га	oath of allegiance
присяга́ть присягну́ть	to take an oath
проща́ть прости́ть	to forgive, pardon
са́бля	sword
туре́цкий	Turkish
хвата́ть схвати́ть	to grab, seize
шве́дский	Swedish

Глава́ 7 и 8

гра́бить разгра́бить	to loot, rob
казни́ть	to execute
необыча́йный	unusual, uncommon, rare
те́ло	body
трево́жный	disturbing, alarming
шу́ба	fur overcoat

Глава́ 9

заставля́ть заста́вить	to force, compel
ко́нница	cavalry
отча́яние	despair, despondency
полсо́тни	50 (lit. ½ of 100)
сража́ться сразйться	to combat, fight

Глава́ 10

бо́чка	barrel
доно́с	denunciation, malicious information
доноси́ть	to report
жале́ть пожале́ть	to pity, sympathize
жесто́кий	cruel, brutal, savage
зави́сеть	to depend
кошелёк	purse, wallet
кресты́ться перекресты́ться	to cross oneself
моли́тва	prayer
нака́зывать наказа́ть	to punish
пя́тка	heel
сирота́	orphan
слух	rumor

Глава́ 11 и 12

кра́тко	briefly, concisely, in short
кро́вный	bloody
обы́чай	custom
похо́д	campaign, march
свяще́нник	priest
уби́йца	murderer

Глава́ 13

дворе́ц	palace
доно́счик	informer, denunciator
изме́на	treason, treachery
куса́ть укуси́ть	to bite
подозре́ние	suspicion
показа́ние	testimony
сообщник	accomplice
сосла́ть	to exile
цепь (f.)	chain

Лев Николаевич

ТОЛСТОЙ

1828 – 1910

Лев Николаевич Толстой - граф, великий русский писатель. Родился в усадьбе Ясная Поляна. Уже в ранних повестях ("Детство", "Отрочество", "Юность", "Севастопольские рассказы", "Казаки" и др.) обнаружилось великое реалистическое мастерство Толстого, глубина его психологического анализа.

В 1863-69 гг. Толстой работал над созданием грандиозной исторической эпопеи - романа "Война и мир" об Отечественной войне 1812 г. Толстой гениально нарисовал духовную жизнь различных представителей дворянского общества, показал их идейные искания, создал реалистические картины русской природы и быта начала 19-го века.

В романе "Анна Каренина" (1873-1877 гг.) Толстой описал трагедию русской женщины, показал социальные противоречия русской жизни в период острой ломки крепостных отношений.

Критический реализм Толстого особенно проявился в его романе "Воскресение" и в его повестях и рассказах ("Отец Сергий", "Крейцерова соната" и др.).

Толстой был также и великим драматургом (пьесы "Власть тьмы", "Плоды просвещения", "Живой труп").

В ряде статей 80-х гг. и рассказах Толстой изложил своё религиозно-философское учение. За критику религии в 1901 г. Толстой был отлучён синодом от деркви.

10 ноября 1910 г. Толстой тайно ушёл из дому. В дороге он заболел и умер на станции Астапово (теперь ст. Лев Толстой)

КАВКА́ЗСКИЙ ПЛЕ́ННИК

по Л.Н. ТОЛСТО́МУ

Жи́лин служи́л на Кавка́зе офице́ром. Одна́жды пришло́ ему́ письмо́ от стару́хи-ма́тери. "Я уже́ стара́, - писа́ла мать, - и мне хо́чется уви́деть люби́мого сы́на, мо́жет быть, в после́дний раз. Приезжа́й!"

Жи́лин поду́мал: "Пра́вда, мать си́льно постаре́ла и, мо́жет быть, мы в после́дний раз уви́димся. На́до е́хать". Он пошёл к полко́внику, получи́л о́тпуск, прости́лся с офице́рами и свои́ми солда́тами и пое́хал.

На Кавка́зе тогда́ была́ война́. По доро́гам нельзя́ бы́ло е́здить ни днём, ни но́чью. Е́сли кто́-нибудь из ру́сских отходи́л и́ли отъезжа́л от кре́пости, татары́ и́ли убива́ли, и́ли уводи́ли в го́ры в плен.

Обы́чно два ра́за в неде́лю из кре́пости ходи́ли солда́тские конво́и и с ни́ми е́здил наро́д. Жи́лин пое́хал с таки́м конво́ем на ло́шади.

Бы́ло ле́то, пого́да была́ жа́ркая, и обо́з шёл о́чень ме́дленно. Круго́м была́ степь, ни одного́ де́рева на доро́ге. Жи́лин реши́л е́хать оди́н, без солда́т. "Ло́шадь у меня́ хоро́шая и бы́страя", - поду́мал он и пое́хал вперёд.

Когда́ степь ко́нчилась и доро́га пошла́ ме́жду гора́ми, Жи́лин поду́мал: "На́до посмотре́ть, нет ли где́-нибудь тата́р; они́ мо́гут так вы́ехать и́з-за горы́, что и не заме́тишь". И он поверну́л нале́во в го́ру. Въе́хав на́ гору, Жи́лин уви́дел челове́к 30 тата́р на лошадя́х. Он поскака́л наза́д, но тата́ры его́ уви́дели и погна́лись за ним. Жи́лин наде́ялся доскака́ть до свои́х солда́т, но вдруг уви́дел, что навстре́чу ему́ е́дут ещё шесть тата́р и оди́н тата́рин с ры́жей бородо́й ска́чет пря́мо на него́.

Жи́лин вы́нул са́блю и пусти́л ло́шадь пря́мо на э́того тата́рина, поду́мав: "И́ли ло́шадью, и́ли са́блей его́ убью́". Но ло́шадь не доскака́ла: кто-то вы́стрелил сза́ди, и пу́ля попа́ла в неё. Ло́шадь упа́ла, и вме́сте с ней упа́л Жи́лин. Он хоте́л встать, но не мог: два тата́рина уже́ сиде́ли на нём и би́ли его́ винто́вками по голове́. Пото́м тата́ры связа́ли Жи́лина и повезли́ в го́ры.

Они́ е́хали до́лго, перее́хали реку́ и вы́ехали, наконе́ц, на доро́гу. Жи́лин хоте́л запо́мнить доро́гу, но его́ глаза́ бы́ли в крови́, и он ничего́ не ви́дел.

Бы́ло уже́ темно́,когда́ они́ прие́хали в а́ул. Тата́ры сошли́ с лошаде́й. Собрали́сь тата́рские де́ти и ста́ли броса́ть в Жи́лина ка́мни. Тата́рин снял Жи́лина с ло́шади, развяза́л ему́ ру́ки и за́пер в сара́е. Жи́лин не спал почти́ всю ночь. Ему́ о́чень хоте́лось пить, но воды́ не́ было.

У́тром пришёл ры́жий тата́рин и с ним друго́й, чёрный. Жи́лин показа́л рука́ми, что он хо́чет пить. Чёрный тата́рин по́нял, засмея́лся и позва́л: "Ди́на!" Прибежа́ла де́вочка лет трина́дцати с краси́выми чёрными глаза́ми, по-ви́димому, дочь чёрного. Тата́рин сказа́л ей что́-то, и она́ убежа́ла. Ско́ро она́ прибежа́ла опя́ть и принесла́ воды́. Пока́ Жи́лин пил, она́ больши́ми глаза́ми смотре́ла на него́. Когда́ Жи́лин вы́пил во́ду, она́ убежа́ла так бы́стро, что да́же оте́ц засмея́лся.

Че́рез не́которое вре́мя пришёл рабо́тник и повёл Жи́лина в дом чёрного тата́рина. Ко́мната, куда́ его́ привели́, была́ хоро́шая, чи́стая. На стена́х винто́вки, пистоле́ты, са́бли. На полу́ - ковры́. На ковра́х сиде́ли тата́ры: чёрный, ры́жий и тро́е госте́й. Пе́ред ни́ми стоя́ло тата́рское пи́во.

Тата́ры поговори́ли по-сво́ему, и оди́н стал говори́ть с Жи́линым по-ру́сски.

- Тебя́ взя́л в плен Кази́-Мухаме́д, - сказа́л он, пока́зывая на ры́жего тата́рина, - и он о́тдал тебя́ Абду́л-Мура́ту, - и он показа́л на чёрного. - Тепе́рь Абду́л-Мура́т твой хозя́ин. Он хо́чет получи́ть за тебя́ де́ньги. Пиши́ письмо́ домо́й.

- А ско́лько де́нег он хо́чет? - спроси́л, поду́мав, Жи́лин.

- Три ты́сячи рубле́й.

– Нет, сто́лько я не могу́ заплати́ть.

– Ско́лько же ты мо́жешь?

– 500 рубле́й.

Тепе́рь тата́ры бы́стро заговори́ли ме́жду собо́й. Абду́л стал крича́ть на ры́жего тата́рина.

– 500 рубле́й – э́то ма́ло, – сказа́л перево́дчик. – Он сам за тебя́ заплати́л 2000 рубле́й. Е́сли ты не запла́тишь 3000 рубле́й, бу́дешь сиде́ть в я́ме.

Жи́лин поду́мал: "Е́сли они́ уви́дят, что я бою́сь их, то бу́дет ещё ху́же" – и он закрича́л:

– Скажи́ э́той соба́ке, что е́сли ему́ 500 ма́ло, то я ни копе́йки не дам и писа́ть не бу́ду. Я не боя́лся и не бу́ду боя́ться вас, соба́к.

Тогда́ Абду́л дал ему́ кусо́к бума́ги, перо́, черни́ла и приказа́л: "Пиши́! Пусть бу́дет 500 рубле́й".

Жи́лина отвели́ в сара́й. Ему́ принесли́ туда́ воды́, хле́ба, две ста́рых шине́ли и ста́рые солда́тские сапоги́ с како́го-то уби́того солда́та.

Так он жил це́лый ме́сяц. Дава́ли ему́ то́лько хлеб и во́ду. Жи́лин знал, что мать не полу́чит его́ письма́, потому́ что он написа́л непра́вильный а́дрес. Он знал, что у его́ ма́тери нет де́нег, но он наде́ялся убежа́ть из пле́на.

Ка́к-то раз Жи́лин сде́лал ку́клу в тата́рской оде́жде и поста́вил её о́коло до́ма. Дочь хозя́ина, Ди́на,

уви́дела её и позвала́ други́х де́вочек. Они́ до́лго разгова́ривали и смея́лись. Жи́лин хоте́л дать им ку́клу, но де́вочки не взя́ли её - они́ боя́лись ру́сского. Он оста́вил ку́клу, ушёл в сара́й и стал смотре́ть, что бу́дет да́льше.

Ди́на подбежа́ла, взяла́ ку́клу и бы́стро убежа́ла.

На друго́й день у́тром Жи́лин ви́дел Ди́ну с ку́клой в рука́х. Она́ держа́ла её, как ребёнка. Вдруг из до́ма вы́шла стару́ха, взяла́ у Ди́ны ку́клу и слома́ла её. Жи́лин сде́лал но́вую ку́клу, лу́чше пре́жней, и дал её Ди́не. С того́ вре́мени они́ ста́ли друзья́ми. Она́ ста́ла носи́ть ему́ молоко́ ка́ждый день, когда́ други́е не ви́дели.

Про́жил Жи́лин в а́уле уже́ ме́сяц. Днём ходи́л по а́улу и рабо́тал: то ку́клы для дете́й де́лал, то часы́ поправля́л, а оди́н раз да́же больно́го вы́лечил. По ночам он копа́л в сара́е под стено́й дыру́. Когда́ он, наконе́ц, вы́копал большу́ю дыру́, он поду́мал: "Тепе́рь всё гото́во, на́до то́лько узна́ть, в каку́ю сто́рону идти́".

Одна́жды, когда́ хозя́ин уе́хал, сын хозя́ина, ма́льчик, оста́лся смотре́ть за Жи́линым. Жи́лин пошёл за а́ул на́ гору с ма́льчиком, кото́рый снача́ла не хоте́л идти́ с Жи́линым так далеко́. Но Жи́лин сказа́л, что на э́той горе́ есть трава́, кото́рая ему́ нужна́, что́бы лечи́ть люде́й. С горы́ он уви́дел ещё две горы́ и далеко́, далеко́ за э́тими гора́ми, на откры́том ме́сте, как бу́дто дым по земле́

идёт. Жи́лин по́нял, что там должна́ быть его́ кре́пость. Зна́чит, на́до бу́дет бежа́ть ме́жду э́тими двумя́ гора́ми.

"Сего́дня но́чью на́до бежа́ть", - реши́л Жи́лин. Ве́чером он раскопа́л дыру́ ши́ре и стал ждать, когда́ в а́уле насту́пит тишина́. Как то́лько наро́д в а́уле засну́л, Жи́лин поле́з под сте́ну и вы́лез из сара́я. Он перекрести́лся и пошёл. Он стал смотре́ть по звёздам, в каку́ю сто́рону идти́. Бы́ло хо́лодно, и потому́ ему́ бы́ло легко́ идти́, то́лько сапоги́ у него́ бы́ли плохи́е. Жи́лин снял сапоги́ и пошёл да́льше. Шёл он дово́льно до́лго и вдруг услы́шал напра́во лай соба́к. "Эх, - поду́мал он, - я сде́лал оши́бку, взял сли́шком напра́во. Тут а́ул, я его́ ви́дел с горы́. На́до идти́ наза́д, нале́во. Там до́лжен быть лес". И Жи́лин побежа́л наза́д, к ле́су.

Прошёл он по ле́су версты́ четы́ре. В лесу́ был тако́й густо́й тума́н, что он почти́ ничего́ не ви́дел.

Вдруг слы́шит Жи́лин - впереди́ идёт ло́шадь пря́мо к нему́. Жи́лин сошёл с доро́ги и спря́тался в кусты́. К куста́м подъе́хал тата́рин на ло́шади. Он останови́лся о́коло густо́в, за кото́рыми сиде́л Жи́лин. Наве́рно, тата́рин слы́шал шум. Вдруг он схвати́л винто́вку и вы́стрелил, пото́м что́-то закрича́л по-сво́ему и ускака́л.

"Ну, - поду́мал Жи́лин, - тепе́рь он, соба́ка, позовёт други́х тата́р. На́до бежа́ть".

Но но́ги у него́ бы́ли в кровй́, и бежа́ть он не мог. Он прошёл версту́ и услы́шал, что сза́ди е́дут на лошадя́х. Он опя́ть лёг в кусты́, но с тата́рами была́ соба́ка. Соба́ка зала́яла и пря́мо бро́силась к кусту́, где лежа́л Жи́лин. Тата́ры окружи́ли его́, связа́ли, посади́ли на ло́шадь и повезли́.

По доро́ге их встре́тил Абду́л. Он взял Жи́лина на свою́ ло́шадь и повёз наза́д в ау́л. Тепе́рь он бо́льше не смея́лся и не разгова́ривал.

Когда́ они прие́хали в ау́л, Абду́л посади́л его́ на у́лице. Тата́ры собрали́сь в круг и ста́ли говори́ть.

Пото́м хозя́ин подошёл к Жи́лину и сказа́л: - Е́сли ты опя́ть убежи́шь, то я тебя́ убью́, как соба́ку. Пиши́ письмо́, хорошо́ пиши́!

Жи́лин сно́ва написа́л письмо́. На́ ноги ему́ наде́ли це́пи и повели́ в ау́л. Там его́ посади́ли в я́му. Тепе́рь ста́ло совсе́м пло́хо жить. Цепе́й с него́ не снима́ли ни днём, ни но́чью и не выпуска́ли из я́мы. Ему́ броса́ли туда́ пи́щу, как соба́ке.

Оди́н раз, когда́ он сиде́л в я́ме и мечта́л о свобо́де, к нему́ све́рху упа́ли ви́шни и хлеб. Он посмотре́л наве́рх: там стоя́ла Ди́на.

- Что ты давно́ не приходи́ла? Тепе́рь я уже́ не могу́ сде́лать тебе́ ку́клу.

– Не на́до ку́кол, – сказа́ла Ди́на и, помолча́в мину́ту, продолжа́ла: – Ива́н, они́ хотя́т уби́ть тебя́, – и Ди́на показа́ла руко́й себе́ на ше́ю.

– Кто хо́чет уби́ть?

– Оте́ц. Ему́ на́ши старики́ приказа́ли. Мне жаль тебя́.

– А е́сли тебе́ жаль меня́, то принеси́ мне дли́нную па́лку.

Она́ то́лько покача́ла голово́й – нельзя́.

– Ди́на, пожа́луйста, принеси́!

– Нельзя́: уви́дят.

И ушла́.

Ве́чером Жи́лин сиде́л и ду́мал о том, что бу́дет. Наверху́ бы́ли звёзды. Вдруг на го́лову ему́ упа́ла земля́. Он посмотре́л наве́рх и уви́дел, что све́рху ему́ даю́т дли́нную па́лку. Он ви́дел э́ту па́лку ра́ньше у хозя́ина на кры́ше. А над са́мой я́мой горе́ли глаза́ Ди́ны, как у ко́шки.

– Ива́н, Ива́н!

– Что?

– Все уе́хали, то́лько два челове́ка до́ма.

Жи́лин взял па́лку, попроси́л Ди́ну подержа́ть её и поле́з вверх.

Це́пи о́чень меша́ли ему́. С трудо́м он вы́лез наве́рх. Ди́на, как могла́, помога́ла ему́ ручо́нками.

Жи́лин дал ей па́лку и сказа́л:

- Унеси́ на ме́сто, а то, е́сли узна́ют, бу́дут тебя́ бить. Проща́й, Ди́на! Большо́е спаси́бо тебе́!

Жи́лин в цепя́х с больши́м трудо́м шёл вперёд по доро́ге. Тепе́рь он уже́ знал доро́гу: на́до идти́ пря́мо вёрст во́семь. То́лько бы дойти́ до ле́са ра́ньше, чем вы́йдет луна́! Когда́ он стал подходи́ть к ле́су, луна́ вы́шла и ста́ло светло́, как днём. Жи́лин нашёл ка́мень и стал отбива́ть це́пи. Одну́ цепь он отби́л, а другу́ю не смог отби́ть.

Он встал и пошёл да́льше. Он шёл всю ночь. Уже́ луна́ ста́ла бледне́ть, но Жи́лин не дошёл ещё до конца́ ле́са. "Ну, - поду́мал он, - пройду́ ещё 30 шаго́в и ся́ду".

Прошёл 30 шаго́в и ви́дит, что лес конча́ется, а нале́во под горо́й степь и кре́пость; огни́ горя́т и лю́ди сидя́т у костра́. Посмотре́л внима́тельно и узна́л каза-ко́в и солда́т.

Жи́лин собра́л свои́ после́дние си́лы и пошёл с горы́ вниз, а сам в э́то вре́мя ду́мал: "Помоги́ Бог! Е́сли тут в по́ле тата́рин на ло́шади уви́дит меня́, то я не уйду́, хотя́ уже́ и бли́зко".

То́лько он поду́мал э́то, посмотре́л нале́во и уви́дел на холме́ трёх тата́р. Как то́лько тата́ры уви́дели его́,

они́ сра́зу поскака́ли к нему́. Се́рдце Жи́лина останови́лось. Он закрича́л свои́м, что бы́ло си́лы: "Бра́тцы, помоги́те!"

На́ши услы́шали и бро́сились навстре́чу тата́рам. Казаки́ далеко́, а тата́ры бли́зко. Жи́лин схвати́л руко́й цепь и что бы́ло сил побежа́л к казака́м.

Казако́в бы́ло челове́к пятна́дцать. Тата́ры испуга́лись и останови́лись. Так Жи́лин добежа́л до казако́в.

Казаки́ окружи́ли его́, спра́шивают, кто он, отку́да. А Жи́лин сам себя́ не по́мнит и всё повторя́ет: "Бра́тцы, бра́тцы!"

Из кре́пости вы́бежали солда́ты. Кто ему́ хле́ба несёт, кто - ка́ши, кто - во́дки, кто шине́лью покрыва́ет, кто цепь отбива́ет.

Офице́ры узна́ли его́, посади́ли на ло́шадь и повезли́ в кре́пость. Собрали́сь все его́ това́рищи. Жи́лин рассказа́л, что с ним бы́ло, и прибавил: "Вот как я домо́й съе́здил! Зна́чит, не судьба́ была́ домо́й е́хать".

Так и оста́лся Жи́лин служи́ть на Кавка́зе.

СЛОВА́РЬ
К РАССКА́ЗУ "КАВКА́ЗСКИЙ ПЛЕ́ННИК"

люби́мый	beloved, loved, favorite
уви́деться	to get together, see each other
кре́пость (f.)	fort, stronghold
тата́рин (pl. тата́ры)	Tartar, Tatar
конво́й	convoy,escort, guard
обо́з	train (mil.), train of carts with food & supply
степь(f.)	steppe
скака́ть поскака́ть	to gallop
гна́ться погна́ться	to pursue
ры́жий	red-haired
са́бля	saber
свя́зывать связа́ть	to tie up
ау́л	Caucasian village
развя́зывать развяза́ть	to untie
сара́й	barn
по-ви́димому	apparently, seemingly
рабо́тник	worker
по-сво́ему	in one's own way
я́ма	pit, hole (in the ground)
шине́ль (f.)	army overcoat

сапо́г (pl. сапоги́)	boot(s)
ку́кла	doll, dummy
лома́ть слома́ть	to break
поправля́ть попра́вить	to fix, mend
копа́ть	to dig
дыра́	hole
выка́пывать вы́копать	to dig up (out)
как бу́дто	as if
раска́пывать раскопа́ть	to excavate
наступа́ть наступи́ть	to come (time), step on
тишина́	stillness, tranquility, silence
лезть поле́зть	to crawl, climb
вылеза́ть вы́лезти	to crawl out, come out
перекрести́ться	to cross oneself
лай	bark, barking
верста́	verst (approx.2/3 of a mile)
пря́тать спря́тать	to hide, conceal
ла́ять зала́ять	to bark
окружа́ть окружи́ть	to encircle, surround

цепь (f.,pl. це́пи)	chain(s)
пи́ща	food, nourishment
мечта́ть помечта́ть	to (day) dream
па́лка	stick
кача́ть покача́ть	to shake, swing
ко́шка	cat
ручо́нка	dimin.affect. of рука
с трудо́м	with difficulty
отбива́ть отби́ть	to break off
бледне́ть побледне́ть	to turn pale
шаг	step, pace
костёр	campfire, bonfire
каза́к	cossack
что бы́ло сил	with utmost effort
бра́тец	dimin.affect. of брат
ка́ша	porridge, gruel
прибавля́ть приба́вить	to add
судьба́	fate, destiny

Антон Павлович

ЧЕХОВ

1860 - 1904

Антон Павлович Чехов - русский писатель. Родился в Таганроге. В 1884 г. окончил медицинский факультет Московского университета и занимался врачебной деятельностью.

Начал печататься в 1880 году. Уже в ранний период творчества в юмористических рассказах Чехов высмеивал мещанскую психологию, обывательщину, подхалимство, самоуверенность, тупость ("Толстый и тонкий", "Хамелеон", "Унтер Пришибеев" и др.).

В произведениях конца 80-х и 90-х годов Чехов пишет об идейных исканиях русской интеллигенции, о недовольстве обывательской жизнью, о тоске по идеалам ("Дуэль", "Анна на шее", "Дом с мезонином" и др.).

В рассказе "Палата №6" Чехов выступил против идеологии смирения, фатализма, равнодушия к человеческим страданиям.

Чехов выступил как новатор в драматургии. Пьесы "Чайка", "Дядя Ваня", "Три сестры", "Вишнёвый сад" и др. проникнуты глубоким лиризмом. В них изображается столкновение пошлости с мечтами о красоте, правде и творческом труде.

Творчество Чехова оказало большое влияние на развитие русской и мировой литературы и театра.

Чехов умер от туберкулёза в городе Баденвейлер (Германия) и похоронен в Москве.

НА ДА́ЧЕ

по А.П.ЧЕ́ХОВУ

"Я вас люблю́. Вы моя́ жизнь, сча́стье - всё! Я не могу́ бо́льше молча́ть. Бу́дьте сего́дня в во́семь часо́в ве́чера в ста́рой бесе́дке. И́мя своё не подпи́сываю, но я молода́, хороша́ собо́й, чего́ же вам ещё ну́жно?

Да́чник Па́вел Ива́нович, челове́к семе́йный и положи́тельный, чита́я письмо́, удиви́лся. "Я жена́тый челове́к, и вдруг тако́е стра́нное, тако́е глу́пое письмо́! Кто э́то написа́л?"

За все 8 лет свое́й жена́той жи́зни Па́вел Ива́нович не получа́л никаки́х пи́сем, кро́ме поздрави́тельных. По-э́тому письмо́ его́ си́льно взволнова́ло. Че́рез час он лежа́л на дива́не и ду́мал: "Коне́чно, я не мальчи́шка и не побегу́ на э́то дура́цкое свида́ние, но всё-таки интере́сно бы́ло бы знать: кто его́ писа́л ... По́черк несомне́нно же́нский. Письмо́ напи́сано искре́нне, а поэ́тому едва́ ли э́то шу́тка. Вероя́тно, кака́я-нибудь вдова́. Вдо́вы вообще́ легкомы́сленны. Кто бы э́то мог быть?"

Реши́ть э́тот вопро́с бы́ло тем бо́лее тру́дно, что во всём да́чном посёлке у Па́вла Ива́новича не́ было ни одно́й знако́мой же́нщины, кро́ме жены́. Ему́ не́ от кого́ бы́ло получа́ть таки́е пи́сьма. "Стра́нно, - ду́мал он. - Я вас люблю́. - Когда́ же она́ успе́ла полюби́ть, да́же не познако́мившись, не узна́в, что я за челове́к ...

Должно́ быть, она́ сли́шком ещё молода́ и нео́пытна, е́сли спосо́бна влюби́ться так бы́стро. Но кто она́?"

Вдруг Па́вел Ива́нович вспо́мнил, что вчера́ и позавчера́, когда́ он гуля́л по да́чному посёлку, он не́сколько раз встреча́л моло́денькую блонди́нку в све́тло-голубо́м пла́тье. Блонди́нка ча́сто смотре́ла на него́, а когда́ он сел на скаме́йку, она́ се́ла ря́дом с ним... "Она́..." - поду́мал Па́вел Ива́нович. - "Нет, это невозмо́жно".

За обе́дом Па́вел Ива́нович, гля́дя на жену́, размышля́л. "Она́ пи́шет, что молода́ и хороша́ собо́й ... Гм... Говоря́ и́скренне, я ещё не так стар и плох, и в меня́ ещё мо́жно влюби́ться... Лю́бит же меня́ жена́!"

- О чём ты заду́мался? - спроси́ла жена́.

- Так ... голова́ что́-то боли́т... - отве́тил Па́вел Ива́нович.

Он реши́л, что глу́по обраща́ть внима́ние на любо́вное письмо́ и смея́лся над ним и его́ а́втором. Но чем бы он ни занима́лся, ни о чём друго́м он не мог ду́мать. По́сле обе́да Па́вел Ива́нович лежа́л у себя́ на крова́ти и ду́мал:

"А ведь она́, пожа́луй, наде́ется, что я приду́! Впро́чем, мо́жет быть, пойти́ из любопы́тства? Интере́сно погляде́ть и́здали, кто бы она́ ни была́. А в бесе́дку входи́ть не́зачем". Па́вел Ива́нович подня́лся с посте́ли и на́чал одева́ться.

– Куда́ ты собира́ешься? – спроси́ла его́ жена́, заме́тив, что он надева́ет чи́стую руба́шку и но́вый га́лстук.

– Так ... хочу́ погуля́ть. Голова́ что́-то боли́т... Ну, я пошёл.

Па́вел Ива́нович вы́шел и́з дому. В конце́ алле́и была́ видна́ ста́рая бесе́дка. У него́ вдруг заби́лось се́рдце. Он предста́вил себе́ блонди́нку в све́тло-голубо́м пла́тье. "Ка́жется, никого́ нет", – поду́мал он, входя́ в бесе́дку, и тут же уви́дел в углу́ како́го-то челове́ка. Но э́то был мужчи́на. Па́вел Ива́нович узна́л в нём бра́та свое́й жены́ студе́нта Ми́тю, жи́вшего у них на да́че.

– А, э́то ты? ... – сказа́л он недово́льно, снима́я шля́пу и садя́сь.

– Да, я, – отве́тил Ми́тя.

Мину́ты две прошло́ в молча́нии.

– Извини́те меня́, Па́вел Ива́нович, – на́чал Ми́тя, – но я проси́л бы вас оста́вить меня́ одного́ ... Я обду́мываю свою диссерта́цию, не́которые сло́жные вопро́сы, и прису́тствие кого́ бы то ни́ было мне меша́ет.

– А ты иди́ куда́-нибудь в тёмную алле́ю, – попроси́л Па́вел Ива́нович. – На све́жем во́здухе ле́гче ду́мать. Я хочу́ поспа́ть тут на скаме́йке. Здесь не так жа́рко...

– Диссерта́ция важне́е, – сказа́л Ми́тя. Опя́ть наступи́ло молча́ние...

Па́влу Ива́новичу ну́жно бы́ло во что́ бы то ни ста́ло заста́вить Ми́тю уйти́.

- Ну, я прошу́ тебя́, Ми́тя! Раз в жи́зни прошу́! Ты моло́же меня́ и до́лжен уважа́ть ... Я бо́лен ... и хочу́ спать ... Неуже́ли ты не мо́жешь уйти́?

Ми́тя не уходи́л.

- Послу́шай, Ми́тя, я прошу́ тебя́ в после́дний раз ... Докажи́, что ты у́мный, гу́манный и образо́ванный челове́к!

Ми́тя ти́хо отвеча́л:

- Ни за что́! Я сказа́л, не вы́йду, зна́чит, не вы́йду.

В э́то вре́мя у вхо́да в бесе́дку они́ уви́дели же́нское лицо́. Уви́дев их, оно́ исче́зло ... "Ушла́!" - поду́мал Па́вел Ива́нович. - "Уви́дела э́того подлеца́ и ушла́. Она́ бо́льше не вернётся". Подожда́в немно́го, Па́вел Ива́нович встал, наде́л шля́пу и сказа́л Ми́те:

- По́дло ... и глу́по! Ме́жду на́ми всё ко́нчено. Нам не́ о чем бо́льше разгова́ривать!

- О́чень рад, отве́тил Ми́тя, то́же встава́я и надева́я шля́пу. - Зна́йте, что вы сейча́с ва́шим прису́тствием сде́лали мне таку́ю га́дость, кото́рую я вам до са́мой сме́рти не прощу́.

Па́вел Ива́нович вы́шел из бесе́дки и бы́стро зашага́л к свое́й да́че ... За у́жином Па́вел Ива́нович и

Ми́тя гляде́ли на свои́ таре́лки и молча́ли. О́ба всей душо́й ненави́дели друг дру́га. Жена́ Па́вла Ива́новича смотре́ла на них и улыба́лась.

- Како́е письмо́ ты получи́л сего́дня у́тром? - спроси́ла она́ му́жа.

- Я ... ? Никако́го, - отве́тил Па́вел Ива́нович, испуга́вшись, что жена́ кое́-что подозрева́ет.

- Призна́йся, что получи́л. Ведь э́то письмо́ я тебе́ посла́ла! Че́стное сло́во, я! Что же дела́ть? Нам ну́жно бы́ло сего́дня полы́ помы́ть, но как заста́вить вас уйти́ из до́ма? То́лько таки́м спо́собом мо́жно. Но ты не серди́сь, глу́пый. Что́бы тебе́ в бесе́дке не́ было ску́чно, я и Ми́те тако́е же письмо́ посла́ла! Ми́тя, ты был в бесе́дке?

Ми́тя улыбну́лся и переста́л гляде́ть с не́навистью на своего́ сопе́рника.

СЛОВА́РЬ К РАССКА́ЗУ "НА ДА́ЧЕ"

бесе́дка	summer house
она́ хороша́ собо́й	she is goodlooking
да́чник	summer resident
поздрави́тельный	congratulatory
по́черк	handwriting
и́скренне	sincerely
вдова́	widow
легкомы́сленный	light-headed
спосо́бен	capable, able
влюби́ться (в кого́?)	to fall in love (with)
размышля́ть	to reflect
любо́вный	amorous
любопы́тство	curiosity
и́здали	at a distance
прису́тствие	presence
заби́лось се́рдце	the heart started to beat
недово́льно	displeased
во что́ бы то ни ста́ло	at any cost
ни за что́	never
подле́ц	rascal
сде́лать (кому́?) га́дость	to play a dirty trick on somebody
ненави́деть,-́жу,-́ишь	to hate

подозрева́ть, -ю́,-ешь	to suspect
признава́ться, я призна́юсь, -ёшься	to confess
ску́чно	to feel bored
сопе́рник	rival

То́лстый и то́нкий

по А.П. ЧЕ́ХОВУ

На вокза́ле Никола́евской желе́зной доро́ги встре́тились два прия́теля: оди́н то́лстый, друго́й то́нкий. То́лстый то́лько что пообе́дал на вокза́ле. От него́ па́хло хоро́шим вино́м и духа́ми. То́нкий же то́лько что вы́шел из ваго́на и нёс не́сколько чемода́нов и коро́бок. Па́хло от него́ ветчино́й и ко́фе. И́з-за его́ спины́ выгля́дывала ху́денькая же́нщина с дли́нным подборо́дком - его́ жена́, и высо́кий гимнази́ст - его́ сын.

- Порфи́рий! - закрича́л то́лстый, уви́дев то́нкого. - Ты ли э́то? Ско́лько лет, ско́лько зим!

- Ми́ша! - ра́достно закрича́л то́нкий. Друг де́тства!

Прия́тели три́жды поцелова́лись. Они́ стоя́ли и смотре́ли друг на дру́га, в глаза́х у них бы́ли слёзы.

- Ми́лый мой! - на́чал то́нкий. Вот не ожида́л! Вот сюрпри́з! Ну, дай я посмотрю́ на тебя́ хорошо́нько! Тако́й же краса́вец, как и был! Ну, что же ты? Бога́т? Жена́т? Я уже́ жена́т, как ви́дишь... Э́то вот моя́ жена́, Луи́за, урождённая Ва́нценбах... лютера́нка... А э́то сын мой, Нафанаи́л, учени́к тре́тьего кла́сса. Э́то, Нафанаи́л, друг моего́ де́тства. В гимна́зии вме́сте учи́лись.

Нафанаи́л немно́го поду́мал и снял фура́жку. Не бо́йся, Нафанаи́л, подойди́ к нему́ побли́же... А э́то моя́ жена́, урождённая Ва́нценбах... лютера́нка.

Нафанаи́л немно́го поду́мал и спря́тался за спи́ну отца́.

- Ну, как живёшь, друг? - спроси́л то́лстый, восто́рженно смотря́ на дру́га. - Слу́жишь ли?

- Служу́, ми́лый мой! Колле́жским асе́ссором уже́ второ́й год и о́рден име́ю. Жа́лованье плохо́е... ну, да Бог с ним! Жена́ уро́ки му́зыки даёт, а я в свобо́дное вре́мя портсига́ры из де́рева де́лаю. Отли́чные портсига́ры! По рублю́ за шту́ку. Е́сли кто берёт де́сять штук и бо́лее, тому́ ски́дка. Живём кое-ка́к. Тепе́рь бу́ду здесь служи́ть, перевели́ меня́. Ну, а ты как? Наве́рно уже́ ста́тский сове́тник? А?

- Нет, ми́лый мой, поднима́й повы́ше, - сказа́л то́лстый. - Я уже́ та́йный сове́тник... Ордена́ име́ю.

То́нкий вдруг побледне́л, окамене́л, но ско́ро пришёл в себя́ и на́чал почти́тельно улыба́ться. Сам же он ка́к-то согну́лся и как-бу́дто стал ме́ньше... Дли́нный подборо́док жены́ стал ещё длинне́е; Нафанаи́л застегну́л все пу́говицы своего́ мунди́ра...

- Я, ва́ше превосходи́тельство... О́чень прия́тно-с! Друг, мо́жно сказа́ть, де́тства и вдруг такбе высо́кое положе́ние! Хи-хи-с.

– Ну, довóльно, зачéм же! – помóрщился тóлстый. – Для чегó э́тот тон? Мы с тобóй друзья́ дéтства, к чему́ тут такáя формáльность!

– Чтó вы, чтó вы... заговори́л бы́стро тóнкий, ещё бóлее сгибáясь. – Внимáние вáшего превосходи́тельства для нас мнóго знáчит. Э́то вот, вáше превосходи́тельство, сын мой Нафанаи́л... женá Луи́за, лютеранка, нéкоторым óбразом...

Тóлстый хотéл бы́ло возрази́ть чтó-то, но на лицé у тóнкого бы́ло напи́сано стóлько почтéния и слáдости, что тáйного совéтника нáчало тошни́ть. Он отверну́лся от тóнкого и пóдал ему́ ру́ку.

Тóнкий пожáл три пáльца, глубокó поклони́лся. Женá улыбну́лась, у Нафанаи́ла упáла фурáжка. Все трóе бы́ли прия́тно ошеломлены́.

СЛОВА́РЬ К РАССКА́ЗУ "ТО́ЛСТЫЙ И ТО́НКИЙ"

па́хнуть	to smell
духи́	perfume
выгля́дывать вы́глянуть	to peep out, emerge
подборо́док	chin
гимнази́ст	high schooler (in tsarist Russia)
Ско́лько лет, ско́лько зим!	It's been a long time!
краса́вец	handsome
урождённая	born
лютера́нка	Lutheran
гимна́зия	high school (in tsarist Russia)
пря́таться спря́таться	to hide
восто́рженно	enthusiasticaly
колле́жский асе́ссор	civil rank in tsarist Russia (middle rank)
жа́лованье (теперь зарпла́та)	pay, salary
портсига́р	cigarette case
де́рево	wood
шту́ка	piece
ски́дка	discount
ста́тский сове́тник	civil rank in tsarist Russia (executive)
та́йный сове́тник	civil rank in tsarist Russia (high executive)
бледне́ть побледне́ть	to turn pale

окамене́ть	to become petrified
почти́тельно	respectfully
сгиба́ться согну́ться	to bend
застёгивать застегну́ть	to button up
мундир	tunic (school uniform)
мо́рщиться помо́рщиться	to frown, knit one's brow
ва́ше превосходи́тельство (used in tsarist Russia)	your excellency
возража́ть возрази́ть	to object
почте́ние	respect
сла́дость (f.)	sweetness
его́ на́чало тошни́ть	he felt sick
отвора́чиваться отверну́ться	to turn away (from smb.)
подава́ть пода́ть	to hold (stretch) out one's hand
пожима́ть пожа́ть	to shake (a hand), squeeze
кла́няться поклони́ться	to bow
ошеломля́ть ошеломи́ть	to stun

Леонид Сергеевич Ленч (настоящая фамилия Попов) - родился в 1905 году. Советский писатель. С 1934 г. сотрудник журнала "Крокодил". Выпустил несколько сборников юмористических рассказов, фельетонов и сказок.

ШТРАФ

По расска́зу Леони́да Ле́нча

Инжене́р-конструктор Игорь Никола́евич Шага́лов, молодо́й, но уже́ нача́вший полне́ть блонди́н с краси́выми, до́брыми, голубы́ми глаза́ми, стоя́л со стака́ном воды́ в руке́ у дива́на, на кото́ром лицо́м вниз лежа́ла и гро́мко пла́кала его́ жена́ Еле́на Васи́льевна, и повторя́л:

- Лёля!.. Еле́на!.. Вы́пей води́чки!.. Э́то же всё непра́вда, даю́ тебе́ че́стное сло́во!.. Ну вы́пей же воды́, я тебя́ прошу́!

Одна́ко Еле́на Васи́льевна продолжа́ла пла́кать. Смотре́ть на неё бы́ло тяжело́, и И́горь Никола́евич, незаме́тно для себя́, что́бы успоко́иться, сам вы́пил всю во́ду.

И тут Еле́на Васи́льевна приподняла́сь, се́ла, вы́терла плато́чком слёзы и, не гля́дя на му́жа, сказа́ла ре́зко:

- Дай воды́!

- Пожа́луйста! Вот!

- Бо́же мой, - даёт пусто́й стака́н! Сядь! И, пожа́луйста, не улыба́йся. Всё это гора́здо серьёзнее, чем ты ду́маешь!

И́горь Никола́евич переста́л улыба́ться и послу́шно сел ря́дом с жено́й.

– Зна́чит, ты говори́шь, – споко́йно сказа́ла по́сле па́узы Еле́на Васи́льевна, – что позавчера́ по́сле рабо́ты ты оста́лся у себя́ в бюро́ на сверхуро́чную рабо́ту и рабо́тал три с полови́ной часа́?

– Э́то я не говорю́, а э́то так и бы́ло! Спроси́ Попо́ва, Па́лкина, позвони́ Ива́ну Серге́евичу ...

– Заче́м мне звони́ть твои́м друзья́м, кото́рые, коне́чно, никогда́ не вы́дадут тебя́? У меня́ есть докуме́нт. Вот! Что ты на "э́то" ска́жешь?

Еле́на Васи́льевна взяла́ лежа́вшую на дива́не бума́жку с официа́льным шта́мпом и помаха́ла е́ю пе́ред са́мым но́сом му́жа. "Э́то" действи́тельно бы́ло необъясни́мо. Бума́жка с официа́льным шта́мпом отде́ла контро́ля э́нской желе́зной доро́ги предлага́ла граждани́ну Шага́лову И́горю Никола́евичу неме́дленно уплати́ть три́дцать рубле́й штра́фа за безбиле́тный прое́зд в при́городном по́езде. Число́, ме́сяц, фами́лия, и́мя, о́тчество, постоя́нное местожи́тельство – всё бы́ло пра́вильно.

– Я ... не зна́ю, что э́то тако́е! – наконе́ц сказа́л И́горь Никола́евич. – Како́е-то недоразуме́ние!.. Оши́бка! Я не е́здил за́ город! И вообще́ ... заче́м мне е́здить за́ город?! К кому́?!

Еле́на Васи́льевна саркасти́чески посмотре́ла на него́ тёмными, как ту́ча, глаза́ми. Начина́лась гроза́.

– К кому́?! Я тебе́ скажу́, к кому́! Ты е́здил в

Наде́льную к Ва́лечке - к э́той свое́й ... волейболи́стке!.. Ду́маешь, я не замеча́ла, как ты всё ле́то гляде́л на неё ма́слеными гла́зками?!

- Что ты говори́шь, Лёля! - сказа́л И́горь Никола́евич, начина́я серди́ться. - Она́ уже́ за́муж вы́шла, на́ша Ва́лечка. За хоро́шего па́рня. То́же спортсме́н, как и она́. То́лько он лы́жник, чемпио́н.

- Да-а, хорошо́ э́то Ва́лечка устро́илась: сра́зу двух чемпио́нов получи́ла, - оди́н по лы́жам, а друго́й по мора́льной распу́щенности.

- Фу, кака́я по́шлость! Че́стное сло́во, пти́чка, с тобо́й невозмо́жно разгова́ривать!

- Неде́лю тому́ наза́д, - продолжа́ла Еле́на Васи́льевна с ледяны́м, как ей каза́лось, споко́йствием, - мне принесли́ то́чно таку́ю же бума́жку. Зна́чит, ты и тогда́ е́здил к свое́й волейболи́стке. И опя́ть без биле́та. Е́сли вам не сты́дно обма́нывать жену́, И́горь Никола́евич, постыди́лись бы хоть желе́зную доро́гу обма́нывать, -- госуда́рство!..

И́горю Никола́евичу захоте́лось крича́ть, выть, бить посу́ду. Что́бы взять себя́ в ру́ки и успоко́иться, он реши́л про себя́ сосчита́ть до двадцати́. Он на́чал счита́ть: "Раз, два, три, четы́ре, пять ..." Еле́на Васи́льевна продолжа́ла говори́ть, и то, что она́ говори́ла, бы́ло таки́м оби́дным и несправедли́вым, что конструктор,

гро́мко вы́крикнув "шесть", вы́бежал на у́лицу и до́лго ходи́л по го́роду без пальто́ и шля́пы, несмотря́ на моро́з.

Когда́, успоко́ившись, он верну́лся домо́й и откры́л свои́м ключо́м дверь в кварти́ру, Еле́ны Васи́льевны уже́ не́ было. На сто́лике в пере́дней лежа́ла запи́ска. И́горь Никола́евич взял её и прочита́л не́рвные кру́пные стро́ки:

"Уе́хала к ма́ме. Не пыта́йся звони́ть, объясня́ться. Своё реше́ние сообщу́. Еле́на".

У́тром И́горь Никола́евич позвони́л в своё конструкторское бюро́, сказа́л, что пло́хо себя́ чу́вствует и поэ́тому немно́жко опозда́ет на рабо́ту, взял такси́ и пое́хал в управле́ние э́нской доро́ги по а́дресу, ука́занному на бума́жке.

В отде́ле контро́ля его́ внима́тельно вы́слушали. Да, к сожале́нию, таки́е печа́льные фа́кты - не ре́дкость. По-ви́димому, неизве́стный безбиле́тный пассажи́р, так называ́емый "за́яц", назва́л фами́лию и а́дрес уважа́емого това́рища Шага́лова. Почему́ не проверя́ют докуме́нты? Ви́дите ли, по существу́ющей инстру́кции, железнодоро́жные контролёры не обя́заны проверя́ть докуме́нты. "За́яц", отказа́вшийся уплати́ть штраф в ваго́не, называ́ет фами́лию, и́мя, о́тчество и а́дрес. По э́тому а́дресу и посыла́ется бума́жка. И́горю Никола́евичу посове́товали уплати́ть три́дцать рубле́й - де́ньги небольши́е, а то ведь юри́сты желе́зной доро́ги -хе-хе! - наро́д о́стрый. Е́сли они́ возьму́тся за де́ло, вас никако́й суд не

оправда́ет. Всё равно́ придётся заплати́ть!

- Позво́льте! - заволнова́лся констру́ктор. - Де́ло же не в деньга́х! И́з-за ва́шей инстру́кции от меня́ жена́ ушла́!

- Сожале́ю, но интере́сы желе́зной доро́ги от э́того не пострада́ли.

- Как вы мо́жете так говори́ть! Не челове́к для доро́ги, а доро́га для челове́ка.

- Э́то уж, извини́те, литерату́ра, филосо́фия. Есть тако́й журна́л "Вопро́сы филосо́фии" - обрати́тесь с э́тим туда́, а нам это не подхо́дит!..

Тру́дно бы́ло рабо́тать в э́тот день И́горю Никола́евичу. Не́сколько раз он звони́л ма́тери жены́, но ка́ждый раз стару́ха ти́хо говори́ла в сто́рону: "Что сказа́ть? "Он" звони́т !" И по́сле па́узы сообща́ла, что "Ле́ночка то́лько что опя́ть ушла́ и ничего́ не сказа́ла".

Уже́ в конце́ рабо́чего дня в го́лову констру́ктору пришла́ счастли́вая мысль, кото́рая его́ сра́зу успоко́ила: "На́до по́сле рабо́ты пое́хать в Наде́льную к Ва́ле, взять волейболи́стку и её лы́жника с собо́й, привезти́ их к жене́ и доказа́ть,что всё это недоразуме́ние".

"Куплю́ шампа́нского, - ду́мал развесели́вшийся констру́ктор, - большо́й буке́т цвето́в, и Лёлька поймёт, как всё э́то бы́ло глу́по с её стороны́.".

Наро́ду в при́городном по́езде бы́ло немно́го. И́горь Никола́евич сиде́л у окна́, смотре́л на пронося́щиеся ми́мо

поля́ и высо́кие, стро́йные со́сны и уже́ с удово́льствием ду́мал о предстоя́щем примире́нии с жено́й. Как все до́брые лю́ди, он о́чень не люби́л ссо́риться.

В ваго́не появи́лся контролёр - мра́чный, уса́тый железнодоро́жник. Он стал провера́ть биле́ты у пассажи́ров, и вдруг И́горь Никола́евич уви́дел сидя́щего впереди́, че́рез две скаме́йки от него́, Па́вла Архи́повича Линя́ева, хозя́ина да́чи, кото́рую в про́шлом году́ снима́л в Наде́льной констру́ктор.

Линя́ев, ва́жный, бри́тый стари́к с кра́сным но́сом, сиде́л и чита́л газе́ту "Вечёрняя Москва́". И́горь Никола́евич хоте́л заговори́ть с ним, но тут к Линя́еву подошёл контролёр:

- Ваш биле́т!

Линя́ев поиска́л в карма́нах ста́рого пальто́, а пото́м сказа́л:

- О́чень сожале́ю, но биле́та у меня́ нет. Потеря́л.

- Эх, граждани́н Шага́лов, граждани́н Шага́лов! - нетерпели́во сказа́л контролёр. - Опя́ть вы попа́лись!.. Сейча́с бу́дете штраф плати́ть и́ли присла́ть вам бума́жку домо́й?

- Присыла́йте домо́й.

- А́дрес тот же?

- Тот же!..

И́горь Никола́евич не ве́рил свои́м уша́м!

Когда́ контролёр, прове́рив биле́ты, ушёл, И́горь Никола́евич подня́лся, подошёл к Линя́еву и сказа́л:

- Приве́т, това́рищ Шага́лов!

Линя́ев опусти́л газе́ту, уви́дел лицо́ И́горя Никола́евича, всё по́нял и сконфу́зился. Но тут же взял себя́ в ру́ки.

- Всё шу́тки шу́тите, И́горь Никола́евич! Уж не ко мне ли, случа́йно, е́дете? Могу́ вам опя́ть да́чу на ле́то сдать.

- Вряд ли я у вас тепе́рь когда́-нибудь сниму́ да́чу. Сейча́с сойдём на ста́нции, поговори́м.

- Сейча́с мне не́когда.

- Идёмте! - гро́зно сказа́л И́горь Никола́евич.

Линя́ев вздохну́л и послу́шно встал. По́езд заме́длил ход, приближа́ясь к ста́нции.

Они́ вы́шли на пусто́й перро́н и се́ли ря́дом на скаме́йку, сло́вно ста́рые друзья́, кото́рые давно́ не ви́делись и вдруг встре́тились.

- Ну?! - гро́зно сказа́л И́горь Никола́евич. - Объясни́те, почему́ вы называ́ете мою́ фами́лию, когда́ вас штрафу́ют?

Линя́ев молча́л.

- Во́т что, - сказа́л Шага́лов. - Вы сейча́с пое́дете со мной в Москву́ и ска́жете Еле́не Васи́льевне, что вы выдава́ли себя́ за меня́. Вы обя́заны э́то сде́лать!

- И́горь Никола́евич, дорого́й! Не могу́! Меня́

до́ма ста́рая жена́ ждёт!

- А меня́ и́з-за вас молода́я жена́ не ждёт. Иди́те возьми́те биле́т!

Линя́ев подня́лся и пошёл к ка́ссе покупа́ть биле́т.

Че́рез два́дцать мину́т подошёл по́езд в Москву́. Они́ вошли́ в ваго́н и опя́ть, сло́вно хоро́шие друзья́, се́ли ря́дом на скаме́йку. Линя́ев молча́л, отверну́вшись к окну́.

Вдруг в ваго́не показа́лся тот же уса́тый, мра́чный контролёр. Вероя́тно, он возвраща́лся в Москву́ обра́тным по́ездом.

- Ва́ши биле́ты!

Линя́ев мо́лча по́дал оди́н биле́т контролёру и победи́телем посмотре́л на И́горя Никола́евича.

- Поня́тно! - гро́мко сказа́л И́горь Никола́евич и сам заговори́л с контролёром, подража́я Линя́еву:

- Я о́чень сожале́ю, но биле́та у меня́ нет. Потеря́л. И де́нег у меня́ при себе́ нет. Так что ... штрафу́йте!..

- Придётся сойти́ на ста́нции, граждани́н, для прове́рки местожи́тельства.

- Заче́м? Моя́ фами́лия Линя́ев, Па́вел Архи́пович, ста́нция Наде́льная, Луговая́ 25. Да вот граждани́н Шага́лов, кото́рого вы хорошо́ зна́ете, мо́жет подтверди́ть, что я говорю́ пра́вду. Подтверди́те же, това́рищ Шага́лов!..

Нос у Линя́ева из кра́сного стал фиоле́товым. Не гля́дя на сосе́да, он мра́чно сказа́л:

- Подтвержда́ю!..

СЛОВА́РЬ К РАССКА́ЗУ "ШТРАФ"

вздыха́ть вздохну́ть	to sigh
взя́ться за де́ло	to get busy
взять себя́ в ру́ки	to control oneself
выдава́ть вы́дать	to give away, betray
выдава́ть себя́ за	to impersonate, pass oneself off as ...
вытира́ть вы́тереть	to wipe, (rub) dry
голубо́й,-а́я,-о́е,-ы́е	blue (sky blue)
госуда́рство	state
гро́зно	fiercely, menacingly
да́ча	summer cottage
за́яц	jackrabbit; a stowaway
мири́ться помири́ться	to reconcile, make one's peace
местожи́тельство постоя́нное местожи́тельство	(place of) residence permanent residence
нам э́то не подхо́дит	this is not for us
недоразуме́ние	misunderstanding
оби́дный,-ая,-ое,-ые	offensive, insulting
обма́нывать обману́ть	to deceive, fool, cheat
опра́вдывать оправда́ть	to acquit, justify
опуска́ть опусти́ть	to lower

обя́зан,-а,-о,-ы Я обя́зан сде́лать э́то.	to have a duty I must do it.
па́рень	fellow, lad
плато́к (dimin. плато́чек)	kerchief
победи́тель	victor, conqueror, winner
подража́ть,-ю,-ешь	to imitate
подтвержда́ть подтверди́ть	to confirm
попада́ться попа́сться	to be caught
по-ви́димому	it seems, it appears, apparently
послу́шно послу́шный	obediently obedient
постоя́нно постоя́нный,-ая,-ое,-ые	constantly, continually constant, continual, permanent
посу́да	dishes
приве́т	greetings
при́город	suburb (-ный suburban)
примире́ние	reconciliation
пти́ца (dimin. пти́чка)	bird
пыта́ться попыта́ться	to attempt, try
ре́дкость (f.)	rarity
сло́вно	as if, as though
случа́йно	by chance
сосна́	pine tree
справедли́вый,-ая,-ое,-ые несправедли́вый (не)справедли́во	just, fair unjust, unfair (un)justly

стро́йный,-ая,-ое,-ые	well-shaped, trim
страда́ть пострада́ть	to suffer
ссо́риться поссо́риться	to quarrel
суд	court of law
штраф	fine, penalty
успока́ивать(ся) успоко́ить(ся)	to calm, quiet down
ход	run, motion

Илья Арнольдович

ИЛЬФ

1897 - 1937

Евгений Петрович

ПЕТРОВ

1903 - 1942

Илья Ильф (настоящая фамилия Файнзильберг Илья Арнольдович) – советский писатель. В соавторстве с Е.П. Петровым написал сатирические романы "Двенадцать стульев" и "Золотой телёнок", в которых высмеиваются мещанство и пережитки буржуазной психологии, книгу очерков "Одноэтажная Америка" и многочисленные фельетоны.

Евгений Петрович Петров (настоящая фамилия Катаев) – советский писатель. В соавторстве с И.А. Ильфом написал сатрические романы "Двенадцать стульев" и "Золотой телёнок", рассказ "Тоня", фельетоны и книгу очерков "Одноэтажная Америка".

Петров – автор сатирической комедии "Остров мира", киносценариев и фронтовых очерков.

То́ня

по И.И́льфу и Е.Петро́ву

Два са́мых больши́х собы́тия в жи́зни То́ни произошли́ почти́ одновре́менно. Не успе́ла она́ вы́йти за́муж, как Константи́на Степа́новича Говорко́ва, её му́жа, посла́ли на слу́жбу в го́род Вашингто́н, и То́ня вме́сте со свои́м Ко́стей пое́хала в Аме́рику.

На Белору́сско-Балти́йский вокза́л То́ню пришли́ провожа́ть две подру́ги - Ки́ля и Кла́ва. Они́ бы́ли о́чень весёлые де́вушки, но здесь, среди́ интури́стов и носи́льщиков, стесня́лись и всё вре́мя спра́шивали То́ню:

- Зна́чит, е́дешь?

То́не то́же бы́ло не по себе́, и она́ уны́ло повторя́ла:

- Так вы пиши́те, де́вочки.

- Как я тебе́ зави́дую, - говори́ла Ки́ля. - Ты счастли́вая. Бу́дешь жить в Нью-Йо́рке.

- Не в Нью-Йо́рке, а в Вашингто́не, - попра́вила То́ня. - Нью-Йорк - это не столи́ца, а мы бу́дем жить в столи́це.

- Ты счастли́вая, - повторя́ли Ки́ля и Кла́ва. - Там, наве́рно, о́чень интере́сно.

- Я ду́маю, - скро́мно отвеча́ла То́ня.

Муж, Ко́стя Говорко́в, ча́сто забега́л в своё купе́ и смотре́лся в зе́ркало. Его́ му́чило, что он купи́л сли́шком большу́ю шля́пу, не по голове́.

Де́вочки и в са́мом де́ле немно́го зави́довали. Сейча́с подру́га уе́дет в далёкую таи́нственную Аме́рику, а они́ пойду́т на свою́ расфасо́вочную фа́брику упако́вывать пе́рец, со́ду и шафра́н. И так бу́дет ка́ждый день, в то вре́мя как То́ня ... Лу́чше бы́ло да́же не ду́мать о То́нином сча́стье.

-Так ты пиши́, То́нька! - гро́мко и тоскли́во кри́кнули они́ вслед уходя́щему по́езду.

Е́хать че́рез Евро́пу бы́ло интере́сно и жу́тко. В По́льше из окна́ вагона́ То́ня в пе́рвый раз за свою́ жизнь уви́дела поме́щика. Он е́хал верхо́м. Ко́стя то́же никогда́ ещё не ви́дел поме́щиков. И молодожёны до́лго следи́ли за э́той стра́нной фигу́рой, как бы возни́кшей из уче́бников политгра́моты.

О́чень ча́сто меня́лись стра́ны. В ваго́н входи́ли то по́льские тамо́женники и жанда́рмы, то неме́цкие, то бельги́йские, то францу́зские. То́ня боя́лась э́тих люде́й. Они́ бы́ли грубова́ты и торопли́вы, каки́ми, ви́дно, уж полага́ется быть тамо́женным чино́вникам во всём ми́ре. Но То́не каза́лось, что э́та суро́вость направля́ется специа́льно про́тив неё и Ко́сти, что вот они́ аресту́ют её ми́лого Ко́стю и куда́-то отведу́т его́ вме́сте с па́спортами,

биле́тами и деньга́ми. Что она́ тогда́ бу́дет де́лать? Без па́спорта, без де́нег и биле́та? Кро́ме того́, она́ не зна́ла ни по́льского, ни неме́цкого, ни францу́зского. Англи́йского она́ то́же не зна́ла. Англи́йский язы́к немно́го знал Ко́стя:

- Шокола́д? Сигаре́ты? - прокрича́л францу́зский та́моженник ужа́сным го́лосом.

- Нон, нон, - отве́тил Ко́стя. - Шокола́д нон. И сигаре́ты нон.

Тогда́ францу́з неожи́данно ушёл, да́же не посмотре́в на чемода́ны.

Но са́мое стра́шное бы́ло впереди́. Парохо́д. Он стоя́л в Ше́рбурге, высо́кий, чёрный, с больши́ми тру́бами. Это был "Мадже́стик".

- "Кюнард Уайт Стар лайн", - с удово́льствием объясни́л Ко́стя по-англи́йски, когда́ молодожёны, устро́ившись в каю́те, вы́шли на па́лубу. - Пятьдеся́т шесть ты́сяч тонн. Англи́йское парохо́дство. Тепе́рь, То́нечка, я бу́ду всё вре́мя практикова́ться в англи́йском языке́.

И он стал гото́вить в уме́ англи́йскую фра́зу, с кото́рой собира́лся обрати́ться к матро́су: "Скажи́те, пожа́луйста, в кото́ром часу́ отойдёт э́тот парохо́д?" Матро́с занима́лся совсе́м не матро́сским де́лом - раздава́л пассажи́рам ча́шки с горя́чим бульо́ном. Не успе́л Ко́стя соста́вить в уме́ англи́йскую фра́зу, как матро́с ве́жливо

по́дал ему́ ча́шку и ушёл. Э́тим пра́ктика и ограни́чилась.

Путеше́ствие че́рез океа́н дли́лось шесть дней. Ка́ждую по́лночь все парохо́дные часы́ автомати́чески переводи́лись на час наза́д. Ка́ждый по́лдень пассажи́ры собира́лись у ка́рты, где ука́зывалось местонахожде́ние "Мадже́стика" в океа́не; по вечера́м в столо́вой пока́зывали кинокарти́ны, а в сало́не танцева́ли.

Два дня стоя́ла све́жая пого́да. "Мадже́стик" немно́го пока́чивался, и пассажи́ры лежа́ли в свои́х ка́ютах. Но на тре́тий день океа́н вдруг стих, и на па́лубах появи́лось мно́го но́вых люде́й. Среди́ них супру́ги Говорко́вы заме́тили трёх молоды́х пассажи́ров в больши́х шля́пах и в соверше́нно одина́ковых но́вых си́них костю́мах с коро́ткими брю́ками. Га́лстуки у них то́же бы́ли одина́ковые. Молоды́е лю́ди говори́ли ме́жду собо́й по-ру́сски. То́тчас же состоя́лось знако́мство, и Ко́сте так и не пришло́сь на парохо́де практикова́ться в англи́йском языке́. Небольша́я сове́тская коло́ния уже́ не расстава́лась ни на мину́ту. Троё "си́них" молоды́х люде́й - инжене́ры е́хали в Аме́рику рабо́тать и учи́ться на филадельфи́йском заво́де Ба́да. Они́ о́чень обра́довались Говорко́вым и переменили сто́лик, что́бы обе́дать ря́дом с ни́ми.

Заказа́в обе́д, Ко́стя заме́тил, что но́вые друзья́ беспо́мощно смо́трят в обе́денную ка́рточку, что к ним уже́ два ра́за подходи́л официа́нт и уходи́л, не дожда́вшись

зака́за. Тут молоды́е лю́ди созна́лись, что им изве́стна то́лько одна́ англи́йская фра́за: "Ай эм вери глэд ту си ю", что зна́чит: "Я о́чень рад вас ви́деть", но до сих пор не могли́ приме́нить фра́зу с по́льзой. Уже́ два дня как они́ зака́зывают еду́ наугад. Ткнут па́льцем в меню́ и ждут, что из э́того вы́йдет. Ничего́ хоро́шего до сих пор не выходи́ло. Каки́е-то стра́нные получа́лись у них обе́ды: то одни́ заку́ски, то сра́зу по́сле су́па сла́дкое, а съев сла́дкое, согласи́тесь са́ми, неудо́бно тре́бовать мя́со. К тому́ же неизве́стно, как оно́ называ́ется, э́то мя́со.

Ко́стя им объясни́л, что на пра́вой стороне́ меню́ напеча́таны вообще́ все блю́да, каки́е то́лько есть на парохо́де - заку́ски, супы́, вторы́е, сла́дкие и так да́лее. А на ле́вой стороне́ - рекомендо́ванный за́втрак и́ли обе́д. Мо́жно сра́зу заказа́ть то, что напеча́тано сле́ва. И полу́чится по́лный обе́д без недоразуме́ний.

- Зна́чит, сме́ло зака́зывать ле́вую сто́рону? - спроси́ли молоды́е лю́ди.

- Да, зака́зывайте сме́ло, - подтверди́л Ко́стя.

Так они́ и сде́лали. И в пе́рвый раз за всю доро́гу они́ съе́ли настоя́щий обе́д.

С э́того вре́мени, садя́сь за стол, инжене́ры гро́мко спра́шивали друг дру́га:

- Зна́чит, берём ле́вую?

– Берём ле́вую.

А по́сле обе́да говори́ли:

– Сего́дня ле́вая была́ ничего́.

И́ли:

– Что́-то сего́дня ле́вая сплохова́ла. Не нае́лся.

Молоды́е инжене́ры так уве́ровали в Ко́стю, что в кинозале́ всё вре́мя расспра́шивали его́ о де́йствующих ли́цах.

– А что э́то за челове́к? Почему́ он внеза́пно ушёл?

На э́то Ко́стя сму́тно отвеча́л:

– Э́то, наве́рно, её любо́вник.

– А что хо́чет тот то́лстый?

– Кто его́ зна́ет! Пло́хо слы́шно.

В вече́рних бала́х инжене́ры не принима́ли уча́стия, хотя́ и учи́лись в своё вре́мя в шко́ле за́падных та́нцев. Они́ стесня́лись.

– Это не для нас, – говори́ли они́. – Тут каки́е-то банки́ры танцу́ют, фабрика́нты. Неудо́бно.

То́не о́чень хоте́лось танцева́ть. И тут произошёл ужа́сно неприя́тный слу́чай.

Одна́жды ве́чером вся компа́ния сиде́ла в сало́не и смотре́ла на танцу́ющих. Вдруг к То́не подошёл седо́й господи́н в смо́кинге. Он поклони́лся и сказа́л что́-то по-англи́йски. То́ня в у́жасе посмотре́ла на Ко́стю и

пошла́ танцева́ть со стра́шным старико́м, по всей вероя́тности, банки́ром.

Пока́ То́ня танцева́ла, инжене́ры смея́лись над Говорко́вым.

Так проходи́ли дни. За за́втраком и обе́дом е́ли "ле́вую сто́рону", а ве́чером сиде́ли в кино́. К концу́ путеше́ствия То́ня во второ́й раз танцева́ла с тем же старико́м. Проща́ясь с То́ней по́сле та́нца, он вдруг сказа́л по-ру́сски "тра́сите", что, ви́дно, означа́ло "здра́вствуйте".

Инжене́ры по́сле э́того смея́лись над То́ней, утвержда́я, что стари́к в неё влюби́лся.

У́тром, пе́ред са́мым прихо́дом в Нью-Йорк, То́ня взяла́ в сало́не цветну́ю откры́тку с изображе́нием парохо́да "Мадже́стик", и се́ла писа́ть подру́гам.

"Здра́вствуйте, дороги́е Ки́ля и Кла́ва! Вот мы прое́хали Атланти́ческий океа́н и приезжа́ем сего́дня в Нью-Йорк. Всю доро́гу бы́ло о́чень ве́село, парохо́д тако́й грома́дный. У нас появи́лась ма́сса знако́мых, и мы всё вре́мя вме́сте. Я всё вре́мя танцу́ю с одни́м иностра́нцем и смотрю́ заграни́чные кинокарти́ны. Что у вас де́лается на фа́брике? Приве́т всем. Ва́ша Т.

Э́та откры́тка пойдёт из Аме́рики наза́д на э́том же парохо́де. Ва́ша Т."

Она́ накле́ила на откры́тку англи́йскую ма́рку с голово́й короля́ Гео́ргa Пя́того, и ей да́же стало жа́лко

Ки́лю и Кла́ву. Она́ и на парохо́де, она́ и с банки́ром танцева́ла, и вообще́ сто́лько но́вого, а они́ по-ста́рому упако́вывают пе́рец и шафра́н.

Нью-Йорк бы́ло ещё едва́ ви́дно, а бли́зость земли́ уже́ чу́вствовалась во всём. Сту́арды выноси́ли на па́лубы сундуки́ и чемода́ны. Пассажиры бы́ли о́чень взволно́ваны. Они́ собира́лись гру́ппами, стара́ясь уви́деть далёкие зда́ния знамени́того го́рода. Все вдруг ста́ли мно́го говори́ть, заговори́ли да́же те, кото́рые всю доро́гу молча́ли.

К "Мадже́стику" подошёл пароходик с иммиграцио́нными властя́ми. По тра́пу бы́стро поднялись америка́нские чино́вники. В высо́ком золото́м сало́не пе́рвого кла́сса начала́сь прове́рка паспорто́в. Пассажи́ры ста́ли в дли́нную о́чередь. "Мадже́стик" дви́нулся вперёд ма́лым хо́дом. Ско́ро ста́ли видны́ отде́льные дома́ Нью-Йо́рка. Среди́ них инжене́ры бы́стро нашли́ зда́ние в сто этаже́й.

После́дние мину́ты на парохо́де прошли́ как в лихора́дке. Пре́жде всего́ потеря́лись дру́зья-инжене́ры. Иммиграцио́нный чино́вник что-то гро́мко и серди́то говори́л То́не, держа́ в рука́х её па́спорт. То́ня в э́то вре́мя бы́стро ду́мала про себя́:

"Ну, не пу́стят в Аме́рику, ну, не на́до, пое́ду домо́й, че́стное сло́во, ниско́лько не жа́лко". Но оказа́лось, что всё в па́спорте пра́вильно и что иммиграцио́нный

чино́вник со все́ми разгова́ривает гро́мко и серди́то. По-то́м Говорко́вы, держа́сь за́ руки, как де́ти, сошли́ вниз и попа́ли в большо́й тамо́женный зал, где бы́ло стра́шно шу́мно. То́ня боя́лась, что в э́той толпе́ им не найти́ своего́ багажа́. И уже́ ей бы́ло жа́лко своего́ но́вого пла́тья, кото́рое Ко́стя купи́л ей в Пари́же за сто се́мьдесят фра́нков, и фотогра́фий Ки́ли и Кла́вы.

Ко́стя расте́рянно бормота́л:

- Сейча́с мы возьмём автомаши́ну и пое́дем пря́мо на Пенсильве́ния сте́йшен.

Внеза́пно чемода́ны нашли́сь, и тамо́женный чино́вник накле́ил на них ярлыки́. Всё де́лалось само́ собо́й. Чемода́ны попа́ли на конве́йер и пое́хали вниз, в вестибю́ль.

Внизу́ то́же стоя́л крик. Крича́ли носи́льщики, пассажи́ры, продавцы́ газе́т. Крича́ли шофёры такси́, высо́вывая го́ловы из око́шек. Говорко́вых кто́-то толкну́л в такси́ вме́сте с их багажо́м, и, ошеломлённый, но не потеря́вший прису́тствия духа, Ко́стя кри́кнул шофёру:

- Пенсильве́ния-сте́йшен!

То́лько че́рез полчаса́, уже́ си́дя в пу́льмановском ваго́не по́езда Нью-Йорк - Вашингто́н, То́ня сообрази́ла, что прое́хала са́мый большо́й го́род в ми́ре. Но что э́то был за го́род, она́ не смогла́ бы сказа́ть. В па́мяти оста́лся то́лько гро́хот и ста́рое такси́, в кото́ром игра́ло ра́дио.

Ко́стя был дово́лен. Вот и прие́хали, куда́ на́до, и се́ли в тот по́езд, в како́й на́до бы́ло сесть. Одно́ его́

му́чило всю доро́гу до Вашингто́на - ско́лько дать на чай конду́ктору, кото́рый о́чень любе́зно уложи́л говорко́вские чемода́ны в бага́жную се́тку и прикола́л биле́ты к спи́нкам кре́сел.

Впосле́дствии вы́яснилось, что Ко́стя сде́лал мно́го оши́бок. Во-пе́рвых, сли́шком бы́стро сошёл с парохо́да и не подожда́л курье́ра из ко́нсульства, прие́хавшего его́ встреча́ть; во-вторы́х, купи́л дорого́й пу́льмановский биле́т, когда́ по его́ зарпла́те ему́ сле́довало взять "коч"; в-тре́тьих, он дал конду́ктору до́ллар, а на́до бы́ло дать че́тверть до́ллара.

На вашингто́нском вокза́ле Говорко́вых встре́тил секрета́рь посо́льства с жено́й. Все стра́хи ко́нчились.

Прие́хавших усади́ли в большу́ю посо́льскую маши́ну и повезли́ по широ́ким вашингто́нским у́лицам.

Жена́ секретаря́, Ната́лья Па́вловна, пока́зывала То́не на прекра́сные прави́тельственные зда́ния и называ́ла их, но в То́ниной голове́ был уже́ по́лный сумбу́р. Парохо́д, волне́ния на при́стани, шу́мный Нью-Йорк, ста́рый негр в по́езде, тепе́рь Вашингто́н - э́того бы́ло сли́шком мно́го для одно́го дня.

Говорко́вым уже́ была́ пригото́влена ко́мната, о́чень чи́стая, бе́лая, с бе́лой ме́белью, с ва́нной и с со́бственной ма́ленькой ку́хней. Тут была́ краси́вая бе́лая га́зовая плита́ и рефрижера́тор. Всё это каза́лось таки́м привлека́тельным, что То́не сра́зу захоте́лось заня́ться

хозя́йством. Но их уже тяну́ли пока́зывать пара́дные ко́мнаты посо́льства. Они́ переходи́ли из за́ла в зал, шаги́ их бы́ли неслышны́ на то́лстых ковра́х. То́ня с удово́льствием се́ла в позоло́ченное кре́сло. Но́ги уже́ не несли́ её.

Че́рез полчаса́, на вечери́нке, кото́рую секрета́рь устро́ил в честь но́вых чле́нов ма́ленькой сове́тской коло́нии, Ко́стя бо́йко говори́л по-англи́йски, что у него́ не выходи́ло на "Мадже́стике", и всё вре́мя танцева́л. Ему́ бы́ло так хорошо́, бу́дто он и не выезжа́л из Москвы́. Он танцева́л и с жено́й сове́тника - Ма́рьей Вла́сьевной, и с секрета́ршей - америка́нкой мисс Дже́фи, и хоро́шенькой Ната́льей Па́вловной. То́ня то́же танцева́ла, несмотря́ на уста́лость. Вообще́ всё бы́ло чуде́сно. Зашёл на мину́тку вое́нный атташе́, и все, кро́ме, коне́чно, Говорко́вых, приняли́сь дразни́ть его́, спра́шивая, како́е зва́ние бу́дет ему́ присво́ено.

- Да вот жду, - отвеча́л атташе́. - Сам ещё не зна́ю, кем бу́ду. Хорошо́, е́сли в полко́вники произведу́т. Вы, това́рищи, как ви́дно, не представля́ете себе́, что тако́е полко́вник. Э́то грома́дный чин по мои́м года́м. Полко́вник в три́дцать шесть лет!

Вечери́нка была́ настоя́щая, моско́вская. Го́сти се́ли за стол, на кото́рый бы́ло вы́ложено всё, что нашло́сь в до́ме. И совсе́м уже́ по-моско́вски стоя́ли бутылки с нарза́ном. В переры́ве ме́жду та́нцами Говорко́в, то́мно

опусти́вшись на дива́н, раздави́л две граммофо́нных пласти́нки. И так же, как и в Москве́, це́лый час стоя́ли в пере́дней, проща́ясь, говоря́ друг дру́гу: "Так вы заходи́те!" - "Обяза́тельно". - "Да и вы к нам, смотри́те".

Но́чью у То́ни начала́сь рво́та. У́тром прие́хал до́ктор и сказа́л, что То́ня бере́менна.

То́ню уже́ на вчера́шней вечери́нке все называ́ли То́нечкой, а когда́ ста́ло изве́стно, что у неё бу́дет ребёнок, то её оконча́тельно все полюби́ли.

Ко́стя, нача́вший рабо́ту шифрова́льщика, си́дел в свое́й шифрова́льной ко́мнате по це́лым дням и лишь и́зредка забега́л домо́й, что́бы поцелова́ть То́ню. Но То́ня не скуча́ла.

На второ́й день вашингто́нской жи́зни жена́ сове́тника, Ма́рья Вла́сьевна, больша́я, немно́го гру́стная же́нщина, повезла́ То́ню в Ма́унт Ве́рнон смотре́ть до́мик Джо́рджа Вашингто́на.

Прое́хав по мосту́ ти́хую и широ́кую реку́ Пото́мак, они́ очути́лись на многополо́сной доро́ге, кото́рая проходи́ла ми́мо больши́х краси́вых па́рков. По доро́ге Ма́рья Вла́сьевна расспра́шивала То́ню о её жи́зни в Москве́. Она́ узна́ла всё про расфасо́вочную фа́брику, где То́ня рабо́тала, про её подру́г и про знако́мство с Ко́стей. Оказа́лось, что То́ня никогда́ не выезжа́ла из Москвы́. Она́ око́нчила то́лько шко́лу-семиле́тку, люби́ла ходи́ть в теа́тр, игра́ла ро́ли в драмати́ческом кружке́ и да́же хоте́ла стать

актри́сой. Так ма́ло произошло́ собы́тий в жи́зни То́ни, что за полчаса́ езды́ до уса́дьбы Вашингто́на она́ успе́ла рассказа́ть о себе́ всё.

Ма́рья Вла́сьевна равноду́шно посмотре́ла на дом Вашингто́на. Когда́ кто́-нибудь приезжа́л в Вашингто́н на оди́н-два дня, его́ всегда́ вози́ли в Ма́унт Ве́рнон, и де́лала э́то обы́чно Ма́рья Вла́сьевна как са́мая до́брая.

Здесь бы́ло мно́го тури́стов с фотоаппара́тами на живота́х, кото́рые всё вре́мя снима́ли. То́ня с Ма́рьей Вла́сьевной обошли́ ма́ленькие ко́мнаты со стари́нной ме́белью, поднялись наве́рх в спа́льню и уви́дели крова́ть, на кото́рой отдыха́л когда́-то вели́кий челове́к. Здесь бы́ло ти́хо, чи́сто, давно́ ушла́ отсю́да бу́рная жизнь тех времён, когда́ создава́лись Соединённые Шта́ты Аме́рики.

За до́мом был стари́нный парк, спуска́вшийся к реке́. К при́стани, кото́рой по́льзовался ещё Вашингто́н, вели́ доро́жки. Тури́сты и здесь фотографи́ровали свои́х жён и дете́й.

На обра́тном пути́ Ма́рья Вла́сьевна сказа́ла То́не:

- Вам на́до, То́нечка, сра́зу же че́м-нибудь заня́ться. Мо́жет быть, учи́ть англи́йский язы́к, да́же поступи́ть в колле́дж. И́ли что́-нибудь в э́том ро́де. Всё-таки бу́дете ме́ньше скуча́ть. Одного́ хозя́йства вам не хва́тит, чтоб запо́лнить весь досу́г.

- Почему́ же я бу́ду скуча́ть? Здесь о́чень интере́сно.

Мне ка́жется, что я никогда́ не бу́ду скуча́ть в Аме́рике, - отве́тила То́ня.

Она́ так восто́рженно сказа́ла э́то, что да́же грустнова́тая Ма́рья Вла́сьевна ра́достно улыбну́лась.

И начала́сь То́нина жизнь в Соединённых Шта́тах.

У́тром То́ня шла в ла́вку, покупа́ла немно́го зе́лени, зара́нее наре́занные бифште́ксы и упако́ванные в прозра́чную бума́гу бу́лочки. Продаве́ц уже́ знал её в лицо́, называ́л её "ле́ди", и доста́точно бы́ло То́не показа́ть на что́-нибудь па́льцем, как он сра́зу дога́дывался о её желани́ях.

В свое́й бе́лой ку́хне То́ня ходи́ла в то́нком рези́новом фа́ртуке, кото́рый подари́ла ей на новосе́лье краси́вая и све́тская Ната́лья Па́вловна, и гото́вила обе́д для Ко́сти. В рефрижера́торе у неё, совсе́м по-америка́нски, лежа́ли три гре́йпфрута, я́йца, буты́лки с молоко́м, ма́сло. Одна́ беда́, гото́вить бы́ло так легко́, что на приготовле́ние обе́да уходи́ло не бо́льше ча́са. Уро́к англи́йского языка́, к сожале́нию, то́же продолжа́лся то́лько час.

Ко́стя мно́го рабо́тал. Бы́стро пообе́дав, он сно́ва уходи́л в свою́ шифрова́льную ко́мнату, а То́ня выходи́ла в о́бщий коридо́р и стуча́лась к кому́-нибудь в дверь, проси́лась в го́сти.

За неде́лю То́ня прочла́ все ру́сские кни́ги, кото́рые доста́ла у но́вых друзе́й. Лю́ди сюда́ приезжа́ли не на

всю жизнь - библиоте́ки их бы́ли в Москве́, Ленингра́де, Ха́рькове, то́лько не в Вашингто́не.

Си́дя с му́жем по вечера́м, То́ня удивлённо говори́ла:

- Зна́ешь, Ко́стя, мы живём здесь уже́ це́лых двена́дцать дней.

- Что ты говори́шь? - удиви́лся Ко́стя. - А я и не заме́тил.

Он не заме́тил, как прошло́ два́дцать дней, потом два́дцать пять.

То́не из канцеля́рии принесли́ письмо́. Оно́ бы́ло от Ки́ли и Кла́вы, отве́т на откры́тку с "Мадже́стика". И тут То́ня вдруг поняла́, как далёко она зае́хала от Москвы́.

Подру́ги бы́ли в восто́рге от фотогра́фии "Маджести-ка". Они́ писа́ли, что живу́т, как пре́жде, и посыла́ли горя́чий приве́т. То́ня запла́кала, неизве́стно отчего́ - то ли от ра́дости, то ли от печа́ли, сейча́с же се́ла писа́ть отве́т и уже́ весь день ходи́ла ску́чная, заду́мчивая.

Ве́чером Ко́стя с жено́й и Ната́льей Па́вловной пошли́ в кино́.

Кинозал был большо́й и краси́вый. По тёмному за́лу неслы́шно бе́гали де́вушки с электри́ческими фона́риками, пока́зывая вновь воше́дшим свобо́дные места́. Здесь температу́ра во́здуха регули́ровалась автомати́чески. На у́лице была́ жара́, воня́ло асфа́льтом и бензи́ном, был

тяжёлый вашингто́нский а́вгуст, а в за́ле стоя́л апре́ль, да́же па́хло фиа́лками.

И в пе́рвый раз за всё вре́мя (они́ побыва́ли в кино́ уже́ де́сять раз) То́не че понра́вилась карти́на, хотя́ она́ была́ ничу́ть не ху́же други́х карти́н - музыка́льная коме́дия, сюже́т кото́рой заключа́лся в сле́дующем.

В большо́м мю́зик-хо́лле гото́вится но́вая програ́мма. Две сопе́рницы претенду́ют на гла́вную роль в э́той програ́мме - краса́вица брюне́тка с отта́лкивающим хара́ктером и краса́вица блонди́нка с привлека́тельным хара́ктером. Дире́ктор, ко́мик, не зна́ет, кому́ отда́ть предпочте́ние. Начина́ется соревнова́ние. В конце́ концо́в блонди́нке удаётся доказа́ть, что она́ танцу́ет лу́чше и дире́ктор подпи́сывает с ней контра́кт.

Когда́ То́ня в пе́рвый раз уви́дела подо́бную карти́ну (то́лько там блонди́нка была́ бе́дная провинциа́льная телефони́стка, кото́рая приезжа́ет в Нью-Йорк и внеза́пно, без вся́кой подгото́вки, начина́ет танцева́ть лу́чше всех балери́н на све́те), она́ была́ очаро́вана прекра́сной те́хникой, чистото́й фотогра́фии и зву́ка. Ей запо́мнились ра́зные мело́дии, их хоте́лось повторя́ть. И приготовля́я Ко́сте бре́кфест, она да́же пе́ла сла́беньким голоско́м каки́е-то купле́ты, - совсе́м америка́нка в своём рези́новом фа́ртучке.

Но э́та, деся́тая, карти́на ничего́ не добавля́ла к тому́, что То́ня уже́ ви́дела. Карти́на начала́ её ка́к-то

раздража́ть. То́ня да́же не понима́ла ещё, почему́ э́то так вы́шло.

В э́тот ве́чер То́не мно́гое вдруг не понра́вилось в столи́це. Вдруг она́ заме́тила, что у́лицы бы́ли без назва́ний. Кака́я-то а́лгебра. У́лица "М" у́гол 27-й, и́ли 39-я у́гол "Б".

- Мы живём на углу́ А плюс Б в квадра́те, - сказа́л Ко́стя. - Хоть бы назва́ли каку́ю-нибудь у́лицу Гипотену́зой. Всё-таки весе́лее бы́ло бы. И́ли, наприме́р, пло́щадь Пифаго́ровых штано́в.

- Говорко́в, не говори́те га́достей, - сказа́ла Ната́лья Па́вловна.

- А я счита́ю, - вмеша́лась вдруг То́ня, - что га́дость - э́то у́лица "Ф", у́гол у́лицы но́мер оди́н. Где вы живёте? Я живу́ на у́лице но́мер два. О́чень интере́сно.

- Вы, То́нечка, не о́чень спеши́те со свои́ми вы́водами, - сказа́ла Ната́лья Па́вловна. - А́лгебра а́лгеброй, а на э́той са́мой а́лгебре стоя́т о́чень удо́бные дома́.

- Да не́т, я ничего́ тако́го не хочу́ сказа́ть, - отве́тила То́ня. - Но у меня́ как-то сего́дня ве́чером настрое́ние нева́жное; наве́рное от карти́ны. Позавчера́ бы́ла карти́на "Е", а сего́дня - "Ф". Нет, не ну́жно бо́льше ходи́ть в кино́. Дава́йте пойдём на бу́дущей неде́ле в

теа́тр. Посмо́трим каку́ю-нибудь серьёзную пье́су.

- Что вы, То́нечка, - сказа́ла Ната́лья Па́вловна. - В Вашингто́не нет ни одно́го теа́тра. Зимо́й иногда́ приезжа́ет на гастро́ли кака́я-нибудь тру́ппа, даст не́сколько спекта́клей и уе́дет. А постоя́нного теа́тра здесь нет.

- В столи́це Соединённых Шта́тов, - с удивле́нием переспроси́ла То́ня, - нет ни одного́ теа́тра?

- Ни одного́. То́лько кинотеа́тры.

- Пря́мо наха́льно с их стороны́, - заме́тил Ко́стя.

- С чьей стороны́? - сказа́ла споко́йная Ната́лья Па́вловна. - Живу́т себе́ лю́ди, как им нра́вится - вот и всё. Де́тка, тут де́ло я́сное. Е́сли бы теа́тр был вы́годен - существова́л бы теа́тр. Но оказа́лось, что кино́ де́ло бо́лее при́быльное - и теа́тра нет. Я́сно?

- У них всё я́сно, - сказа́л Ко́стя. - Ничего́, То́нечка, вернёмся в Москву́, пойдём в Худо́жественный теа́тр.

До́ма То́ня се́ла допи́сывать письмо́.

"Сейча́с пришла́ из кино́, где смотре́ла заграни́чную кинокарти́ну. Она́ называ́ется "Так ду́мают де́вушки". Там мно́го танцу́ют фокстро́ты, чарльсто́ны и други́е за́падные та́нцы. Вообще́ бы́ло о́чень ве́село".

То́ня печа́льно улыбну́лась и приписа́ла:

"Я о́чень смея́лась".

Написа́ть ина́че бы́ло со́вестно.

Подру́ги так мно́го ожида́ли от её заграни́чной жи́зни, что про́сто не пове́рили бы ей, поду́мали бы, что она́ лома́ется: и то ей не нра́вится, и э́то.

О́сенью, когда́ на прекра́сных у́лицах А,Б, В ста́ли па́дать с дере́вьев ли́стья, То́ня почу́вствовала, что её уже́ не развлека́ют ни ку́хня, ни англи́йские уро́ки. Она́ ста́ла проси́ть Ко́стю, что́бы он устро́ил ей каку́ю-нибудь рабо́ту.

- Ты же зна́ешь, То́нечка, - смущённо говори́л Ко́стя, - у нас о́чень ма́ленький штат. Мне да́же говори́ть об э́том неудо́бно. Вот, е́сли бы мы жи́ли в Нью-Йо́рке, тогда́ друго́е де́ло. Устро́илась бы в Амто́рге. Потерпи́. Кро́ме того́, тебе́ уже́ ско́ро рожа́ть, вот бу́дет у нас ма́льчик ...

- И́ли де́вочка, - запа́льчиво вста́вила То́ня.

- Де́вочка? Тем лу́чше. Она́ вы́растет, к ней бу́дут ходи́ть подру́ги, а я бу́ду за ни́ми уха́живать. Серьёзно, То́ня. Бу́дет ребёнок - тебе́ ста́нет веселе́е.

Предстоя́ли больши́е расхо́ды. Ну́жно бы́ло купи́ть ра́зные ве́щи для ребёнка: крова́тку, коля́ску, ва́нночку и т.д. Кро́ме того́, То́не и Ко́сте нужны́ бы́ли пальто́. Молоды́е супру́ги реши́ли эконо́мить.

Ещё когда́ Говорко́вы е́хали в Аме́рику, они́ заду́мали из пе́рвого же жа́лованья купи́ть проигрыватель с пласти́нками. Тепе́рь от э́того пришло́сь отказа́ться.

То́ня переста́ла е́здить на уро́ки англи́йского языка́. в авто́бусе, и соверша́ла э́тот путь пешко́м. Кста́ти, ей бы́ло поле́зно ходи́ть. Она́ ча́сто остана́вливалась у витри́ны музыка́льного магази́на и рассма́тривала краси́вый прои́грыватель. Ничего́, не стра́шно - снача́ла ребёнок, пото́м прои́грыватель.

Ко́стя то́же был такого́ мне́ния. Вообще́ он не теря́л свое́й весёлости. То́лько одно́ его́ огорча́ло. Он стал ча́сто простужи́ваться.

- Привы́к я к моско́вскому моро́зу, а здесь зимо́й тепло́. Наве́рно, от э́того, - объясня́л Ко́стя.

В январе́ два ра́за выпада́л снег и сейча́с же та́ял. Ки́ля и Кла́ва продолжа́ли аккура́тно писа́ть коро́ткие пи́сьма, в кото́рых ка́ждый раз сообща́ли, что ничего́ но́вого не произошло́ - хо́дят на като́к, в клуб, собира́ются раз в неде́лю у Ки́ли на вечери́нки. За Кла́вой стал уха́живать член сою́за компози́торов, командиро́ванный на фа́брику для веде́ния музыка́льного кружка́. Откры́лся зи́мний однодне́вный дом о́тдыха, и кто хо́чет, мо́жет ходи́ть на лы́жах. А Ле́на Бычко́ва сде́лалась стаха́новкой, перевы́полнила все но́рмы и на Октя́брьскую годовщи́ну получи́ла в пода́рок ленингра́дский прои́грыватель и де́сять пласти́нок, в том числе́ "Спаси́бо, се́рдце" и "Гопа́к" из о́перы "Соро́чинская я́рмарка" в исполне́нии

симфони́ческого орке́стра.

"Но тебе́ э́то, наве́рно, всё неинтере́сно, - писа́ли Ки́ля и Кла́ва. - Ты, коне́чно, весели́шься не так, как мы, и, наве́рно, нас уже́ забы́ла".

То́не вдруг захоте́лось в однодне́вный дом о́тдыха, так захоте́лось посмотре́ть, как компози́тор уха́живает за Кла́вой, так захоте́лось попа́сть в клуб, что она́ весь день пролежа́ла в посте́ли. И когда́ Ко́стя ве́чером стал звать её в кино́, что́бы немно́го развле́чь, она́ отвеча́ла:

- Никуда́ я не пойду́.

- Это же знамени́тый фильм, - убежда́л Ко́стя, - сто́ил два миллио́на до́лларов. Я сам чита́л в "Вашингто́н Пост".

- Хоть три миллио́на. Отста́нь от меня́, пожа́луйста.

В конце́ января́ с Говорко́выми произошло́ большо́е несча́стье.

Обы́чно во вре́мя приёмов в посо́льстве, на кото́рые приглаша́лись представи́тели иску́сства, нау́ки и промы́шленности, Ко́стя с непривы́чки чу́вствовал себя́ о́чень стеснённым. Он в смо́кинге стоя́л где́-нибудь пода́льше, пил конте́йль и мно́го кури́л. Но в после́дний раз Ко́стя вдруг осмеле́л и вступи́л в разгово́р с то́лстым, о́чень симпати́чным америка́нцем. Ко́стя с удово́льствием заме́тил, что уже́ дово́льно свобо́дно говори́т по-англи́йски.

201

Не хвата́ло то́лько те́мы, не о чём, со́бственно, бы́ло говори́ть с э́тим америка́нцем. Тут Ко́сте вдруг посчастли́вилось. Он вспо́мнил свои́ ве́чные просту́ды и стал жа́ловаться на вашингто́нский кли́мат.

- О, - сказа́л америка́нец, - вы молодо́й челове́к. У вас э́того не должно́ быть. Все просту́ды происхо́дят от гланд. Их на́до неме́дленно удали́ть. Пове́рьте моему́ о́пыту, ми́стер ...

- Говорко́в.

- Ми́стер Говорко́в. Я позво́лю себе́, ми́стер Говорко́в, рекомендова́ть вам своего́ врача́. Америка́нец вы́тащил блокно́т и что́-то записа́л. Ко́стя его́ поблагодари́л.

Пото́м они́ вы́пили ещё не́сколько конте́йлей и расста́лись о́чень дово́льные друг дру́гом.

Придя́ домо́й, Ко́стя с удово́льствием расска́зывал То́не о свои́х успе́хах в англи́йском языке́.

- Всему́ понемно́жку у́чимся, - говори́л Ко́стя.

У́тром Говорко́ва позва́ли в канцеля́рию к телефо́ну, и незнако́мый го́лос сообщи́л, что говори́т секрета́рь ми́стера Са́ммерфильда.

- Слу́шаю, - с удивле́нием сказа́л Ко́стя.

- Вы вчера́ име́ли бесе́ду с ми́стером Са́ммерфильдом относи́тельно до́ктора. До́ктор с удово́льствием прие́хал бы к вам, но так как удале́ние гланд - всё-таки опера́ция, хотя́ и ма́ленькая, то до́ктор про́сит вас зае́хать к

нему́ сего́дня в пять часо́в дня.

Ко́сте о́чень понра́вилась э́та чи́сто америка́нская аккура́тность.

В полови́не пя́того, ничего́ не сказа́в и попроси́в для ши́ка у завхо́за са́мый больш о́й посо́льский автомоби́ль, Ко́стя пое́хал по запи́санному им а́дресу.

До́ктор о́чень понра́вился Ко́сте. Во-пе́рвых, он абсолю́тно не́ был похо́ж на до́ктора. Это был элега́нтно оде́тый господи́н. С кру́глым зе́ркалом на лбу, он был невероя́тно краси́в и обая́телен.

Наде́в хала́т, до́ктор посмотре́л Ко́стино го́рло и сказа́л, что лу́чше всего́ бы́ло бы гла́нды удали́ть, но что, вообще́ говоря́, мо́жно жить с гла́ндами. Но Ко́стя, с горя́чностью, кото́рой сам от себя́ не ожида́л, заяви́л, что согла́сен расста́ться с гла́ндами. Уж о́чень ему́ надое́ли просту́ды.

То́тчас же в ко́мнате появи́лись ассисте́нт и медсестра́, и до́ктор в оди́н моме́нт вы́резал ми́стеру Говорко́ву гла́нды.

То́ня жале́ла Ко́стю. Оди́н день он пролежа́л в посте́ли, хотя́ чу́вствовал себя́ прекра́сно. Лежа́л и ел то́лько моро́женое. Всё-таки э́то бы́ло собы́тие. То́ня чита́ла ему́ вслух газе́ты, и о́ба бы́ли сча́стливы.

Че́рез неде́лю на и́мя ми́стера Говорко́ва пришёл в канцеля́рию паке́т. Это был счёт от до́ктора. Взглану́в

на него́, Ко́стя ничего́ не по́нял. Счёт был на две́сти до́лларов.

– Тут кака́я-то оши́бка, – сказа́л он То́не и пошёл к Ма́рье Вла́сьевне узна́ть, что бы э́то могло́ зна́чить.

– Коне́чно, кака́я-то чепуха́, – сказа́ла Ма́рья Вла́сьевна, – удале́ние гланд сто́ит до́лларов два́дцать пять, не бо́льше. Тут наве́рно, напи́сано два́дцать до́лларов, а ли́шний ноль попа́л по оши́бке.

– Да и э́то до́рого, – возмуща́лся Ко́стя, – э́то же грома́дная су́мма, два́дцать до́лларов. Ну, я ещё понима́ю, четы́ре до́ллара или пять.

– Позво́льте, позво́льте, – сказа́ла Ма́рья Вла́сьевна, наде́вшая очки́ и сно́ва рассма́тривая счёт. – Вы у кого́ бы́ли? Как? Доктор Пичине́лли? Кто вас к нему́ напра́вил? Але́ксей Дми́триевич, зайди́ к нам на мину́тку. Тут пря́мо беда́ случи́лась с това́рищем Говорко́вым.

В ко́мнату вошёл сове́тник. Он взял в ру́ки счёт и с недоуме́нием посмотре́л на Ко́стю.

– Слу́шайте, Говорко́в, како́й дура́к посла́л вас к Пичине́лли?

– Во́все не дура́к, – оби́делся Ко́стя за своего́ но́вого дру́га, – а ми́стер Са́ммерфильд.

– Ну, зна́ете, – сказа́л сове́тник, – вы бы хоть спроси́ли кого́-нибудь, посове́товались.

– А что тут сове́товаться? – сказа́л Ко́стя. – Это же пустяки́, кака́я-то гла́нда.

– Гла́нда-то пустяки́, а ва́жно здесь, что до́ктор Пичине́лли ле́чит о́чень бога́тых люде́й. А вы ещё попа́ли к нему́ по рекоменда́ции Са́ммерфильда, миллионе́ра. Есте́ственно, что он и вас счита́ет миллионе́ром.

– А я ещё прие́хал к нему́ на – "ка́диллаке", – пробормота́л Ко́стя.

– Вы бы к нему́ ещё на "ро́йсе" прие́хали! – воскли́кнул сове́тник. – Придётся вам заплати́ть две́сти до́лларов.

– Как две́сти? Ма́рья Вла́сьевна говори́ла: два́дцать!

– Возмо́жно, что э́та опера́ция сто́ит то́лько два́дцать до́лларов, но Пичине́лли берёт за неё две́сти.

– Не бу́ду я плати́ть! – закрича́л Ко́стя. – Это абсу́рд.

– Да, сказа́л сове́тник, – всё это так, но плати́ть придётся. Тут никаки́х разгово́ров не мо́жет быть.

– Это грабёж, – простона́л Ко́стя. – Да ведь е́сли в Москве́ рассказа́ть – не пове́рят.

– Коне́чно, не пове́рят. Вы там в Москве́ привы́кли лечи́ться беспла́тно. Но здесь нет сове́тской вла́сти. Это Аме́рика. Буде́те знать на пра́ктике, что тако́е капитали́зм.

До́ктор Пичине́лли произвёл в бюдже́те Говорко́вых стра́шные разруше́ния. Что́бы ему́ заплати́ть, пришло́сь отказа́ться от зи́мних пальто́, от коля́ски и чу́дной крова́тки, кото́рую То́ня уже́ присмотре́ла в де́тском мага-зи́не. Кро́ме того́, пришло́сь ещё взять ава́нсом в счёт жа́лованья во́семьдесят до́лларов. Это была́ настоя́щая катастро́фа.

Как То́ня ни утеша́ла Ко́стю, созна́ние того́, что он сде́лал глу́пость, заставля́ло его́ страда́ть. В све́тлой ко́мнатке Говорко́вых сде́лалось гру́стно. Вме́сто заме-ча́тельной крова́тки стоя́ла са́мая обыкнове́нная лю́лька, каку́ю покупа́ют для свои́х младе́нцев бе́дные лю́ди.

Де́нег не́ было ни копе́йки, а гла́вное ещё бы́ло то́лько впереди́: То́ня гото́вилась рожа́ть.

И опя́ть всё было так не похо́же на Москву́, что Ко́стя иногда́ да́же хвата́лся за́ голову. Почему́ в Моск-ве́ всё происходи́ло как-то про́сто, даже ду́мать об э́том не на́до бы́ло? Подхо́дит вре́мя - и рожа́ешь. И всё беспла́тно.

И вообще́ в представле́нии Ко́сти ро́ды и́ли боле́знь никогда́ не́ были свя́заны с деньга́ми. Ну, рожа́ешь, ну боле́ешь. Кто-то за всё э́то пла́тит. Ка́жется, соц-стра́х. Ко́стя никогда́ об э́том не ду́мал.

По́сле траги́ческой исто́рии с гла́ндами Ко́стя сде́-лался осторо́жным. Он всё узнава́л наперёд. Но от

э́того ему́ не ста́ло ле́гче. Хотя́ Говорко́вы и вы́брали недорогу́ю больни́цу, всё-таки плати́ть на́до бы́ло мно́го. В счёт ста́вили и предвари́тельную консульта́цию, и сестру́, и до́ктора, и лека́рства, ну, одни́м сло́вом, всё.

– Почему́ вы се́рдитесь? – говори́ла ей Ма́рья Вла́сьевна. – Мы живём за грани́цей де́сять лет. Мы уже́ привы́кли.

Тепе́рь То́не уже́ ничего́ не нра́вилось. Не нра́вилось да́же то, что совсе́м неда́вно каза́лось ей удо́бным и краси́вым. Ей не нра́вились прекра́сные у́лицы, превосхо́дные магази́ны, автомоби́ли.

– Я уе́ду рожа́ть в Москву́, – говори́ла То́ня со слеза́ми. – Че́стное сло́во. Вот уви́дите.

Но никуда́ она́ не пое́хала. Ребёнок роди́лся всё-таки в Вашингто́не, и несмотря́ на долги́, Говорко́вы о́чень ра́довались. Ма́льчик был большо́й и ве́сил во́семь англи́йских фу́нтов, что, как всем докла́дывал Ко́стя, равня́ется девяти́ ста́рым ру́сским фу́нтам. Назва́ли младе́нца Во́вкой. Как роди́вшийся на америка́нской по́чве, Во́ва по зако́нам мог стать америка́нским граждани́ном, а впосло́дствии имел пра́во быть и́збранным в президе́нты. Возмо́жный президе́нт Соединённых Шта́тов и ю́ный сове́тский граждани́н, как и полага́ется, всё вре́мя спал.

В торжестве́ приняла́ уча́стие вся коло́ния.

Перво́й яви́лась Ма́рья Вла́сьевна, толка́я перед собо́й чуде́сную коля́ску, напомина́вшую свои́ми фо́рмами

междупланетный наряд. Тоня, усталая, но счастливая, не удержалась и заплакала. Коляска была та самая, которую она видела в магазине.

Потом в передней раздался грохот. Это Наталья Павловна уронила кроватку, которую она купила вместе с женой морского атташе. И это тоже было то, о чём она мечтала. Каждому входящему Костя говорил:

- Товарищи, ну, зачем же! Такие расходы. Что вы, товарищи!

Он ещё больше растрогался, когда вошла совсем мало знакомая, молодая американочка мисс Джефи, которая работала в канцелярии секретаршей и ни слова по-русски не знала. Мисс Джефи подошла к коляске и тоненьким голоском сказала:

- Гау ду ю ду бэби?

Костя развёл руками и сказал:

- Ну, тут я уже ничего не могу сказать!

Мисс Джефи подарила младенцу резиновую игрушку и, улыбаясь, отошла.

Принесли цветы от посла, а через несколько минут пришёл и он сам. Посол торопился на дипломатический приём, был во фраке и держал в руке цилиндр. Он постоял минуту над кроваткой новорождённого, поздравил Говорковых и сказал:

- Прекрасный ребёнок. Теперь, Тонечка, вам уже

нельзя́ бу́дет скуча́ть. Придётся развлека́ть э́того ма́ленького джентльме́на.

Так оно́ в пе́рвое вре́мя и бы́ло. Неизве́стно, кто кого́ развлека́л - То́ня ли Во́вку, и́ли он её, то́лько вре́мя пошло́ незаме́тно.

Ле́том пое́хать с Во́вкой на да́чу не удало́сь - оказа́лось до́рого. Ко́стя то уверя́л То́ню, что Вашингто́н сам по себе́ да́ча и е́хать никуда́ не на́до, то вдруг начина́л серди́то говори́ть, что пусть Мо́рган е́дет на да́чу, нюхает там чи́стый во́здух, а они́ уж как-нибудь проведу́т ду́шное ле́то в э́том симпати́чном го́роде, где две́сти пятьдеся́т ты́сяч автомоби́лей без переры́ва наполня́ют во́здух бензи́новыми испаре́ниями.

Это бы́ло тяжёлое ле́то, и То́ня на це́лые дни увози́ла Во́вку в его́ "межплане́тном снаря́де" в прекра́сный парк по другу́ю сто́рону реки́ Пото́мак.

О́сенью пришло́ то́лстое письмо́ от Ки́ли и Кла́вы.

"Здра́вствуй, То́ня, - писа́ли подру́ги, - почему́ от тебя́ так до́лго ничего́ не слы́шно? Мы так и зна́ли, что ты про нас забу́дешь в свое́й Аме́рике. Но мы тебя́ вчера́ вспомина́ли и всё-таки реши́ли написа́ть. У нас нет ничего́ но́вого, живём как жи́ли, без осо́бых интере́сов. Ты, наве́рно, чита́ла в америка́нских газе́тах, что в Москве́ откры́лся теа́тр Наро́дного тво́рчества. У нас на фа́брике ещё весно́й образова́лся самоде́ятельный коллекти́в, и на про́шлой неде́ле он выступа́л в э́том теа́тре.

Испо́лнили не́сколько ру́сских та́нцев. Стра́шно бы́ло, про́сто у́жас. И Ки́ля танцева́ла со́ло с тов. Переды́шкиным. А так ничего́ но́вого нет, то́лько я, Кла́ва, вы́шла за́муж за компози́тора, кото́рый руководи́т у нас музыка́льным кружко́м. Его́ зовут Ми́ша Григо́рьев. Пока́ он ещё кандида́т в чле́ны Сою́за компози́торов, но его́ обяза́тельно при́мут, так как он пи́шет симфо́нию из мое́й жи́зни. Он сказа́л мне, что я представля́ю тип но́вой же́нщины. Вообще́ он о́чень весёлый и всё вре́мя над все́ми смеётся. И я его́ люблю́ дово́льно си́льно. В о́бщем, как ви́дишь, ничего́ осо́бенного у нас не происхо́дит. В а́вгусте мы вдвоём пое́хали с экску́рсией в Крым. Мы обошли́ весь ю́жный бе́рег и подыма́лись на Ай-Пе́три. Тако́й там ве́тер был на верши́не, у́жас. Но восхо́д со́лнца действи́тельно прекра́сный. Мы уже́ все взро́слые. Ки́ле уже́ девятна́дцать лет, а мне ско́ро бу́дет восемна́дцать. Про́сто у́жас. По э́тому слу́чаю у нас бу́дет больша́я вечери́нка. Жаль, тебя́ не бу́дет. Жаль, что мы ещё не ви́дели твоего́ Во́ву. Он, наве́рно, краси́вый ма́льчик,и мы шлём ему́ серде́чный приве́т. То́нечка, ты весели́сь, но всё-таки нас не забыва́й. Твои́ К. и К.

Прочита́в письмо́, она́ запла́кала. Почему́ она́ сейча́с не в Москве́, а в э́том провинциа́льном Вашингто́не!

В Москве́ у неё всегда́ бы́ло мно́го дел, и никогда́

не́ было вре́мени. Она́ вспо́мнила, что всегда́ куда́-то торопи́лась, боя́лась опозда́ть. И дела́ бы́ли каки́е-то интере́сные, весёлые. А здесь она́ жила́, как в больни́це - чи́сто, удо́бно, и так хо́чется на свобо́ду.

Когда́ Ко́стя верну́лся, То́ня ещё пла́кала. Говорко́в ужа́сно испуга́лся. То́ня была́ всегда́ сде́ржанным и терпели́вым челове́ком, никогда́ ни на что не жа́ловалась. И тут Ко́стя прочёл письмо́ и сра́зу по́нял, что То́ня несча́стна и на́до что́-то сде́лать.

Встрево́жена была́ вся ма́ленькая сове́тская коло́ния.

- А всё потому́ произошло́, - говори́л сове́тник, - что на То́нечку обраща́ли ма́ло внима́ния.

- Е́сли бы у неё была́ рабо́та, и́ли е́сли бы она́ учи́лась, то бы́ло бы ле́гче, - сказа́ла Ната́лья Па́вловна.

- Оста́вьте, пожа́луйста. Легко́ вам говори́ть, когда́ у вас нет дете́й. Вам хорошо́, вы ско́ро колле́дж ко́нчите. Нет, с То́нечкой что́-то на́до сде́лать. Но что, никто́ не знал.

То́ня уже́ не скрыва́ла своего́ отча́яния, ходи́ла запла́канная.

- Я её отли́чно понима́ю, - говори́л вое́нный атташе́. - Э́тому, това́рищи, есть специа́льное назва́ние. Носта́льгия. Тоска́ по роди́не. В конце́ концо́в мы все э́тим больны́. Все мы живём тем, что когда́-нибудь отсю́да уе́дем. Че́стное сло́во, това́рищи, е́сли бы мне сказа́ли,

что я здесь до́лжен оста́ться на всю жизнь,- я, вы зна́ете, това́рищи, во́семь лет воева́л и челове́к не сентимента́льный, - я бы запла́кал. Что же вы хоти́те от То́нечки, кото́рая привы́кла к сове́тским усло́виям жи́зни? Коне́чно, ей здесь тру́дно.

Ко́стя вся́чески стара́лся проводи́ть до́ма как мо́жно бо́льше вре́мени. Он заставля́л То́ню ходи́ть в кино́, а сам остава́лся с Во́вкой.

В кино́ То́ня ходи́ла с ми́лой, всегда́ приве́тливой и весёлой мисс Дже́фи. То́ня о́чень подружи́лась с ней. По́сле кино́ они́ заходи́ли вме́сте в апте́ку, е́ли моро́женое и разгова́ривали. То́ня ещё не о́чень свобо́дно говори́ла по-англи́йски, поэ́тому они́ ча́сто друг дру́га не понима́ли и, найдя́ оши́бку, до́лго и серде́чно смея́лись.

То́ня расска́зывала о свое́й жи́зни в Москве́, о свои́х подру́гах Ки́ле и Кла́ве, рассказа́ла одна́жды, что они́ неда́вно бы́ли в Крыму́.

- Краймиа́! - воскли́кнула мисс Дже́фи. - Но ведь э́то о́чень далеко́ от Москвы́.

- Ну, что ж тако́е? - сказа́ла То́ня. - Они́ бы́ли в о́тпуске. С экску́рсией.

- Они́ пое́хали туда́ на автомоби́ле?

То́ня да́же засмея́лась.

- Что вы, мисс Дже́фи! Отку́да у них автомоби́ль?

Пото́м, у нас ведь пока́ нет таки́х хоро́ших доро́г, как у вас. В Крым е́дут по́ездом. О́чень удо́бно и бы́стро. А уж в само́м Крыму́ есть всё для тури́стов - и авто́бусы и специа́льные тури́стские ба́зы. Вот вам хорошо́, Ли́нни. У вас превосхо́дные доро́ги, автомоби́ли. Вы, наве́рно, уже объе́здили всю Аме́рику.

К удивле́нию То́ни, мисс Дже́фи сказа́ла, что не то́лько не объе́здила Аме́рики, но да́же ни ра́зу не была́ в Нью-Йо́рке, хотя́ до него́ лишь четы́ре часа́. Была́ она́ то́лько в Филаде́льфии, в гостя́х у тёти, провела́ у неё Рождество́.

- Это не так-то легко́, То́ниа, - сказа́ла мисс Дже́фи. - Что́бы пое́хать в Калифо́рнию или во Флори́ду, на́до мно́го де́нег и вре́мени.

Америка́нка всегда́ провожа́ла То́ню домо́й и поднима́лась с ней наве́рх, что́бы посмотре́ть ребёнка. И всегда́ они́ ви́дели одну́ и ту же карти́ну: Во́вка спал, а ря́дом с ним сиде́л серьёзный Ко́стя и чита́л "Вашингто́н Пост".

Мисс Дже́фи наклоня́лась над крова́ткой и говори́ла: "Гуд найт, бэби", - и уходи́ла домо́й.

На Октя́брьскую годовщи́ну То́не был приготовлен большо́й сюрпри́з. Вся коло́ния сно́ва и до́лго обсужда́ла судьбу́ То́ни, и все единогла́сно реши́ли, что за Во́вкой бу́дут смотре́ть Ма́рья Вла́сьевна и Ко́стя, а То́ня с Ната́льей Па́вловной пое́дут на два дня в Нью-Йорк

и пра́здник проведу́т среди́ сотру́дников Амто́рга.

Програ́мма была́ о́чень интере́сная. У́тром седьмо́го ноября́ они́ отпра́вятся на де́тский пра́здник в сове́тскую шко́лу, днём бу́дут осма́тривать го́род, а ве́чером состои́тся торже́ственное заседа́ние и та́нцы в генера́льном ко́нсульстве. Там бу́дет челове́к три́ста сове́тских люде́й. По́сле ску́чного Вашингто́на пое́здка в Нью-Йорк каза́лась почти́ пое́здкой на ро́дину.

Прие́хали ве́чером шесто́го числа́ и ночева́ли у друзе́й Ната́льи Па́вловны. Это бы́ли пожилы́е лю́ди, муж и жена́ Ведме́девы. То́ня им обра́довалась, сло́вно это бы́ли её дя́дя и тётя. Ведме́девы сейча́с же повели́ молоды́х же́нщин на Бродве́й. От бродве́йского све́та и шу́ма То́ня зати́хла. Гуля́ли до́лго, и всё э́то вре́мя супру́ги смотре́ли на То́ню с таки́м ви́дом, бу́дто э́то они́, Ведме́девы, зажгли́ над Бродве́ем миллиа́рды электри́ческих огне́й и са́ми постро́или небоскрёбы.

По́сле прогу́лки у́жинали у гостеприи́мных хозя́ев. Молоды́е же́нщины уже́ собира́лись идти́ спать, когда́ в ко́мнату вошёл одиннадцатиле́тний ма́льчик и серьёзно сказа́л с лёгким англи́йским акце́нтом:

- А тепе́рь вы мо́жете осмотре́ть мои́ игру́шки.

Он, как ви́дно, терпели́во ждал конца́ у́жина.

Игру́шек бы́ло мно́го, но все они́ представля́ли собо́й огнестре́льное ору́жие: револьве́ры, ручны́е пулемёты, ма́ленькие винто́вки.

– Вот так он це́лый день и стреля́ет – жа́ловался ста́рый Ведме́дев. – Америка́нские ма́льчики то́лько э́тим и занима́ются. Други́х игр у них нет. Про́сто с ума́ сошли́. Бе́гают в кино́ смотре́ть га́нгстерские карти́ны, а пото́м са́ми изобража́ют банди́тов. И мой Ленька туда́ же.

– Нет, я то́лько в свобо́дное от шко́льных заня́тий вре́мя, – серьёзно отве́тил ма́льчик.

– Шко́лу мы устро́или хоро́шую, – продолжа́л Ведме́дев. – Не пожале́ли де́нег. Но ведь по́сле шко́лы не запрёшь его́ до́ма. Осо́бенно э́тот Дэ́вид, сын парикма́хера, обуча́ет моего́ сы́на.

– Ты ошиба́ешься, па́па, – серьёзно сказа́л Лёнька, – Дэ́вид хоро́ший ма́льчик. Тут винова́ты усло́вия капитали́стического о́бщества.

– Слы́шали? – ра́достно закрича́л Ведме́дев. – Это уже́ влия́ние на́шей шко́лы. А ря́дом с э́тим игру́шечные пулемёты. Како́й у меня́ ма́льчик вы́растет в э́той Аме́рике, я да́же не понима́ю.

– Ох, – простона́ла Ведме́дева, – скоре́й бы уж домо́й, в Ха́рьков!

У́тром пое́хали в Бру́клин. По коридо́рам и ле́стницам шко́лы бе́гали де́ти с кра́сными пионе́рскими га́лстуками. Всё шло там так, как бу́дто вокру́г не́ было никако́го Нью-Йо́рка и что торжество́ происхо́дит где́-нибудь в СССР, то́лько малыши́ из пе́рвого кла́сса, говори́ли по-ру́сски с настоя́щим нью-йо́ркским акце́нтом, что свиде́тельствовало о том, что де́ло всё-таки происхо́дит не в Москве́.

Торже́ственное собра́ние начало́сь в са́мом большо́м кла́ссе. Председа́тель Амто́рга сказа́л коро́ткую речь, в кото́рой объясни́л де́тям, что за день они́ пра́зднуют. Пото́м выступа́л генера́льный ко́нсул, речь кото́рого всё вре́мя прерыва́л его́ двухле́тний сын Ви́тя.

– Па́па, я хочу́ к тебе́!

Он крича́л до тех пор, пока́ ему́ сро́чно не пона́добилось вы́йти. То́лько э́то обстоя́тельство да́ло ко́нсулу возмо́жность зако́нчить свою́ речь.

– А тепе́рь, това́рищи, – сказа́л заве́дующий шко́лой, – присту́пим к весе́лью.

Начали́сь выступле́ния дете́й. Са́мые ма́ленькие деклами́ровали англи́йские стихи́, бо́лее взро́слые пе́ли хо́ром ра́зные ру́сские пе́сни и да́же разыгра́ли коро́ткую пье́су.

Зате́м лу́чшим ученика́м на́чали дава́ть пода́рки. Лёня Ведме́дев то́же получи́л пода́рок. Но про него́ заве́дующий шко́лой сказа́л, что он учи́лся то́лько хорошо́, в то вре́мя как по спосо́бностям мог бы учи́ться отли́чно. Тогда́ Лёня вы́ступил вперёд и, держа́ в рука́х две кни́ги Дже́ка Ло́ндона на англи́йском языке́, кото́рые ему́ поднесли́, серьёзно сказа́л:

- Тепе́рь я обеща́ю учи́ться отли́чно, потому́ что у меня́ действи́тельно хоро́шие спосо́бности.

Все ста́ли смея́ться.

Ве́чером ста́ли весели́ться и взро́слые. Торже́ственное заседа́ние откры́лось в большо́м за́ле ко́нсульства. Пришли́ все, кто то́лько мог яви́ться. И сотру́дники Амто́рга, и инжене́ры, находя́щиеся в командиро́вке по разли́чным техни́ческим дела́м, и кома́нда сове́тского парохо́да, кото́рый неда́вно пришёл из СССР и стоя́л в нью-йо́ркском порту́.

Сно́ва председа́тель Амто́рга сказа́л речь; ко́нсул то́же говори́л опя́ть, но никто́ не меша́л ему́ на э́тот раз, потому́ что Ви́тя уже́ спал. Хорошо́ бы́ло в э́тот ве́чер.

По́сле официа́льной ча́сти, как во́дится, начала́сь неофициа́льная. До́лго танцева́ли, ве́село и шу́мно. То́ня весели́лась, как когда́-то у себя́ на пе́рвой расфасо́вочной фа́брике. Е́сли бы то́лько её подру́ги Ки́ля и Кла́ва зна́ли, что она́ танцу́ет в пе́рвый раз за всю свою́

америка́нскую жизнь. Ничего́ бы они не по́няли и, наве́рно, о́чень удиви́лись бы.

Вашингто́нские краса́вицы, Ната́лья Па́вловна и То́ня, по́льзовались больши́м успе́хом. В сосе́днем за́ле на дли́нных столя́х стоя́ли заку́ски, во́дка, нарза́н. Но То́ня ничего́ не е́ла и не пила́. Не́ было вре́мени: её всё вре́мя приглаша́ли танцева́ть и ей жа́лко бы́ло отказа́ться. Когда́-то она́ ещё уви́дит живы́х люде́й в тако́м коли́честве!

Вдруг она́ заме́тила в толпе́ свои́х ста́рых знако́мых - трёх неразлу́чных инжене́ров, с кото́рыми когда́-то Говорко́вы познако́мились на "Мадже́стике". И они́ её уви́дели и сра́зу узна́ли.

- Ну, как "ле́вая"? - уже́ зара́нее хохоча́, спроси́ла То́ня.

- Замеча́тельно! - в один го́лос отве́тила тро́йка. - Всё в полне́йшем поря́дке. Олл райт.

- Гау ду ю лайк Америка? - спроси́ла То́ня.

Она ожида́ла услы́шать знако́мое: "А Бог с ней, с э́той Аме́рикой. Скоре́е бы уж попа́сть домо́й". Но, к её удивле́нию, молоды́е инжене́ры в оди́н го́лос закрича́ли:

- Замеча́тельная страна́. Отли́чная те́хника. А как рабо́тают!

- Че́стное сло́во, посмо́тришь на како́й-нибудь заво́д - и как всё у них про́сто получа́ется. А за э́той простото́й така́я организа́ция произво́дства, что нет слов, ну, я вас уверя́ю, То́ня, про́сто нет слов.

– Мы тут ко́е-чему́ научи́лись. У них есть чему́ учи́ться.

Вообще́ от встре́чи с То́ней они́ бы́ли в по́лном восто́рге. Они́, перебива́я друг дру́га, расска́зывали о свое́й рабо́те, о пое́здках, ча́сто вставля́ли англи́йские слова́ и це́лые фра́зы, меша́ли друг дру́гу. С То́ней они́ танцева́ли по о́череди.

На друго́й день ве́чером американизи́ровавшиеся молоды́е лю́ди яви́лись к Ведме́девым и потре́бовали, что́бы То́ня и Ната́лья Па́вловна пошли́ вме́сте с ни́ми "развлека́ться".

– На́до, на́до развлека́ться, – делови́то говори́ли они́. – Что же, мы так и уе́дем ничего́ не уви́дев? Про́сто безобра́зие. Полтора́ го́да рабо́тали в э́той Филадельфии, как зве́ри, позавчера́ прие́хали, а за́втра уже́ уезжа́ем.

– Сно́ва в Филаде́льфию? – спроси́ла То́ня.

– Кака́я там Филаде́льфия, – ра́достно сказа́л инжене́р с у́сиками. – Домо́й, а не в Филаде́льфию! Я – в Москву́, Ко́ля – в Свердло́вск, а Семён – в Златоу́ст.

За́втра в два три́дцать сади́мся на "Иль-де-Франс". Сбре́ю свои́ знамени́тые у́сики, и уже́ че́рез де́вять дней в Москве́.

Инжене́рам о́чень хоте́лось "развлека́ться", но они не зна́ли, как и где это де́лается. Помо́чь им взя́лся

ста́рый Ведме́дев.

– Сла́ва Бо́гу, – объясни́л он, уже́ пять лет в Нью-Йо́рке и зна́ю его́ о́чень хорошо́. Снача́ла мы е́дем в Га́рлем, негритя́нский райо́н, и зайдём в како́й-нибудь "найт клаб", где́-нибудь в райо́не 126-о́й у́лицы. И́ли, ка́жется, 127-о́й. Там на ме́сте разберёмся.

– Ся́дем в такси́! – кри́кнул инжене́р с у́сиками. – В чём де́ло? Весели́ться, так весели́ться!

Но ста́рый Ведме́дев не допусти́л э́того.

– Слу́шайте меня́, ста́рого нью-йо́ркца. В такси́ бу́дем е́хать це́лый час. Вы нахо́дитесь в го́роде, где це́лый миллио́н автомоби́лей. Сле́довательно, по́льзоваться автомоби́лем здесь бессмы́сленно. Это са́мый ме́дленный вид тра́нспорта. Ся́дем в "собве́й", и бу́дем в Га́рлеме че́рез пятна́дцать мину́т.

Но́чью Га́рлем со свои́ми безнадёжно прямы́ми, грязнова́тыми и сла́бо освещёнными у́лицами всё-таки со́здал у экскурса́нтов впечатле́ние та́йны. На Седьмо́й авеню́ свети́лись электри́ческие рекла́мы ночны́х рестора́нов.

В конце́ концо́в друзья́ попа́ли в ночно́е заведе́ние под назва́нием "Чёрная ко́шка". Стари́к Ведме́дев снача́ла зашёл оди́н и, узна́в, что шампа́нского здесь мо́жно не тре́бовать и что обяза́тельный зака́з равня́ется двум до́лларам на челове́ка, пригласи́л всех войти́.

Компа́ния вошла́ в небольшо́й зал, посреди́не кото́рого помеща́лась площа́дка для та́нцев. Люде́й бы́ло ма́ло,

то́лько шесть-во́семь сто́ликов бы́ли за́няты. Любе́зный негр отвёл компа́нию к сто́лику у са́мого барье́ра.

О́пытный Ведме́дев заказа́л для всех "джин-фис", кре́пкую смесь джи́на с лимо́нным со́ком.

- Развлека́йтесь, - угова́ривал он. - Всё равно́, да́же е́сли вы зака́жете то́лько со́довую во́ду, возьму́т по два до́ллара с челове́ка. Та́к что пе́йте.

На эстра́де заигра́л негритя́нский джаз; на площа́дку вы́бежал невероя́тно то́лстый мула́т в цили́ндре и бы́стро застуча́л нога́ми в ла́ковых туфля́х. За ним вы́скочило не́сколько го́лых мула́ток с пе́рьями на по́ясе. Они́ то́же стуча́ли каблука́ми и враща́ли бёдрами. Пото́м три не́гра в бе́лых цили́ндрах виртуо́зно отбива́ли чечётку.

Ведме́дев заказа́л вторую́ по́рцию "джин-фиса". Инжене́ры ти́хо сиде́ли и иногда́ подми́гивали друг дру́гу, как бы говоря́: "Здо́рово мы развлека́емся".

Когда́ вы́шли на мо́крую и тёмную у́лицу, Семён из Златоу́ста бо́дро сказа́л:

- Тепе́рь всё в поря́дке. Програ́мма вы́полнена по́лностью. Если спро́сят, бу́дет что отве́тить. Не то́лько учи́лись на заво́де. Ви́дели и ко́е-что́ друго́е.

Проща́лись до́лго. Семён всё угова́ривал То́ню обяза́тельно съе́здить в Златоу́ст, кото́рый я́кобы необыча́йный го́род.

- Чего́ вы тут сиди́те? - дока́зывал он. - Заче́м вам Аме́рика? Ведь тут стра́шная ску́ка.

Все тро́е поверну́ли в сто́рону своего́ оте́ля, и до́лго ещё над ти́хими"стри́тами"слы́шался их шу́мный разгово́р.

Верну́вшись в Вашингто́н, То́ня нашла́, что Во́вка немно́го вы́рос, хотя́ она́ не ви́дела его́ то́лько два дня. Но вообще́ бо́льше ничего́ не измени́лось, и То́нина жизнь сде́лалась ещё трудне́е. За два нью-йо́ркских дня То́ня от всего́ отвы́кла. На́до бы́ло привыка́ть с са́мого нача́.а. Но То́ня чу́вствовала, что никогда́ не привы́кнет к америка́нской жи́зни.

Она́ зави́довала мисс Дже́фи, всегда́ весёлой и энерги́чной.

"Ей хорошо́, - ду́мала То́ня, - она́ у себя́ на ро́дине".

То́ня не люби́ла жа́ловаться посторо́нним лю́дям, но

одна́жды ве́чером, когда́ Ко́стя ушёл разбира́ть дипломати́ческую по́чту, а Во́вка уже́ спал, она́ рассказа́ла мисс Дже́ффи о свое́й тоске́.

Обы́чная улы́бка сошла́ с лица́ мисс Дже́ффи. Она́ с удивле́нием смотре́ла на То́ню, до́лго молча́ла и сказа́ла наконе́ц:

- Дорога́я То́ниа, вы счастли́вая молода́я же́нщина. Да, Аме́рика о́чень ску́чная страна́. Но ведь вы в конце́ концо́в отсю́да уе́дете. Мне ху́же чем вам, То́ниа. Мне да́же е́хать не́куда. Э́то моя́ ро́дина. Куда́ я могу́ пое́хать? Я проживу́ здесь всю свою́ жизнь. Я, наве́рно, никогда́ не вы́йду за́муж. Мужчи́ны не лю́бят жени́ться. Э́то до́рого.

Тёплая мо́края зима́ подходи́ла к концу́.

Как-то тёмным у́тром, То́ня подошла́ к окну́ и уви́дела, что идёт снег. Он бы́стро та́ял и лежа́л то́лько на кры́шах автомоби́лей. Всё шло обы́чно. Ко́стя позавтракал и ушёл. Во́вка, как всегда́, не хоте́л мы́ться и пла́кал. Предстоя́л обыкнове́нный день.

И вдруг Ко́стя верну́лся. Он верну́лся наза́д так ско́ро, что вряд ли успе́л дойти́ до канцеля́рии. Но нет. Он был там. И да́же принёс оглуши́тельную но́вость. Его́ перево́дят в Москву́.

- Тут я уже́ ничего́ не могу́ сказа́ть! - возбуждённо крича́л он.

Вот и всё. Так про́сто, неожи́данно, а гла́вное бы́стро реши́лась То́нина судьба́. Во́вка не мог поня́ть отку́да пришло́ к нему́ тако́е сча́стье: ма́ма так и не помы́ла его́ в э́то у́тро, и он весь день гуля́л с немы́той физионо́мией, спотыка́ясь о разло́женные на полу́ чемода́ны, таща́ за собо́й ма́мины пла́тья и па́пины га́лстуки.

Че́рез две неде́ли по́езд Пари́ж - Негоре́лое вы́шел с по́льской ста́нции Столбцы́ и дви́нулся к сове́тской грани́це.

СЛОВА́РЬ К РАССКА́ЗУ "ТО́НЯ"

одновре́менно	simultaneously, at the same time
носи́льщик	porter
стесня́ться постесня́ться	to feel shy, be ashamed
уны́ло	despondently, dolefully
зави́довать позави́довать	to envy
поправля́ть попра́вить	to correct
скро́мно	modestly
смотре́ться в зе́ркало	look at oneself in the mirror
его́ му́чило	he felt unhappy
таи́нственный	mysterious
расфасо́вочная фа́брика	packing factory
упако́вывать упакова́ть	to pack
со́да	baking soda
шафра́н	saffron
тоскли́во	drearily, sadly
жу́тко	awesome, weird, eery
верхо́м	on horseback
молодожёны	newlyweds
следи́ть	to watch
возника́ть возни́кнуть	to arise, spring up, appear

политгра́мота	rudiments of political knowledge
меня́ться	to change
тамо́женник	customs official
жанда́рм	gendarme
грубова́т	somewhat rough, rude
торопли́в	harried, hasty
тамо́женный	customs
чино́вник	official, clerk
полага́ется	it is the custom
суро́вость	severity
устра́иваться устро́иться	to establish oneself, settle
ограни́чиваться ограни́читься	to limit (oneself)
дли́ться	to last
танцева́ть	to dance
пока́чиваться	to rock
стиха́ть сти́хнуть	to calm down
супру́ги	husband and wife
одина́ковый	identical, same
состоя́ться	to take place
расстава́ться расста́ться	to part
беспо́мощно	helplessly
сознава́ться созна́ться	to admit, confess

применя́ть приме́нить	to apply, use
наугад	at a guess, at random
ты́кать ткнуть	to poke, point
недоразуме́ние	misunderstanding
сме́ло	boldly, bravely, fearlessly
внеза́пно	suddenly, all of a sudden
сму́тно	vaguely, dimly
де́йствующее лицо́	character (in a play)
любо́вник	lover
принима́ть уча́стие	to take part, participate
смо́кинг	dinner jacket
у́жас	horror, terror
утвержда́ть	to insist, affirm
влюбля́ться влюби́ться	to fall in love (with)
изображе́ние	picture, representation, portrayal
грома́дный	huge, enormous
накле́ивать накле́ить	to paste, stick
иммиграцио́нные вла́сти	immigration authorities
трап	ship's ladder
вперёд	ahead
ма́лый ход	slow speed
прошли́ как в лихора́дке	were feverish

пуска́ть пусти́ть	to allow, permit
че́стное сло́во	word of honor
стра́шно шу́мно	awfully noisy
бормота́ть	mumble, mutter
ярлы́к	label, tag
вестибю́ль	entrance hall, lobby
высо́вывать вы́сунуть	to show oneself, lean out, put out
ошеломля́ть ошеломи́ть	to stun
прису́тствие ду́ха	presence of mind
сообража́ть сообрази́ть	to understand, grasp quickly, consider
гро́хот	roar, thunder, crash
дава́ть на чай дать	to give a tip
прика́лывать приколо́ть	to pin, fasten
любе́зно	politely, kindly
выясня́ться вы́ясниться	to find out, determine, clarify
посо́льство	embassy
сумбу́р	confusion
привлека́тельный	inviting, attractive
позолоти́ть	to gild
бо́йко	fluently
сове́тник посо́льства	councellor of the embassy

дразни́ть подразни́ть	to tease
нарза́н	kind of mineral water
раздави́ть	to crush, smash
рво́та	vomiting
быть бере́менной	to be pregnant
шифрова́льщик	cipher clerk
оконча́тельно	finally, once and for all
очути́ться	to find oneself
кружо́к драмати́ческий кружо́к	circle dramatic circle
уса́дьба	country estate
равноду́шно	indifferently
стари́нная ме́бель	antique furniture
бу́рная жизнь	turbulent life
при́стань (f.)	pier, landing-stage, dock, wharf
доро́жка	walk, path
досу́г	leisure, spare time
восто́рженно	enthusiastically
рези́новый фа́ртук	rubber apron
све́тский све́тская же́нщина	worldly woman of the world, woman of fashion
новосе́лье	housewarming
одна́ беда́	the trouble is that ...
стуча́ться постуча́ться	to knock
восто́рг	delight, enthusiasm

электри́ческий фона́рик	flashlight
вновь	anew, again
воня́ть	to stink
фиа́лка	violet
сюже́т	subject, topic
сопе́рница	rival
отта́лкивающий хара́ктер	unpleasant personality
привлека́тельный хара́ктер	pleasant personality
предпочте́ние	preference
подо́бный	similar, like
она́ была́ очаро́вана	she was charmed
купле́т	verse, couplet
раздража́ть раздражи́ть	irritate, annoy
гипотену́за	hypotenuse
Пифаго́ровы штаны́	Pythagorean pants (Pythagorean proposition)
не говори́те га́достей	don't be nasty
вы́вод	conclusion
пье́са	play
гастро́ль (f.)	tour
спекта́кль	play
наха́льно	indecent(ly)
при́быль (f.)	profit
со́вестно	shame
лома́ться	to pose, clown

смущённо	with confusion, shyly
рожа́ть	to give birth
Амто́рг	Amtorg Trading Corporation
уха́живать	to court, look after
перевыполня́ть перевы́полнить	to exceed
отста́нь от меня́	leave me alone
приём	reception
стеснённый	straitened, be hard up
гла́нда	tonsil
уделя́ть удели́ть	remove, ablate
для ши́ка	to impress
обая́телен	charming
хала́т	doctor's gown
го́ря́чность (f.)	warmth
чепуха́	nonsense
грабёж	robbery
разруше́ние	destruction
утеша́ть уте́шить	to comfort
лю́лька	cradle
младе́нец	baby, infant
ро́ды	childbirth, delivery
соцстра́х (социа́льное страхова́ние)	social insurance
ю́ный	youthful

растро́гаться	be (deeply) moved, touched
<u>разводи́ть</u> рука́ми <u>развести́</u>	to make a helpless gesture
игру́шка	toy
фрак	tailcoat
цили́ндр	top hat
ду́шный	sultry
испаре́ние	exhalation, evaporation
наро́дное тво́рчество	people's art
самоде́ятельный коллекти́в	amateur troupe
сде́ржанный	restrained, reserved
встрево́жить	to worry, make uneasy
отча́яние	despair
вся́чески	in every possible way
<u>наклоня́ться</u> <u>наклони́ться</u>	to bend
единогла́сно	unanimously
небоскрёб	skyscraper
гостеприи́мный	hospitable
<u>стона́ть</u> <u>простона́ть</u>	to moan, groan
<u>приступа́ть</u> <u>приступи́ть</u>	to start
выступле́ние	performance
<u>деклами́ровать</u> <u>продеклами́ровать</u>	to recite
<u>разы́грывать</u> <u>разыгра́ть</u>	to play, perform

спосо́бность (f.)	ability, aptitude
вы́ступить вперёд	to come forward
подноси́ть поднести́	to present
как во́дится	as usual
развлека́ться	to have a nice time
разберёмся	will see
подпева́ть	to join in a song, echo
смесь (f.)	mixture
каблу́к	heel
враща́ть	to turn, rotate, revolve
бедро́	hip, thigh
подми́гивать	to wink
ску́ка	boredom
тоска́	melancholy, depression
оглуши́тельная но́вость	terrific news
спотыка́ться	to stumble

Константин Георгиевич

ПАУСТОВСКИЙ

1892 - 1968

Константин Георгиевич Паустовский - известный советский писетель. Родился в Москве. Сначала учился в Киевском университете, а потом перевёлся в Московский университет.

Жизнь его была весьма разнообразна. До первой мировой войны работал рабочим и кондуктором трамвая. Во время войны был санитаром, матросом, репортёром и редактором газет.

Первое свое произведение Паустовский напечатал в 1912 г., профессиональным писателем стал в 1927 году. Повести его проникнуты романтикой покорения природы: "Кара-Бугаз", "Чёрное море", "Повесть о лесах", "Рождение моря". Он также писал исторические и биографические повести: "Судьба Шарля Лонсевиля", "Тарас Шевченко" и др.

К циклу автобиографических произведений принадлежат: "Далёкие годы", "Повесть о жизни", "Бросок на юг", "Книга скитаний" и др.

Нужно отметить, что Паустовский, будучи писателем досоветской формации, был сравнительно сдержан в применении в своих произведениях навязчивой советской пропаганды, которая обязательна для современных советских писателей.

СНЕГ

по К.Г.ПАУСТО́ВСКОМУ

Стари́к Пота́пов у́мер че́рез три ме́сяца по́сле того́, как Татья́на Петро́вна въе́хала в его́ дом. Татья́на Петро́вна оста́лась одна́ с до́черью Ва́рей и стару́хой ня́ней.

Ма́ленький дом - всего́ в три ко́мнаты - стоя́л на горе́, над реко́й, на са́мом вы́езде из го́рода.

Татья́на Петро́вна до́лго не могла́ привы́кнуть по́сле Москвы́ к ма́ленькому го́роду.

"Кака́я я ду́ра! - ду́мала Татья́на Петро́вна, - заче́м уе́хала из Москвы́, бро́сила теа́тр, друзе́й! На́до бы́ло отвезти́ Ва́рю к ня́не в Пу́шкино - там не́ было никаки́х налётов, - а само́й оста́ться в Москве́. Бо́же мой, кака́я я ду́ра!"

Но возвраща́ться в Москву́ бы́ло уже́ по́здно. Татья́на Петро́вна реши́ла выступа́ть в госпиталя́х - их бы́ло не́сколько в го́роде - и успоко́илась. Го́род на́чал ей да́же нра́виться, осо́бенно, когда́ пришла́ зима́ и покры́ла всё сне́гом. Привы́кла она́ и к до́му, и к расстро́енному пиани́но, и к ста́рым фотогра́фиям на стена́х, кото́рые изобража́ли кораблй берегово́й оборо́ны. Стари́к

Пота́пов был когда́-то корабе́льным меха́ником. На его́ пи́сьменном столе́ стоя́ла моде́ль кре́йсера "Громобо́й", на кото́ром он пла́вал. Ва́ре не разреша́ли тро́гать э́ту моде́ль. И вообще́ не разреша́ли ничего́ тро́гать.

Татья́на Петро́вна зна́ла, что у Пота́пова оста́лся сын моря́к, что он сейча́с в Черномо́рском фло́те. На столе́ ря́дом с моде́лью кре́йсера стоя́ла его́ фотогра́фия. Иногда́ Татья́на Петро́вна до́лго смотре́ла на неё. Ей каза́лось, что она где́-то его́ встреча́ла, но о́чень давно́, ещё до своего́ неуда́чного замужества. Но где? И когда́?

Моря́к смотре́л на неё споко́йными, немно́го насме́шливыми глаза́ми, бу́дто спра́шивал: "Ну что же? Неуже́ли вы так и не по́мните, где мы встреча́лись?"

- Нет не по́мню, - ти́хо отвеча́ла Татья́на Петро́вна.

- Ма́ма, с кем ты разгова́риваешь? - крича́ла из сосе́дней ко́мнаты Ва́ря.

- С пиани́но, - смея́лась в отве́т Татья́на Петро́вна.

Среди́ зимы́ на́чали приходи́ть пи́сьма на и́мя Пота́пова, напи́санные одно́й и той же руко́й. Татья́на Петро́вна кла́ла их на пи́сьменный стол.

Одна́жды но́чью Татья́на Петро́вна просну́лась, наки́нула хала́т и пошла́ в кабине́т. Она́ зажгла́ свечу́ на

столе́ и се́ла в кре́сло. Пото́м она́ осторо́жно взяла́ одно́ из пи́сем, распеча́тала его́ и начала́ чита́ть.

"Ми́лый мой стари́к, - чита́ла Татья́на Петро́вна, - вот уже́ ме́сяц, как я лежу́ в го́спитале. Ра́на не о́чень тяжёлая и уже́ заживае́т. Ра́ди Бо́га, не волну́йся и не кури́ папиро́су за папиро́сой. Умоля́ю!"

"Я ча́сто вспомина́ю тебя́, папа, - чита́ла да́льше Татья́на Петро́вна, - и наш дом, и наш городо́к. Всё э́то где́-то о́чень далеко́, как бу́дто на краю́ све́та. Я закрыва́ю глаза́ и тогда́ ви́жу: вот я открыва́ю кали́тку, вхожу́ в сад. Зима́, снег, но доро́жка к ста́рой бесе́дке над обры́вом расчи́щена, а кусты́ сире́ни все в и́нее. В ко́мнатах тепло́. Пиани́но, наконе́ц, настро́ено, и ты вста́вил в подсве́чники жёлтые све́чи - те, что я привёз из Ленингра́да. И те же но́ты лежа́т на пиани́но: увертю́ра к "Пи́ковой да́ме". Звони́т ли колоко́льчик у двере́й? Я так и не успе́л его́ почини́ть. Неуже́ли я всё это уви́жу опя́ть? Эх, е́сли бы ты знал, как я полюби́л всё э́то отсю́да, и́здали! Ты не удивля́йся, но я говорю́ тебе́ соверше́нно серьёзно: я вспомина́л об э́том в са́мые стра́шные мину́ты бо́я. Я знал, что защища́ю не то́лько всю страну́, но и наш ма́ленький дом - и тебя́, и наш сад, и да́же кота́ Архи́па, не сме́йся и не кача́й голово́й.

Мо́жет быть, когда́ вы́йду из го́спиталя, мне даду́т

о́тпуск. Не знаю. Но лу́чше не жди".

Татья́на Петро́вна до́лго сиде́ла у стола́, смотре́ла за окно́, где уже́ начина́лся рассве́т.

У́тром она́ сказа́ла Ва́ре, что́бы она́ расчи́стила доро́жку к бесе́дке над обры́вом. А сама́ Татья́на Петро́вна почини́ла колоко́льчик над две́рью.

Днём Татья́на Петро́вна привела́ из го́рода одного́ старика́, обрусе́вшего че́ха, кото́рый уме́л настра́ивать пиани́но. Чех, настро́ив пиани́но, сказа́л, что оно́ ста́рое, но о́чень хоро́шее. Татья́на Петро́вна и без него́ э́то зна́ла.

Когда́ он уе́хал, Татья́на Петро́вна откры́ла пи́сьменный стол и нашла́ в нём не́сколько жёлтых свече́й. Она́ вста́вила све́чи в подсве́чники и поста́вила их на пиани́но.

Ве́чером она́ зажгла́ све́чи, се́ла за пиани́но, и начала́ игра́ть. Когда́ она́ ко́нчила, Ва́ря не вы́держала:

- Заче́м ты тро́гаешь чужи́е ве́щи? - сказа́ла она́ ма́тери. - Мне не позволя́ешь, а сама́ тро́гаешь? И колоко́льчик, и све́чи, и пиани́но - всё тро́гаешь. И чужи́е но́ты на пиани́но положи́ла.

- Потому́ что я взро́слая, - отве́тила Татья́на Петро́вна.

Ва́ря недове́рчиво посмотре́ла на неё. Сейча́с

Татья́на Петро́вна ме́ньше всего́ была́ похо́жа на взро́слую. Она́ была́ бо́льше похо́жа на ту де́вушку с золоты́ми волоса́ми, кото́рая потеря́ла хруста́льную ту́флю во дворце́. Об э́той де́вушке Татья́на Петро́вна сама́ расска́зывала Ва́ре.

В по́езде лейтена́нт Пота́пов ду́мал о том, что до́ма он бу́дет не бо́льше су́ток. О́тпуск был о́чень коро́ткий, и бо́льшую часть его́ он до́лжен был провести́ в доро́ге.

По́езд пришёл в го́род днём. Тут же на вокза́ле, от знако́мого нача́льника ста́нции лейтена́нт узна́л, что оте́ц его́ у́мер ме́сяц наза́д и что в их до́ме живёт с до́черью молода́я певи́ца из Москвы́.

- Эвакуи́рованная, - сказа́л нача́льник ста́нции.

Пота́пов молча́л, смотре́л за окно́, где бежа́ли с ча́йниками пассажи́ры. Голова́ у него́ кружи́лась.

- Да, - сказа́л нача́льник ста́нции, - хоро́ший был челове́к. Так и не удало́сь ему́ ещё раз уви́деть сы́на.

- Когда́ обра́тный по́езд? - спроси́л Пота́пов.

- У́тром, в пять часо́в, - отве́тил нача́льник ста́нции, помолча́л, пото́м доба́вил: - Переночева́ть вы мо́жете у меня́. Жена́ моя́ вас нако́рмит. Домо́й вам идти́ не́зачем.

- Спаси́бо, - отве́тил Пота́пов и вы́шел. Он прошёл че́рез го́род к реке́. "Ну что же! - поду́мал Пота́пов. - Опозда́л. И тепе́рь э́то всё для меня́ чужо́е -

и го́род э́тот, и река́, и дом!

Он посмотре́л на обры́в за го́родом. Там стоя́л в и́нее сад, и был ви́ден дом. Из трубы́ его́ поднима́лся дым.

Пота́пов ме́дленно шёл в сто́рону до́ма. Он реши́л в дом не заходи́ть, а то́лько пройти́ ми́мо, мо́жет быть то́лько загляну́ть в сад, постоя́ть в ста́рой бесе́дке.

Ему́ бы́ло о́чень тяжело́ ду́мать о том, что в до́ме живу́т совсе́м для него́ чужи́е лю́ди. Лу́чше ничего́ не ви́деть, уе́хать и забы́ть о про́шлом!

"Ну что же, - поду́мал Пота́пов, - с ка́ждым днём де́лаешься ста́рше, всё стро́же смо́тришь вокру́г".

Пота́пов подошёл к до́му в су́мерки. Он осторо́жно откры́л кали́тку. К бесе́дке вела́ расчи́щенная от сне́га доро́жка. Пота́пов прошёл в бесе́дку. Далеко́ за ле́сом поднима́лась луна́. Пота́пов снял фура́жку. Бы́ло о́чень ти́хо. Пота́пов ти́хо сказа́л:

- Как же э́то так?

Кто́-то осторо́жно тро́нул Пота́пова за плечо́. Он огляну́лся. Позади́ него́ стоя́ла молода́я же́нщина. Она́ мо́лча смотре́ла на Пота́пова тёмными внима́тельными глаза́ми.

- Наде́ньте фура́жку, - ти́хо сказа́ла она́, - вы просту́дитесь. И пойдёмте в дом. Не на́до здесь стоя́ть.

Пота́пов молча́л. Же́нщина взяла́ его́ по́д руку, и

повела́ по расчи́щенной доро́жке. О́коло до́ма Пота́пов останови́лся. Су́дорога сжа́ла ему́ го́рло, он не мог дыша́ть.

- Э́то ничего́. Сейча́с э́то пройдёт.

Она́ постуча́ла нога́ми, что́бы сбить снег с боти́нок. На дверя́х, как бы в отве́т, зазвене́л колоко́льчик.

Пота́пов вошёл в дом, снял шине́ль, почу́вствовал сла́бый за́пах ды́ма и уви́дел Архи́па. Архи́п сиде́л на дива́не и зева́л. О́коло дива́на стоя́ла де́вочка и ра́достными глаза́ми смотре́ла на него́, но не на его́ лицо́, а на золоты́е наши́вки на рукаве́.

- Пойдёмте! - сказа́ла Татья́на Петро́вна и повела́ Пота́пова в ку́хню.

В ку́хне стоя́л кувши́н с холо́дной водо́й из коло́дца, висе́ло знако́мое полоте́нце.

Татья́на Петро́вна вы́шла. Де́вочка принесла́ Пота́пову мы́ло и смотре́ла, как он мы́лся.

- Кто же твоя́ ма́ма? - спроси́л он де́вочку и покрасне́л.

Вопро́с э́тот он за́дал то́лько для того́, что́бы что́-нибудь спроси́ть.

- Она́ ду́мает, что она́ взро́слая, - ти́хо сказа́ла де́вочка. - А она́ совсе́м не взро́слая. Она́ бо́льше де́вочка, чем я.

- Почему́? - спроси́л Пота́пов.

Но де́вочка не отве́тила, засмея́лась и вы́бежала из ку́хни.

Пота́пов весь ве́чер был как во сне. Всё в до́ме бы́ло таки́м, каки́м он хоте́л его́ ви́деть. Те же но́ты лежа́ли на пиани́но, те же све́чи горе́ли и освеща́ли ма́ленький отцо́вский кабине́т. Да́же на столе́ лежа́ли его́ пи́сьма из го́спиталя - лежа́ли под тем же ста́рым ко́мпасом, под кото́рый оте́ц всегда́ клал пи́сьма.

По́сле ча́я Татья́на Петро́вна провела́ Пота́пова на моги́лу отца́. Луна́ поднялась уже́ высоко́.

А пото́м, по́здно ве́чером, Татья́на Петро́вна, сидя у пиани́но, сказа́ла Пота́пову:

- Мне всё ка́жется, что где́-то я уже́ ви́дела вас.

- Да, мо́жет быть, - отве́тил Пота́пов.

Он посмотре́л на неё, пото́м прошёл по ко́мнате из угла́ в у́гол, останови́лся.

- Нет, не могу́ вспо́мнить.

Татья́на Петро́вна посмотре́ла на Пота́пова, но ничего́ не отве́тила.

Пота́пов лёг спать в кабине́те на дива́не, но до́лго не мог засну́ть. Он ду́мал о ка́ждой мину́те, проведённой в э́том до́ме.

В четы́ре часа́ утра́ Татья́на Петро́вна ти́хо откры́ла дверь и позвала́ Пота́пова.

- Пора́, вам на́до встава́ть, - сказа́ла она́. - Мне

о́чень жаль вас буди́ть!

Татья́на Петро́вна проводи́ла Пота́пова на ста́нцию че́рез ещё спа́вший го́род. По́сле второ́го звонка́ они́ попроща́лись. Татья́на Петро́вна протяну́ла Пота́пову о́бе руки́ и сказа́ла:

- Пиши́те. Мы тепе́рь как ро́дственники. Пра́вда?

Пота́пов ничего́ не отве́тил, то́лько кивну́л голово́й.

Че́рез не́сколько дней Татья́на Петро́вна получи́ла от Пота́пова письмо́ с доро́ги.

"Я вспо́мнил, коне́чно, где мы встреча́лись, - писа́л Пота́пов, - но не хоте́л говори́ть вам об э́том там, до́ма. По́мните Крым в 1927 году́? О́сень. Ливади́йский парк. Я шёл по тропе́ в Орея́нду. На скаме́йке о́коло тропы́ сиде́ла де́вушка. Ей бы́ло лет шестна́дцать. Она́ уви́дела меня́, вста́ла и пошла́ навстре́чу. Когда́ она́ проходи́ла ми́мо меня́, я взгляну́л на неё. Я останови́лся и до́лго смотре́л ей вслед. Э́той де́вушкой бы́ли вы. Я не мог ошиби́ться. Тогда́ я уже́ знал, что до́лжен найти́ вас. С тех пор я полюби́л Крым и э́ту тропу́, где я вас ви́дел то́лько мгнове́ние и потеря́л навсегда́. Но к сча́стью я встре́тил вас опя́ть. И е́сли всё ко́нчится хорошо́ и вам нужна́ бу́дет моя́ жизнь, она́, коне́чно, бу́дет ва́ша. Да, я нашёл на столе́ у отца́ своё распеча́танное письмо́. Я по́нял всё и могу́ то́лько благодари́ть вас и́здали".

Татья́на Петро́вна положи́ла письмо́, тума́нными глаза́ми посмотре́ла на сне́жный сад за окно́м и сказа́ла:

- Бо́же мой, я никогда́ не была́ в Крыму́! Никогда́! Но ра́зве тепе́рь э́то мо́жет име́ть хоть како́е-нибудь значе́ние? И сто́ит ли разуверя́ть его́? И себя́?

Она засмея́лась и закры́ла глаза́.

СЛОВА́РЬ К РАССКА́ЗУ "СНЕГ"

ня́ня	nurse
ду́ра	fool, stupid
выступа́ть	to give performances
успока́иваться	to calm down, put one's mind at rest
покрыва́ть / покры́ть	to cover
расстро́енное	out of tune
изобража́ть	to picture, represent
корабли́ береговы́е оборо́ны	coastal defense ships
корабе́льный меха́ник	ship's engineer
кре́йсер	cruiser
тро́гать / тро́нуть	to touch
Черномо́рский флот	Black Sea Fleet
неуда́чное заму́жество	unsuccessful marriage
насме́шливый	mocking, derisive
среди́ зимы́	in the middle of the winter
наки́дывать / наки́нуть	to slip on
хала́т	dressing gown
зажига́ть / заже́чь	to light
свеча́	candle
осторо́жно	carefully, cautiously

распеча́тывать распеча́тать	to open, unseal
заживá́ть зажи́ть	to heal
ра́ди Бо́га	for goodness'/God's sake
умоля́ть	to beg
кали́тка	gate
доро́жка	path, walk
бесе́дка	summer house
обры́в	bluff
расчища́ть расчи́стить	to clear
сире́нь (f.)	lilac
и́ней	hoar frost
наконе́ц	at last, finally
настра́ивать настро́ить	to tune
вставля́ть вста́вить	to put (into, in), place
подсве́чник	candlstick
но́ты	music sheets
увертю́ра	overture
Пи́ковая да́ма	The Queen of Spades
колоко́льчик	little bell
и́здали	from afar, from a distance
удивля́ться удиви́ться	to be surprised. wonder

кот	cat (tomcat)
кача́ть голово́й	to shake one's head
рассве́т	dawn, daybreak
обрусе́вший	Russianised
недове́рчиво	distrustfully, mistrustfully
хруста́льная ту́фля	glass slipper
дворе́ц	palace
ча́йник	teakettle
не́зачем	there is no need/point
загля́дывать загляну́ть	to take a look
про́шлое	the past
су́мерки (pl.only)	dusk, twilight
плечо́	shoulder
огля́дываться огляну́ться	to turn round
позади́	behind
простужа́ться простуди́ться	to catch cold
брать по́д руку взять	to take somebody's arm
су́дорога	cramp
сжима́ть сжать	to clench
дыша́ть	to breathe
она́ постуча́ла нога́ми	she stamped her feet
сбить снег с боти́нок	to knock the snow off shoes

зазвене́ть	to start ringing
за́пах	smell
зева́ть зевну́ть	to yawn
наши́вка	stripe
кувши́н	jug
коло́дец	well
полоте́нце	towel
освеща́ть осветы́ть	to light up, throw light
ко́мпас	compass
моги́ла	grave
засыпа́ть засну́ть	to fall asleep
протя́гавать ру́ку протяну́ть	to stretch out one's hand
кива́ть кивну́ть	to nod
тропа́	path, trail
навстре́чу	towards
взгля́дывать взгляну́ть	to glance.
смотре́ть вслед	to follow somebody with one's eyes
ошиба́ться ошиби́ться	to be mistaken
мгнове́ние	instant, moment
значение	significance, meaning
разуверя́ть разуве́рить	disabuse, dissuade

Михаил Александрович

ШОЛОХОВ

1905 -

Михаил Александрович Шолохов - известный советский писатель, лауреат Государственной премии СССР и Ленинской премии, лауреат Нобелевской премии по литературе. Родился в 1905 году в казачьей семье в станице Вешенской на Дону.

Начал печататься с 1923 года. Автор романов "Тихий Дон", "Поднятая целина", рассказа "Судьба человека" и других рассказов.

СУДЬБА́ ЧЕЛОВЕ́КА

По М.ШО́ЛОХОВУ

Глава́ 1

Пе́рвая послевое́нная весна́ пришла́ на Ве́рхний Дон неожи́данно. В конце́ ма́рта из Приазо́вья поду́ли тёплые ве́тры, и уже́ че́рез дво́е су́ток всё на́чало та́ять. Степны́е ре́чки си́льно разлили́сь, и по доро́гам ста́ло почти́ невозмо́жно е́здить.

Как раз в э́ту пого́ду пришло́сь мне е́хать в ста-ни́цу Бука́новскую. До стани́цы бы́ло недалеко́ - всего́ лишь о́коло шести́десяти киломе́тров. Мы с това́рищем и шофёром вы́ехали до восхо́да со́лнца. Па́ра сы́тых лошаде́й едва́ тяну́ла на́шу тяжёлую бри́чку. Колёса глубоко́ прова́ливались в грязь. Там, где бы́ло осо́бенно тру́дно лошадя́м, мы слеза́ли с бри́чки и шли пешко́м. То́лько че́рез шесть часо́в мы подъе́хали к перепра́ве че́рез ре́чку Ела́нку, покры́в расстоя́ние в три́дцать киломе́тров.

Небольша́я, ле́том соверше́нно суха́я ре́чка, разли-ла́сь на це́лый киломе́тр. Переезжа́ть на ту сто́рону на́до бы́ло в ма́ленькой ло́дке, в кото́рой могло́ поме-сти́ться то́лько два челове́ка. Мы отпусти́ли лошаде́й. На той стороне́ нас ожида́л ста́рый автомоби́ль "Ви́ллис",

оста́вленный в колхо́зном сара́е. Едва́ мы отъе́хали от бе́рега, как в ло́дке появи́лась вода́. Её пришло́сь всё вре́мя вычёрпывать рука́ми, пока́ не дое́хали. Че́рез час мы бы́ли на той стороне́ Ела́нки. Ско́ро шофёр прие́хал на маши́не. Он подошёл к ло́дке и сказа́л мне, беря́сь за весло́:

- Е́сли всё бу́дет в поря́дке, че́рез два часа́ прие́дем, ра́ньше не жди́те.

Ху́тор находи́лся в стороне́. Там стоя́ла така́я тишина́, кака́я быва́ет то́лько по́здней о́сенью и в са́мом нача́ле весны́.

Недалеко́ от бе́рега лежа́л ста́рый забо́р. Я присе́л на него́, хоте́л закури́ть, но, положи́в ру́ку в пра́вый карма́н, к большо́му огорче́нию нашёл, что па́чка "Беломо́ра" соверше́нно размо́кла. Во вре́мя перепра́вы волна́ по по́яс облила́ меня́ водо́й. Я осторо́жно вы́нул мо́крые папиро́сы из карма́на и на́чал раскла́дывать их на забо́ре.

Был по́лдень. Со́лнце свети́ло горячо́, как в ма́е. Я наде́ялся, что папиро́сы ско́ро вы́сохнут. Со́лнце свети́ло так горячо́, что я уже́ пожале́л о том, что наде́л в доро́гу тёплую оде́жду. Э́то был пе́рвый по́сле зимы́ по-настоя́щему тёплый день. Хорошо́ бы́ло сиде́ть на забо́ре вот так, одному́, и, сняв с головы́ ста́рую солда́тскую ша́пку, суши́ть на ветерке́ во́лосы, не ду́мая ни о чём, следи́ть за бе́лыми облака́ми.

Ско́ро я уви́дел иду́щего по доро́ге мужчи́ну. Он вёл за́ руку ма́ленького ма́льчика, кото́рому мо́жно бы́ло дать не бо́льше пяти́-шести́ лет. Они́ уста́ло шли по направле́нию к перепра́ве, но, уви́дев маши́ну, повернули́ ко мне. Высо́кий мужчи́на, подойдя́ бли́зко, сказа́л ба́сом:

- Здоро́во, брато́к!

- Здра́вствуй! - Я пожа́л протя́нутую мне большу́ю ру́ку.

Мужчи́на наклони́лся к ма́льчику и сказа́л:

- Поздоро́вайся с дя́дей, сыно́к. Он тако́й же шофёр, как и твой па́пенька. То́лько мы с тобо́й на грузовике́ е́здили, а он вот на э́той ма́ленькой маши́не.

Смотря́ мне пря́мо в глаза́ све́тлыми, как не́бо, глаза́ми, чуть-чуть улыба́ясь, ма́льчик сме́ло протяну́л мне ро́зовую холо́дную ручо́нку. Я пожа́л её и спроси́л:

- Что же э́то у тебя́, стари́к, рука́ така́я холо́дная? На дворе́ тепло́, а ты замерза́ешь!

Ма́льчик удивлённо посмотре́л на меня́ и сказа́л:

– Како́й же я стари́к, дя́дя? Я совсе́м ма́льчик, а ру́ки холо́дные – снежки́ ката́л.

Оте́ц снял со спины́ почти́ пусто́й вещево́й мешо́к, уста́ло сел ря́дом со мной и сказа́л:

– Беда́ мне с э́тим пассажи́ром! И́з-за него́ и я уста́л. Вме́сто одного́ ша́га – три прихо́дится де́лать. Да ещё смотре́ть за ним всё вре́мя на́до. Нет, не мужско́е э́то де́ло с таки́ми пассажи́рами путеше́ствовать, да ещё пешко́м. Он помолча́л немно́го, пото́м спроси́л:

– А ты что же, брато́к, своё нача́льство ждёшь?

Мне бы́ло неудо́бно разуверя́ть его́, что я не шофёр, и я отве́тил:

– Прихо́дится ждать.

– С той стороны́ подъе́дут?

– Да.

– Не зна́ешь ли, ско́ро ли подойдёт ло́дка?

– Часа́ че́рез два.

– До́лго. Ну что же, пока́ отдохнём, спеши́ть мне не́куда. А я иду́ ми́мо, смотрю́: свой брат шофёр загора́ет. Дай, ду́маю, зайду́, перекурим вме́сте. Одному́ и кури́ть и умира́ть пло́хо. А ты бога́то живёшь, папиро́сы ку́ришь. Мо́крые они́ у тебя́, что ли? Лу́чше дава́й моего́ табачку́ заку́рим.

Он доста́л из карма́на штано́в шёлковый ста́рый кисе́т, разверну́л его́, и я успе́л прочита́ть вы́шитую на

уголке́ на́дпись: "Дорого́му бойцу́ от учени́цы 6-го кла́сса Лебеди́нской сре́дней шко́лы".

Мы закури́ли кре́пкого табаку́ и до́лго молча́ли. Я хоте́л бы́ло спроси́ть его́, куда́ он идёт с ребёнком, но он опереди́л меня вопро́сом:

- Ты что же всю войну́ за рулём?

- Почти́ всю.

- На фро́нте?

- Да.

- Ну, и мне пришло́сь там мно́го го́ря уви́деть.

Он положи́л на коле́ни больши́е тёмные ру́ки и сго́рбился. Я посмотре́л на него́, и мне ста́ло не по себе́. Ви́дели ли вы когда́-нибудь глаза́, напо́лненные тако́й сме́ртной тоско́й, что в них тру́дно смотре́ть?

Вот таки́е глаза́ бы́ли у моего́ случа́йного собесе́дника.

Он немно́го помолча́л и пото́м заговори́л:

- Иногда́ не спишь всю ночь, смо́тришь в темноту́ пусты́ми глаза́ми и ду́маешь: "За что же ты, жизнь, меня́ так наказа́ла?" Нет мне отве́та ни в темноте́, ни при я́сном со́лнышке ... И вдруг вспо́мнив, что здесь его сыни́шка, сказа́л:

- Ну, иди́, ми́лый, поигра́й во́зле воды́. То́лько смотри́ но́ги не промочи́!

Глава́ 2

Ещё когда́ мы мо́лча кури́ли, я, рассма́тривая отца́ и сы́на, с удивле́нием заме́тил про себя́ одно́ стра́нное, на мой взгляд, обстоя́тельство. Ма́льчик был оде́т про́сто, но хорошо́; и в том, как сиде́л на нём пиджачо́к, и в том, что ма́ленькие сапо́жки бы́ли сши́ты с расчётом надева́ть их на шерстяно́й носо́к,- всё говори́ло о же́нской забо́те, об уме́лых матери́нских рука́х. Оте́ц вы́глядел ина́че. На нём был ста́рый, пло́хо заштопанный ва́тник, шерстяны́е носки́ бы́ли по́рваны, ви́дно бы́ло, что их не коснула́сь же́нская рука́ ... Ещё тогда́ я поду́мал: "И́ли вдове́ц, и́ли пло́хо живёт с жено́й".

Но вот он сно́ва заговори́л, и я стал внима́тельно слу́шать.

- В нача́ле жизнь моя́ была́ обыкнове́нная. Сам я уроже́нец Воро́нежской губе́рнии, ты́сяча девятисо́того го́да рожде́ния. В граждан́скую войну́ был в Кра́сной А́рмии. В голо́дный два́дцать второ́й год ушёл на Куба́нь, а оте́ц с ма́терью и сестро́й до́ма у́мерли от го́лода. Оста́лся оди́н. Ро́дственников никого́ не оста́лось. Ну, че́рез год верну́лся с Куба́ни, ха́ту про́дал, пое́хал в Воро́неж. Снача́ла рабо́тал пло́тником, пото́м пошёл на заво́д, вы́учился на сле́саря. Ско́ро жени́лся. Жена́ воспи́тывалась в де́тском до́ме, сирото́й была́. Хоро́шая попа́лась мне де́вушка! Ти́хая, весёлая и

умная, не то, что я! С де́тства она́ узна́ла тяжёлую жизнь, э́то и отрази́лось на её хара́ктере. Е́сли со стороны́ на неё смотре́ть, - не была́ она́ о́чень краси́вой, но я не со стороны́ на неё смотре́л, а пря́мо в глаза́. И не́ было для меня́ краси́вее и лу́чше её, не́ было и не бу́дет!

Придёшь с рабо́ты уста́лый, а иногда́ и злой, как чёрт. Но она́ никогда́ не отвеча́ла мне на гру́бые слова́. Всегда́ была́ ла́сковая и ти́хая. Смотря́ на неё, я бы́стро отходи́л, мне станови́лось ле́гче. Я подходи́л к ней, обнима́л её и проси́л проще́ния. Хорошая была́ моя́ Ири́на.

Приходи́лось иногда́ по́сле полу́чки и выпива́ть с това́рищами. Никогда́ меня́ Ири́на не руга́ла за э́то.

Вско́ре у нас де́ти пошли́. Снача́ла сын роди́лся, че́рез год ещё две де́вочки... По́сле э́того я переста́л ча́сто встреча́ться с това́рищами. Всю полу́чку домо́й приноси́л - семья́ ста́ла больша́я, не до вы́пивки. В выходно́й день кру́жку пи́ва вы́пью и на э́том ставлю то́чку.

В два́дцать девя́том году́ увлёкся я маши́нами (автомоби́лями). Изучи́л автоде́ло, сел за руль (бара́нку) на грузови́к. Пото́м мне автоде́ло так понра́вилось, что я не захоте́л возвраща́ться на заво́д. За рулём показа́лось мне весело́е. Так и про́жил де́сять лет и не заме́тил, как они́ прошли́. Прошли́, как бу́дто во сне. Да что де́сять лет! Спроси́ у любо́го челове́ка, заме́тил он, как жизнь про́жил? Ничего́ он не заме́тил!

Рабо́тал я э́ти де́сять лет и день и ночь. Зараба́тывал хорошо́, и жи́ли мы не ху́же други́х. И де́ти ра́довали: все тро́е учи́лись на "отли́чно", а ста́рший, Анато́лий, оказа́лся таки́м спосо́бным к матема́тике, что про него́ в центра́льной газе́те писа́ли. О́чень я им горди́лся.

За де́сять лет скопи́ли мы немно́го де́нег и пе́ред войно́й постро́или себе́ до́мик в две ко́мнаты с кладово́й и коридо́ром. Ири́на купи́ла двух коз. Чего́ ещё бо́льше на́до? Де́ти ка́шу едя́т с молоко́м, кры́ша над голово́й есть, оде́ты, обу́ты, ста́ло быть, всё в поря́дке. То́лько постро́ил я дом на плохо́м ме́сте. Отвели́ мне уча́сток недалеко́ от авиазаво́да. Е́сли бы мой дом был в друго́м ме́сте, мо́жет быть, и жизнь сложи́лась бы ина́че.

Глава́ 3

Война́ начала́сь неожи́данно. На второ́й день приш-
ла́ пове́стка из военкома́та, а на тре́тий - пожа́луйте
в эшело́н. Провожа́ла меня́ вся семья́: Ири́на, Анато́-
лий и до́чери - На́стя и О́ля. Все держа́лись дово́льно
хорошо́, но Ири́на моя́ ... Тако́й я её за все семна́дцать
лет на́шей совме́стной жи́зни ни ра́зу не ви́дел. Но́чью
и у́тром она́ о́чень пла́кала. Пришли́ на вокза́л, а я на
неё от жа́лости смотре́ть не могу́: гу́бы от слёз рас-
пу́хли, во́лосы из под платка́ вы́бились и глаза́ таки́е
му́тные, как у ненорма́льного челове́ка. Команди́ры
объявля́ют поса́дку, а она́ меня́ обняла́, за ше́ю де́ржит,
не пуска́ет. И де́ти её угова́ривают и я, - ничего́ не
помога́ет! Други́е же́нщины с мужья́ми, с сыновья́ми раз-
гова́ривают, а моя́ прижа́лась ко мне, как лист к ве́т-
ке, и то́лько вся дрожи́т, а сло́ва сказа́ть не мо́жет.
Я и говорю́ ей: "Возьми́ же себя́ в ру́ки, ми́лая моя́
Ири́нка! Скажи́ мне хоть сло́во на проща́нье!" Она́ и
говори́т и за ка́ждым сло́вом всхли́пывает: "Ро́дненький
мой ... Андрю́ша ... не уви́димся ... мы с тобо́й ...
бо́льше ... на э́том ... све́те".

У меня́ само́го се́рдце на ча́сти разрыва́ется, а
тут она́ мне таки́е слова́ говори́т. Должна́ же пони-
ма́ть, что мне то́же нелегко́ с ни́ми расстава́ться.

Рассерди́лся я тогда́ и легко́ оттолкну́л её от себя́, а си́ла то у меня́ была́ больша́я. Отошла́ она́ от меня́ шага́ на́ три и опя́ть наза́д идёт и ру́ки протя́гивает, а я кричу́ ей:

"Да ра́зве же так проща́ются? Что ты меня́ ра́ньше вре́мени за́живо хоро́нишь?!"

Ну, опя́ть её о́бнял, ви́жу, что она́ не в себе́.

Он на полусло́ве оборва́л расска́з, и мне показа́лось, что он зарыда́ет. Чужо́е волне́ние передало́сь и мне. Посмотре́л я на расска́зчика, но ни одно́й слезы́ не уви́дел в его́ сло́вно бы мёртвых, ничего́ не ви́дящих глаза́х.

Он сиде́л, склони́в го́лову, то́лько больши́е, безво́льно опу́щенные ру́ки ме́лко дрожа́ли, дрожа́л по́дборо́док, дрожа́ли твёрдые гу́бы.

- Не на́до, друг, не вспомина́й! - ти́хо проговори́л

я, но он, наве́рно, не слы́шал мои́х слов и каки́м-то огро́мным уси́лием во́ли, побо́ров волне́ние, вдруг сказа́л охри́пшим, стра́нно измени́вшимся го́лосом:

- До са́мой сме́рти, до после́днего моего́ ча́са, помира́ть бу́ду, а не прощу́ себе́, что тогда́ её оттолкну́л!

Он сно́ва и надо́лго замолча́л. Пыта́лся свернуть папиро́су, но газе́тная бума́га рвала́сь, таба́к сы́пался на коле́ни. Наконе́ц он всё же ко́е-как сде́лал папиро́су, не́сколько раз затяну́лся и, пока́шливая, продолжа́л:

- Взял я лицо́ Ири́ны в ладо́ни, целу́ю, а у неё гу́бы, как лёд. Попроща́лся с дети́шками и уже́ на ходу́ вскочи́л в ваго́н. Из окна́ ваго́на я ещё раз уви́дел дете́й и Ири́ну, стоя́щую с прижа́тыми к груди́ рука́ми. Гу́бы у неё бы́ли бе́лые, как мел, что-то она́ шепта́ла, смотря́ на меня́, а сама́ всё вперёд клони́лась, бу́дто хоте́ла шагну́ть про́тив си́льного ве́тра ... Тако́й она́ и оста́лась на всю жизнь в мое́й па́мяти: ру́ки, прижа́тые к груди́, бе́лые гу́бы и широко́ раскры́тые глаза́ по́лные слёз ... Тако́й я её почти́ всегда́ и во сне ви́жу ... Заче́м я её тогда́ оттолкну́л? Се́рдце до сих пор, как вспо́мню, бу́дто тупы́м ножо́м ре́жут ...

Глава́ 4

Формирова́ли нас под Бе́лой Церко́вью. Да́ли мне "ЗИС-5". На нём я и пое́хал на фронт. Ну, про войну́ тебе́ не́чего расска́зывать, сам ви́дел и зна́ешь, как бы́ло в са́мом нача́ле. От свои́х пи́сьма получа́л ча́сто, а сам отвеча́л ре́дко. Писа́л, что пока́ всё в поря́дке, помале́ньку воюем и хотя́ сейча́с отступа́ем, но ско́ро соберёмся с си́лами и тогда́ дади́м фри́цам прикури́ть. А что ещё мо́жно бы́ло писа́ть? Тяжёлое вре́мя тогда́ бы́ло, не до пи́сем бы́ло.

То́лько не пришло́сь мне и го́да повоева́ть ... Два ра́за за э́то вре́мя был ра́нен, но о́ба ра́за легко́: оди́н раз в ру́ку, друго́й раз - в но́гу; пе́рвый раз пу́лей с самолёта, друго́й - оско́лком снаря́да. Везло́, везло́, да недо́лго. В ма́е 1942 го́да я попа́л в плен. Вот как э́то случи́лось: не́мец тогда́ си́льно наступа́л, и оказа́лась вся на́ша га́убичная батаре́я почти́ без снаря́дов. Нагрузи́ли мою́ маши́ну снаря́дами, и команди́р авторо́ты спроси́л: "Проско́чишь, Соколо́в?" А тут и спра́шивать не́чего бы́ло. "Ну, что за разгово́р!" - говорю́ я. "На́до проскочи́ть, зна́чит, проскочу́!" "Ну, говори́т, дуй! Жми на газ!"

Я и ду́нул. В жи́зни так не е́здил, как на э́тот раз! Знал, что не карто́шку везу́, что с э́тим гру́зом

осторо́жность нужна́, но кака́я же тут мо́жет быть осторо́жность, когда́ там ребя́та с пусты́ми рука́ми вою́ют. Прое́хал я киломе́тров шесть, дое́хал до доро́ги, кото́рая на батаре́ю ведёт, как вдруг ря́дом с мое́й маши́ной тяжёлый снаря́д разорва́лся. Не слыха́л я ни разры́ва, ничего́, то́лько в голове́ бу́дто что́-то ло́пнуло, и бо́льше ничего́ не по́мню. Как я оста́лся в живы́х тогда́ - не понима́ю, и ско́лько вре́мени пролежа́л - не по́мню. Очну́лся я, а встать не могу́: голова́ боли́т, в глаза́х темно́, и во всём те́ле стра́шная боль. По́сле мно́гих попы́ток, мне, наконе́ц, удало́сь встать. Стою́ и кача́юсь из стороны́ в сто́рону, как де́рево в бу́рю.

Когда́ я пришёл в себя́, опо́мнился и осмотре́лся как сле́дует: круго́м снаря́ды лежа́т, каки́е я вёз, а неподале́ку моя́ разби́тая маши́на вверх колёсами лежи́т, а бой-то уже́ сза́ди меня́ идёт ... Э́то как?

Вдруг у меня́ но́ги са́ми собо́й подкоси́лись, и я упа́л, потому́ что по́нял, что я в окруже́нии, в плену́ у фаши́стов. Вот оно́ как на войне́ быва́ет.

Ну вот, лежу́ я и слы́шу: та́нки иду́т. Пото́м полева́я ку́хня прое́хала, пото́м пехо́та пошла́. Посмотрю́ на них одни́м гла́зом и опя́ть прижму́сь щеко́й к земле́, глаза́ закро́ю: тяжело́ мне на них смотре́ть, и на се́рдце тяжело́ ...

Ду́мал, все прошли́, по́днял го́лову, а их шесть автома́тчиков - вот они́, шага́ют ме́трах в ста от меня́. Гляжу́ - сворачивают с доро́ги и пря́мо ко мне. Вот, ду́маю, и смерть моя́ пришла́. Я встал. Оди́н из них, не доходя́ не́скольких шаго́в, снял автома́т. Никако́й па́ники у меня́ не́ было. Я то́лько стоя́л, смотре́л на них и ду́мал: "Сейча́с он даст по мне коро́ткую о́чередь, а куда́ бу́дет бить? В го́лову и́ли поперёк груди́?"

Так оно́ и есть: це́лится он из автома́та, а я ему́ пря́мо в глаза́ смотрю́, молчу́, - а друго́й, ефре́йтор, что ли, что́-то кри́кнул, отодви́нул его́ в сто́рону, подошёл ко мне, говори́т что́-то по-сво́ему, а сам му́скулы на мое́й пра́вой руке́ про́бует. Попро́бовал и говори́т, пока́зывая на доро́гу в направле́нии на захо́д со́лнца: "Иди́, рабо́тать бу́дешь на наш тре́тий райх". Сня́ли с меня́ сапоги́ и отпра́вили на за́пад, в плен.

Идти́ бы́ло тяжело́, в час по киломе́тру де́лал, не бо́льше. Кача́ло меня́ из стороны́ в сто́рону, как пья́ного. Прошёл немно́го, и догоня́ет меня́ коло́нна на́ших пле́нных, из той же диви́зии, в како́й я был. Коло́нну вело́ челове́к де́сять автома́тчиков. Тот, кто впереди́ коло́нны шёл, уда́рил меня́ ру́чкой автома́та по голове́. Е́сли бы я упа́л, они́ меня́ сра́зу бы уби́ли, но на́ши подхвати́ли меня́ и с полчаса́ вели́ по́д руки.

Как то́лько со́лнце се́ло, не́мцы уси́лили конво́й. Прика́зано бы́ло идти́ быстре́е. На́ши тяжелора́неные не могли́ поспева́ть за остальны́ми, и их пристре́ливали пря́мо на доро́ге. В по́лночь мы пришли́ в како́е-то село́. Ночева́ть нас заста́вили в це́ркви с разби́тым ку́полом. На ка́менном полу́ соло́мы не́ было, а все мы бы́ли в гимнастёрках, без шине́лей. Ко́е на ко́м да́же гимнастёрок не́ было, одни́ ни́жние руба́шки. В большинстве́ э́то бы́ли мла́дшие команди́ры. Кителя́ и гимнастёрки они́ сня́ли, что́бы их от рядовых нельзя́ бы́ло отличи́ть.

Но́чью поли́л тако́й си́льный дождь, что все мы промо́кли. Среди́ но́чи слы́шу кто́-то тро́гает меня́ за́ руку, спра́шивает: "Това́рищ, ты не ра́нен?". Отвеча́ю ему́: "А тебе́ что на́до, брато́к?" Он и говори́т: "Я военвра́ч, мо́жет быть, могу́ че́м-нибудь помо́чь?" Я пожа́ловался ему́, что у меня́ си́льно боли́т ле́вое

плечо́. А он и говори́т: "Снима́й гимнастёрку и ни́жнюю руба́шку". Я снял всё э́то с себя́, а он на́чал мне ру́ку щу́пать о́коло плеча́, да так, что у меня́ всё в глаза́х потемне́ло. "Ты, ви́дно, ветерина́р, а не до́ктор. Что же ты мне так бо́льно де́лаешь, бессерде́чный ты челове́к?" - говорю́ я ему́. А он на меня́ то́лько посмотре́л и говори́т: "Не разгова́ривай! Сейча́с ещё больне́е бу́дет". Тут он меня́ так дёрнул за́ руку, что у меня́ и́скры из глаз посы́пались.

Очну́лся я и спра́шиваю: "Ты что ж де́лаешь, фаши́ст несча́стный? У меня́ рука́ разби́та, а ты её тя́нешь". Слы́шу он засмея́лся ти́хо и говори́т: "А ру́ку ты не разби́л, а вы́вихнул, вот я её на ме́сто и поста́вил. Ну, а как тепе́рь, лу́чше тебе́?" И в са́мом де́ле, я почу́вствовал, что боль куда́-то ухо́дит. Поблагодари́л я его́ серде́чно, а он да́льше пошёл в темноте́, ти́хо спра́шивает: "Ра́неные есть?" Вот что зна́чит настоя́щий до́ктор! Он и в плену́, и в темноте́ своё вели́кое де́ло де́лал.

Глава́ 5

Ужа́сная э́то была́ ночь. Выходи́ть из це́ркви никому́ не разреша́лось. Когда́ оди́н из на́ших на́чал стуча́ть в дверь и стал проси́ть, что́бы его́ вы́пустили, неме́цкий часово́й откры́л ого́нь и уби́л его́ и ещё трёх челове́к, а одного́ тяжело́ ра́нил.

Уби́тых сложи́ли мы в одно́ ме́сто, а са́ми се́ли и вполго́лоса ста́ли разгова́ривать: кто отку́да, како́й о́бласти, как в плен попа́л. В э́то вре́мя я слы́шу ря́дом с собо́й тако́й разгово́р. Оди́н говори́т: "Е́сли за́втра, пе́ред тем как нас поведу́т да́льше, нас вы́строят и бу́дут вызыва́ть комисса́ров, коммуни́стов и евре́ев, то ты, команди́р взво́да, не пря́чься! Из э́того де́ла у тебя́ ничего́ не вы́йдет. Ты ду́маешь, е́сли гимнастёрку снял, то тебя́ за рядово́го при́мут? Не вы́йдет! Я за тебя́ не хочу́ отвеча́ть. Я пе́рвый скажу́, кто ты! Я же зна́ю, что ты - коммуни́ст и меня́ агити́ровал поступи́ть в па́ртию, вот и отвеча́й за свои́ дела́". На э́то чей то молодо́й го́лос отвеча́ет: "Я всегда́ подозрева́л, что ты, Крыжнёв, нехоро́ший челове́к. Но никогда́ я не ду́мал, что ты смо́жешь стать преда́телем".

Замолча́ли они́, а мне от их разгово́ра пло́хо ста́ло. "Нет, - ду́маю, - не дам я тебе́ подлецу́ вы́дать

своего́ команди́ра! Ты у меня́ из э́той це́ркви не вы́йдешь, а вы́несут тебя́!" Под у́тро, когда́ ста́ло светле́е - ви́жу: ря́дом со мной лежи́т молодо́й здоро́вый па́рень, а о́коло него́ сиди́т в одно́й руба́шке ху́денький и о́чень бле́дный парни́шка. "Ну, - ду́маю, - ничего́ не сде́лает э́тот парни́шка с э́тим то́лстым па́рнем. Придётся мне его́ конча́ть!"

Тро́нул я его́ руко́й, спра́шиваю шёпотом: "Ты - команди́р взво́да?" Он ничего́ не отве́тил, то́лько голово́й кивну́л. "Э́тот хо́чет тебя́ вы́дать?" - показа́л я на то́лстого па́рня. Он опя́ть кивну́л голово́й. "Ну, - говорю́, - держи́ ему́ но́ги, да смотри́, что́бы не дви́гался!" - а сам я упа́л на э́того па́рня и на́чал души́ть его́. Он и кри́кнуть не успе́л, как всё бы́ло ко́нчено.

По́сле э́того мне ста́ло о́чень пло́хо и стра́шно захоте́лось ру́ки помы́ть, как бу́дто я не челове́ка, а змею́ задуши́л ... Пе́рвый раз в жи́зни уби́л, и то своего́ ... Да како́й же́ он свой? Он же ху́же чужо́го, преда́тель. Встал я и говорю́ взво́дному команди́ру: "Пойдём отсю́да, това́рищ, це́рковь больша́я".

У́тром всех нас вы́строили о́коло це́ркви, окружи́ли автома́тчиками и тро́е эсэ́совских офице́ров на́чали иска́ть среди́ нас коммуни́стов, команди́ров и комиссаров. Но таки́х не оказа́лось. Взя́ли то́лько четырёх из двухсо́т челове́к. Одного́ евре́я и трёх ру́сских

рядовы́х. Ру́сских взя́ли потому́, что все бы́ли чёрные с курча́выми волоса́ми. Вот подхо́дят к тако́му и спра-ши́вают: "Ю́де?" Он говори́т, что ру́сский, но его́ и слу́шать не хотя́т: "Выходи́!" - всё. Расстреля́ли их бе́дных, а нас погна́ли да́льше в По́знань.

Ви́дишь, како́е де́ло, брато́к, ещё с пе́рвого дня заду́мал я уходи́ть к свои́м. Но уходи́ть хоте́л наверня́ка. А в По́знанском ла́гере тако́й слу́чай нашёлся: в конце́ ма́я посла́ли нас в лесо́к во́зле ла́геря рыть моги́лы для на́ших же уме́рших военноплённых, - мно́го тогда́ люде́й у́мерло от дизенте́рии. Ро́ю я тогда́ по́з-нанскую зе́млю, а сам смотрю́ круго́м.

Вско́ре я заме́тил, что две́ на́ших охра́нников се́ли пое́сть, а тре́тий засну́л на со́лнышке. Бро́сил я лопа́ту и ти́хо пошёл за куст ... А пото́м побежа́л пря́мо на восхо́д со́лнца ...

За пе́рвые су́тки я прошёл почти́ со́рок киломе́тров. То́лько ничего́ из э́того у меня́ не вы́шло: на четвёртые су́тки, когда́ я уже́ был далеко́ от прокля́того ла́геря, пойма́ли меня́. Соба́ки шли по моему́ сле́ду, они́ меня́ и нашли́.

На двух мотоци́клах подъе́хали не́мцы. Снача́ла они́ меня́ би́ли, а пото́м пусти́ли на меня́ соба́к. В ла́герь меня́ привезли́ го́лого и всего́ в крови́. Ме́сяц я отсиде́л в ка́рцере за побе́г, но всё-таки живо́й ... живо́й я оста́лся!

Тяжело́ мне, брато́к, вспомина́ть, а ещё тяжеле́е расска́зывать о том, что пришло́сь мне пережи́ть в плену́. Как вспо́мнишь всех друзе́й - това́рищей, поги́бших в лагеря́х Герма́нии, так тяжело́ на се́рдце ста́нет.

Куда́ меня́ то́лько не вози́ли за два го́да пле́на! Полови́ну Герма́нии объе́хал за э́то вре́мя: и в Саксо́нии на заво́де рабо́тал, и в Ру́рской о́бласти на у́гольной ша́хте, и в Бава́рии на земляны́х рабо́тах му́чился, и в Тю́рингии побыва́л и чёрт те где то́лько не пришло́сь по неме́цкой земле́ походи́ть. Приро́да везде́ там, брато́к, ра́зная, но стреля́ли и би́ли нас везде́ одина́ково. И кулака́ми би́ли, и нога́ми,и рези́новыми па́лками ... Би́ли за то, что ты ру́сский. Би́ли за то, что не так на них смо́тришь, что не так хо́дишь, не так повора́чиваешься ...

Корми́ли везде́ одина́ково: полтора́ста грамм эрза́ц-хле́ба и жи́дкий суп. Кипято́к - где дава́ли, а где нет. Да что там говори́ть, суди́ сам: до войны́ ве́сил я во́семьдесят шесть килогра́мм, а к о́сени уже́ не бо́льше пяти́десяти. А рабо́ту дава́ли таку́ю, что и ло́шади тяже́ло бы́ло бы.

Глава́ 6

В нача́ле сентября́ из ла́геря под Кю́стрином перебро́сили нас, сто со́рок два челове́ка сове́тских военноплє́нных, в ла́герь Б-14, недалеко́ от Дре́здена. В э́то вре́мя в э́том ла́гере бы́ло о́коло двух ты́сяч на́ших. Все рабо́тали в каменоло́мне. Но́рма - четы́ре кубоме́тра в день на челове́ка, - заме́ть, на тако́го челове́ка, кото́рый едва́ на нога́х стои́т. Че́рез два ме́сяца от ста сорока́ двух челове́к на́шего эшело́на оста́лось пятьдеся́т семь.

Ка́к-то ве́чером верну́лись мы в бара́к с рабо́ты. Це́лый день шёл дождь. Все мы бы́ли мо́крые и голо́дные. Снял я с себя́ мо́крую оде́жду и говорю́: "Не́мцам четы́ре кубоме́тра на́до, а на моги́лу ка́ждому из нас и одного́ мно́го". Како́й-то подле́ц из военноплённых донёс об э́том комендáнту ла́геря.

Комендáнтом ла́геря был у нас не́мец Ми́ллер. Невысо́кого ро́ста и весь како́й-то бе́лый: и во́лосы на голове́ бе́лые, и бро́ви, и ресни́цы. По-ру́сски говори́л он прекра́сно, но как челове́к был о́чень плохо́й. Проходя́ ми́мо стро́я военноплённых, он бил ка́ждого второ́го в нос, кровь пуска́л. Э́то он называ́л "профила́ктикой от просту́ды". И так ка́ждый день.

Так вот э́тот са́мый комендáнт на друго́й день по́сле того́, как я про кубоме́тры сказа́л, вызыва́ет меня́ к себе́.

Попроща́лся я с това́рищами - все они́ зна́ли, что на смерть иду́, - и пошёл.

В канцеля́рии комендáнта, за больши́м столо́м, сиде́ло всё ла́герное нача́льство. Все пи́ли во́дку (шнапс) и заку́сывали. Пря́мо пе́редо мно́й ви́жу сидúт Мю́ллер, пистоле́том игра́ет, а сам смо́трит на меня́. Ну, я стою́ сми́рно и гро́мко докла́дываю: "Военноплённый Андре́й Соколо́в по ва́шему приказа́нию, герр комендáнт, яви́лся". Он спра́шивает меня́: "Так что же, Ива́н, четы́ре кубоме́тра - э́то мно́го?" - "Так то́чно, - говорю́, герр

комендáнт, вполнé хвáтит и дáже остáнется".

Он встал и говорúт: "Я тебé сдéлаю большýю честь - сейчáс лúчно расстреляю тебя́ за э́ти словá. Здесь неудóбно - пойдём во двор". - "Как прикáжете", - говорю́ я. Он постоя́л, подýмал, а потóм брóсил пистолéт на стол и наливáет пóлный стакáн вóдки, кусóчек хлéба с сáлом взял и всё э́то подаёт мне и говорúт: "Пéред смéртью вы́пей, Иван, за побéду немéцкого орýжия".

Как тóлько я услы́шал э́ти словá, постáвил я стакáн на стол, закýску положúл и говорю́: "Спасúбо, герр комендáнт, но я не пью". Он улыбáется. "Не хóчешь пить за нáшу побéду? В такóм слýчае вы́пей за свою́ смерть". А что мне бы́ло теря́ть? "За э́то я вы́пью", - говорю́ ему́. Затéм взял стакáн и срáзу вы́пил, а закýску не трóнул. "Спасúбо, герр комендáнт, пойдёмте, расстреля́йте меня".

Но он смóтрит внимáтельно так и говорúт: "Ты хоть закуси́ пéред смéртью". Я ему́ на э́то отвечáю: "Я пóсле пéрвого стакáна не закýсываю". Наливáет он второ́й, подаёт мне. Вы́пил я и второ́й и опя́ть же закýску не трóгаю: "Хоть напью́сь пéред тем, как на двор идти́". А комендáнт смóтрит на меня́ и спрáшивает: "Что же ты, Иван, всё пьёшь, а не закýсываешь? Не бóйся! Ешь!". А я ему́ опя́ть говорю́:

"Извини́те, герр комендáнт, я и пóсле второ́го стака́на не привы́к заку́сывать". Ми́ллер вдруг на́чал смея́ться и что́-то на́чал бы́стро говори́ть по-неме́цки - ви́дно, перево́дит мои́ сло́ва́ свои́м друзья́м. Те то́же засмея́лись и уже́, замеча́ю, как-то ина́че на меня́ смо́трят, не так стро́го.

Налива́ет мне комендáнт тре́тий стака́н. Э́тот стака́н я пил не торопя́сь. Вы́пив, я откуси́л ма́ленький кусо́чек хле́ба, а оста́ток положи́л на стол. Захоте́лось мне им, фаши́стам, показа́ть, что хотя́ я и умира́ю с го́лоду, но их еду́ я есть не собира́юсь.

По́сле э́того комендáнт стал серьёзный,вы́шел и́з-за стола́ и говори́т: "Вот что, Соколо́в, ты - настоя́щий ру́сский солда́т. Ты хра́брый солда́т. Я - то́же солда́т и поэ́тому я тебя́ не расстреля́ю. К то́му же сего́дня у нас больша́й пра́здник - на́ши войска́ взя́ли Сталингра́д. Э́то --я нас больша́я ра́дость, а поэ́тому я дарю́ тебе́ жизнь Ступа́й в свой бара́к, а э́то тебе́ за хра́брость", - и подаёт мне со стола́ небо́льшой хлеб и кусо́к са́ла.

И на э́тот раз смерть прошла́ ми́мо меня́.

Глава́ 7

Вско́ре переброси́ли нас, челове́к три́ста са́мых здоро́вых, в Ру́рскую о́бласть на ша́хты. Там и про́был я до 1944 го́да. К э́тому вре́мени не́мцы уже́ на́чали

прои́грывать войну́ и ста́ли лу́чше относи́ться к военнопле́нным. Ка́к-то постро́или нас, всю дневну́ю сме́ну, и како́й-то неме́цкий офице́р говори́т че́рез перево́дчика: "Кто служи́л в а́рмии и́ли до войны́ рабо́тал шофёром, - шаг вперёд". Вы́шло нас семь челове́к. Да́ли нам ста́рую рабо́чую оде́жду и посла́ли под охра́ной в го́род Потсда́м.

Меня́ там назна́чили рабо́тать в "То́дте" - учрежде́нии по строи́тельству доро́г и оборони́тельных сооруже́ний.

Вози́л я на маши́не "О́пель-адмира́л" не́мца инжене́ра в чи́не майо́ра а́рмии. Ох, и то́лстый же был фаши́ст! Це́лый день, быва́ло, ест, да конья́к пьёт. Ко́е-когда́ и мне кусо́чек дава́л: в доро́ге остано́вится, колбасы́ наре́жет, сы́ру, заку́сывает и выпива́ет; когда́ в хоро́шем настрое́нии, - и мне кусо́к бро́сит, как соба́ке. В ру́ки никогда́ не дава́л, всё броса́л. С ла́герем таку́ю

жизнь не сравни́ть, и стал я понемно́гу поправля́ться.

Неде́ли две вози́л я своего́ майо́ра из Потсда́ма в Берли́н и обра́тно, а пото́м посла́ли его́ в прифронтову́ю полосу́ на строи́тельство оборони́тельных рубеже́й про́тив на́ших. И тут я совсе́м спать переста́л: все но́чи ду́мал, как бы мне к свои́м, на Ро́дину, сбежа́ть.

Прие́хали мы в го́род По́лоцк. Ра́но у́тром услы́шал я в пе́рвый раз за два го́да, как стреля́ет на́ша артилле́рия и, зна́ешь, брато́к, как се́рдце заби́лось? Бои́ шли восто́чнее По́лоцка, уже́ киломе́трах в восемна́дцати. Не́мцы в го́роде о́чень не́рвными ста́ли, а мой майо́р всё ча́ще выпива́ть стал. Днём со мной е́здит, а но́чью оди́н пьёт.

"Ну, - ду́маю, - ждать бо́льше не́чего, пришёл мой час! И на́до мне не одному́ бежа́ть, а и майо́ра с ссобо́й взять, на́шим он ну́жен бу́дет!" За два дня пе́ред тем, как я от не́мцев бежа́л, напо́лнил я бак бензи́ном и е́ду домо́й, ви́жу - идёт пья́ный неме́цкий сержа́нт. Останови́л я маши́ну, отвёл не́мца в разби́тый дом и снял с него́ фо́рму. Положи́л я её в маши́ну под сиде́нье и бы́стро уе́хал.

У́тром два́дцать девя́того ию́ня прика́зывает мой майо́р вези́ти его́ за́ город, в направле́нии Тро́сницы. Там он руководи́л постро́йкой укрепле́ний. Вы́ехали. Майо́р на за́днем сиде́нье споко́йно дре́млет. Е́хал я

бы́стро, но за го́родом сба́вил газ, пото́м останови́л машину, вы́шел и посмотре́л круго́м - никого́. Взял я ка́мень и уда́рил майо́ра два ра́за по голове́, но убива́ть до сме́рти не хоте́л. Мне его́ живо́го на́до бы́ло доста́вить, - он на́шим мно́го ко́е-чего́ до́лжен был рассказа́ть. Пистоле́т майо́ра я положи́л себе́ в карма́н, наде́л неме́цкую фо́рму и бы́стро пое́хал пря́мо туда́, где бой шёл.

Неме́цкий пере́дний край оборо́ны тяну́лся ме́жду двумя́ дзо́тами. Из одного́ дзо́та вы́бежали автома́тчики, и я наро́чно пое́хал ме́дленнее, что́бы они́ ви́дели, что майо́р е́дет. Но они́ на́чали крича́ть, что да́льше нельзя́ е́хать. Я сде́лал вид, что не понима́ю, и бы́стро пое́хал вперёд. Пока́ они́ по́няли в чём де́ло и на́чали стреля́ть из пулемётов, я уже́ на ничье́й земле́ был. С одно́й стороны́ не́мцы стреля́ют, а с друго́й - свои́. Стекло́ и радиа́тор проби́ли ... Но вот уже́ лес над о́зером, на́ши бегу́т к маши́не, а я маши́ну останови́л, дверь откры́л, упа́л на зе́млю и целу́ю её, и дыша́ть мне не́чем ...

Снача́ла на́ши поду́мали, что я не́мец, но я снял с себя́ неме́цкую фо́рму и говорю́ им: "Како́й же я не́мец, когда́ я настоя́щий ру́сский?! В плену́ я был, вот и всё. А сейча́с веди́те меня́ и э́того то́лстого не́мца к ва́шему команди́ру".

Меня́ сра́зу допроси́ли, вы́дали но́вое обмундирова́ние, а ве́чером отвели́ к полко́внику - команди́ру ди-ви́зии. Полко́вник встал и́з-за стола́, пошёл мне навстре́чу. При всех офице́рах о́бнял и говори́т:

"Спаси́бо тебе́, солда́т, за дорого́й пода́рок, кото́рый ты привёз от не́мцев. Твой майо́р с портфе́лем нам доро́же двадцати́ военноплённых. Неме́дленно же предста́влю тебя́ к прави́тельственной награ́де". Мне так ста́ло тепло́ от его́ ла́ски, но от волне́ния я смог то́лько сказа́ть: "Прошу́, това́рищ полко́вник, зачи́слить меня́ в строеву́ю часть".

Но полко́вник засмея́лся и сказа́л: "Како́й из тебя́ бое́ц, е́сли ты едва́ на нога́х стои́шь? Сего́дня же отпра́влю тебя́ в го́спиталь. Полежи́ там, а когда́ попра́вишься, - на ме́сяц в о́тпуск к семье́ съе́здишь, а пото́м посмо́трим, что бу́дем с тобо́й де́лать".

И полко́вник, и все офице́ры, каки́е у него́ бы́ли, попроща́лись со мной за́ руку, и вы́шел я дово́льный и счастли́вый, потому́ что за два го́да не ви́дел я хоро́шего челове́ческого обраще́ния.

Глава́ 8

Из го́спиталя сра́зу же написа́л Ири́не письмо́. Описа́л всё ко́ротко, как бы́ло в плену́, как бежа́л вме́сте с неме́цким майо́ром, и да́же о награ́де написа́л. Две неде́ли спал и ел. Корми́ли меня́ понемно́гу, но ча́сто, ина́че, как сказа́л до́ктор, я мог бы умере́ть, е́сли бы сра́зу на́чал мно́го есть.

До́лго я ждал, но отве́та и́з дому не́ было. И ста́ло мне о́чень тяжело́ ... На тре́тьей неде́ле получа́ю я письмо́ из Воро́нежа. Но пи́шет не Ири́на, а сосе́д мой, столя́р Ива́н Тимофе́евич. Не дай Бог никому́ таки́х пи́сем получа́ть! Сообща́ет он, что ещё в ию́не со́рок второ́го го́да не́мцы бомби́ли авиазаво́д, и одна́ тяжёлая бо́мба попа́ла пря́мо в мой дом. Ири́на и до́чери как раз бы́ли до́ма ... Ну, пи́шет, что их не нашли́, а вме́сто до́ма - глубо́кая я́ма ... Не дочита́л я в э́тот раз письма́ до конца́. Пло́хо мне ста́ло. Лёг я на крова́ть; немно́го полежа́л, а пото́м дочита́л. Пи́шет сосе́д, что Анато́лий во вре́мя бомбёжки был в го́роде. Ве́чером пришёл домо́й, посмотре́л на я́му и но́чью опя́ть ушёл в го́род. Пе́ред ухо́дом сказа́л сосе́ду, что бу́дет проси́ться добровольцем на фронт. Вот и всё.

Когда́ мне ле́гче ста́ло, вспо́мнил я, как тяжело́ расстава́лась со мной моя́ Ири́на на вокза́ле ... Была́ семья́, свой дом, всё э́то создава́лось года́ми, а тепе́рь

оста́лся оди́н я.

Расска́зчик на мину́ту замолча́л, а пото́м сказа́л уже́ други́м, ти́хим го́лосом:

- Дава́й, брато́к, заку́рим, а то мне что́-то пло́хо.

Мы закури́ли и до́лго сиде́ли ти́хо, не разгова́ривая. Молча́ть бы́ло тяжело́ и я спроси́л:

- Что же да́льше?

- Да́льше-то? - не́хотя отозва́лся расска́зчик. -

Да́льше я получи́л от полко́вника ме́сячный о́тпуск. Че́рез неде́лю был уже́ в Воро́неже. Пешко́м дошёл до ме́ста, где когда́-то с семьёй жил. Глубо́кая я́ма была́ полна́ водо́й, круго́м трава́ и тишина́, как на кла́дбище. Ох, и тяжело́ же мне бы́ло, брато́к! Постоя́л я там немно́го и опя́ть пошёл на вокза́л. В э́тот же день уе́хал я обра́тно в диви́зию.

Неожи́данно, че́рез ме́сяца три, нашёлся Анато́лий. Присла́л мне письмо́ на фронт. А́дрес мой узна́л от сосе́да, Ива́на Тимофе́евича. Попа́л он снача́ла в

артиллери́йское учи́лище. Око́нчил его́ с отли́чием, пошёл на фронт и вот уже́ пи́шет, что получи́л зва́ние капита́на, кома́ндует батаре́ей, име́ет шесть орденов и меда́ли. О́чень я э́тому обра́довался. Что ни говори́, а мой родно́й сын - капита́н и командир батаре́и, э́то не шу́тка! И на́чал я по ночам мечта́ть: как война́ ко́нчится, как я сы́на женю́ и сам при них жить бу́ду, рабо́тать и с вну́ками игра́ть. Но и тут ничего́ не вы́шло. Зимо́й мы всё вре́мя наступа́ли, и ча́сто писа́ть друг дру́гу бы́ло невозмо́жно. К концу́ войны́, уже́ во́зле Берли́на, у́тром посла́л Анато́лию письмо́, а на друго́й день получи́л отве́т. И тут я по́нял, что подошли́ мы с сы́ном к германской столи́це в одно́ и то же вре́мя, то́лько ра́зными доро́гами. С нетерпе́нием на́чал я ждать на́шей встре́чи. Ну, вот и встре́тились ... То́чно, девя́того ма́я у́тром, в День Побе́ды, уби́л моего́ Анато́лия неме́цкий сна́йпер ...

Во второ́й полови́не дня вызыва́ет меня́ командир ро́ты. Смотрю́, сиди́т у него́ незнако́мый мне артиллери́йский подполко́вник. Я вошёл в ко́мнату, а подполко́вник встал, подошёл ко мне и говори́т: "Будь хра́брым, оте́ц! Твой сын, капита́н Соколо́в, уби́т сего́дня на батаре́е. Пойдём со мной!"

Когда́ я услы́шал э́то, у меня́ закружи́лась голова́, и я чуть не упа́л. Не по́мню, как мы дое́хали. По́мню то́лько солда́тский строй и гроб.

Подошёл я к гро́бу. Мой сын лежи́т в нём и не мой. Мой - был всегда́ улыба́ющийся, худо́й ма́льчик, а тут лежи́т молодо́й, краси́вый мужчи́на ... Поцелова́л я его́ и отошёл в сто́рону. Подполко́вник речь сказа́л. Това́рищи - друзья́ моего́ Анато́лия слёзы вытира́ют, а у меня́ да́же и слёз не оста́лось.

Похорони́л я в чужо́й, неме́цкой земле́ после́днюю свою́ ра́дость и наде́жду ... Прие́хал я в свою́ часть сам не свой. Но тут ско́ро меня́ демобилизова́ли. Куда́ идти́? В Воро́неж? Ни за что́! Вспо́мнил, что в Урю́пинске живёт мой друг, - он когда́-то приглаша́л меня́ к себе́, - вспо́мнил и пое́хал в Урю́пинск.

Глава 9

У моего́ прия́теля и у его́ жены́ не́ было дете́й, жи́ли они́ в со́бственном до́мике на краю́ го́рода. Он хотя́ и был инвали́д, но рабо́тал шофёром в авторо́те; устро́ился и я туда́ же. Они́ меня́ хорошо́ при́няли, и стал я у них жить. Ра́зные гру́зы перевози́ли мы в райо́ны, а о́сенью вози́ли хлеб. В э́то вре́мя я и познако́мился с мои́м но́вым сы́ном, вот с э́тим, кото́рый в песке́ игра́ет.

Из ре́йса, быва́ло, вернёшься в го́род, пойдёшь пе́рвым де́лом в столо́вую пое́сть чего́-нибудь, ну, коне́чно, и во́дки вы́пить. На́до сказа́ть, что пил я тогда́ мно́го. И вот оди́н раз ви́жу во́зле столо́вой э́того ма́льчика, на друго́й день - опя́ть ви́жу. Ма́ленький тако́й, лицо́ гря́зное, оде́т пло́хо, а глаза́ больши́е, как звёздочки. И до того́ он мне понра́вился, что я без него́ скуча́ть на́чал, спешу́ домо́й из ка́ждого ре́йса, что́бы поскоре́е его́ уви́деть. О́коло столо́вой он и ел, кто что даст.

На четвёртый день пря́мо из совхо́за подъезжа́ю к столо́вой. Мальчи́шка мой там, сиди́т и ждёт, что́бы кто́-нибудь пое́сть дал. Откры́л я окно́ в маши́не и кричу́: "Эй, Ванюша! Сади́сь скоре́е ко мне в маши́ну, пое́дем на элева́тор, а отту́да вернёмся сюда́, пообе́даем". Он бы́стро прибежа́л, сел в маши́ну и говори́т: "А вы отку́да зна́ете, дя́дя, что меня́ Ва́ней зову́т?" Глаза́ больши́е широко́ откры́ты, ждёт, что я ему́ отве́чу. Ну, я ему́ говорю́, что я всё зна́ю.

Че́рез не́которое вре́мя я его́ спра́шиваю: "Где же твой оте́ц, Ва́ня?" А он ше́пчет: "Поги́б на фро́нте" - "А ма́ма?" - "Ма́му бо́мбой уби́ло в по́езде, когда́ мы е́хали". - "А отку́да вы е́хали?" - "Не зна́ю, не по́мню..." - "И никого́ у тебя́ тут из ро́дственников нет?" - "Никого́". - "Где же ты спишь?" - "Где придётся".

Как услы́шал я всё э́то, мне так бо́льно ста́ло, что реши́л я его́ свои́м сы́ном сде́лать. И сра́зу у меня́ на душе́ так хорошо́ ста́ло. Наклони́лся я к нему́ и спра́шиваю: "Ванюша, а ты зна́ешь, кто я тако́й?" А он ше́пчет: "Кто?" Я ему́ и говорю́: "Я твой оте́ц".

Бо́же мой, что тут случи́лось! На́чал он меня́ целова́ть и в ше́ю, и в щёки, и в гу́бы, и в лоб, а сам всё кричи́т: "Па́пенька мой дорого́й! Я знал! Я знал, что ты меня найдёшь!" А у меня́ в глаза́х тума́н и ру́ки трясу́тся. Так разволнова́лся, что да́же в кана́ву въе́хал. Постоя́л я так мину́т пять, а пото́м вме́сто того́ что́бы е́хать на элева́тор, поверну́л маши́ну и пое́хал на свою́ кварти́ру.

Оста́вил я маши́ну у воро́т. Взял его́ на́ руки и понёс в дом. Хозя́ин с хозя́йкой бы́ли до́ма. Вошёл я, морга́ю обо́ими глаза́ми, и бы́стро говорю́: "Вот и нашёл я своего́ Ванюшу!"

Хозя́ева сра́зу по́няли в чём де́ло. Вы́мыл я Ва́не ру́ки и посади́л за стол. Хозя́йка ему́ су́пу в таре́лку налила́. Уви́дев, как он бы́стро ест суп, хозя́йка запла́кала. Ванюша́ мой уви́дел, что она́ пла́чет, подбежа́л к ней и говори́т: "Тётя, заче́м же вы пла́чете? Па́па нашёл меня́ во́зле столо́вой, тут всем ра́доваться на́до, а вы пла́чете!"

По́сле обе́да повёл я Ва́ню в парикма́херскую, постри́г, а пото́м купи́л ему́ в го́роде оде́жду.

Ве́чером я лёг вме́сте с ним спать и в пе́рвый раз за до́лгое вре́мя усну́л споко́йно.

Пе́рвое вре́мя Ва́ня со мной на маши́не в ре́йсы е́здил, пото́м по́нял я, что так нельзя́. Одному́ мне что на́до? Кусо́к хле́ба и лу́ка с со́лью - вот и сыт солда́т на це́лый день. А с ним де́ло друго́е: то молока́ ему́ на́до доста́ть, то чего́-нибудь горя́чего. Оста́вил я его́ до́ма с хозя́йкой. Но он до́лго не вы́держал, убежа́л ве́чером на элева́тор встреча́ть меня́. До по́здней но́чи ожида́л там.

Оди́н раз легли́ мы спать ра́но - днём я мно́го рабо́тал и о́чень уста́л. Ва́ня всегда́ люби́л поговори́ть,

а тут что́-то лежи́т и молчи́т. Спра́шиваю: "Ты о чём ду́маешь, сыно́к?" А он меня́ спра́шивает, сам в потоло́к смо́трит: "Па́па, где твоё ко́жаное пальто́?" В жи́зни у меня́ никогда́ ко́жаного пальто́ не́ было! Пришло́сь что́-то бы́стро приду́мать. "В Воро́неже оста́лось", - говорю́ я ему́. "А почему́ ты так до́лго меня́ иска́л?" Отвеча́ю ему́: "Я тебя́, сыно́к, и в Герма́нии иска́л, и в По́льше, и всю Белору́ссию прошёл и прое́хал, а ты в Урю́пинске оказа́лся". "А Урю́пинск бли́же к Герма́нии? А до По́льши далеко́ от на́шего до́ма?" Так и разгова́ривали с ним, пока́ не засну́ли.

А что ты ду́маешь, брато́к, почему́ э́то он меня́ про ко́жаное пальто́ спра́шивал? Зна́чит, когда́-то настоя́щий оте́ц носи́л тако́е пальто́, вот он и запо́мнил.

В Урю́пинске мы про́жили до ноября́. В ноябре́ случи́лось несча́стье: в одно́м колхо́зе занесло́ мою́ маши́ну, и я уда́рил коро́ву. Ну, изве́стное де́ло, ба́бы на́чали крича́ть, собра́лся наро́д, и автоинспе́ктор появи́лся. Коро́ва вста́ла и пошла́ да́льше, как бу́дто бы ничего́ не случи́лось, а у меня́ отобра́ли шофёрскую кни́жку.

Зи́му я прорабо́тал пло́тником, а пото́м написа́л письмо́ прия́телю - шофёру в Кашарский райо́н. Прия́тель меня́ пригласи́л к себе́. Пи́шет, что снача́ла

пораб́отаешь полго́да пло́тником, а там в на́шей о́бласти вы́дадут тебе́ но́вую кни́жку. Вот мы с сы́ном и идём пешко́м в Каша́ры.

Да́же е́сли бы у меня́ и не случи́лось э́той ава́рии с коро́вой, я всё равно́ бы ско́ро ушёл из Урю́пинска. Не могу́ я до́лго жить на одно́м ме́сте. Вот когда́ Ва-ню́шу на́до бу́дет в шко́лу отдава́ть, тогда́ друго́е де́ло - придётся жить на одно́м ме́сте. А сейча́с пока́ хо́-дим мы с ним по ру́сской земле́.

- Тяжело́ ему́ ходи́ть, - сказа́л я.

- Так он совсе́м на свои́х нога́х не хо́дит, всё бо́льше на мне е́здит.

Всё э́то, брато́к, ничего́, да вот се́рдце у меня́ что́-то плохо́е ста́ло. Иногда́ так боли́т, что в гла-за́х темно́ стано́вится. Бою́сь, что когда́-нибудь ум-ру́ во сне и напуга́ю своего́ сыни́шку.

В лесу́ послы́шался го́лос моего́ това́рища.

Чужо́й, но ста́вший мне бли́зким челове́к встал, протяну́л большу́ю, твёрдую, как де́рево, ру́ку и ска-за́л:

- Проща́й, брато́к, всего́ хоро́шего!

- И тебе́ то́же, счастли́вого пути́!

- Спаси́бо.

Оте́ц позва́л сы́на, взял его́ за́ руку, и они́ пошли́ по направле́нию к ло́дке.

До́лго я смотре́л им вслед, и так тяжело́ бы́ло у меня́ на се́рдце.

СЛОВА́РЬ К РАССКА́ЗУ "СУДЬБА́ ЧЕЛОВЕ́КА"

Глава́ 1

дуть подуть	to blow
разлива́ться разли́ться	to overflow
стани́ца	large cossack village
бри́чка	carriage
колесо́	wheel
прова́ливаться провали́ться	to fall through
перепра́ва	crossing
покрыва́ть покры́ть	to cover (distance)
помеща́ться помести́ться	to be accommodated, be placed
отпуска́ть отпусти́ть	to let go, dismiss
вычёрпывать вы́черпнуть	to scoop out
ху́тор	cossack farm
огорче́ние	grief
мо́крый, -ая, -ое, -ые	wet
размока́ть размо́кнуть	to get sodden, get soaked
по по́яс	waist high
облива́ть обли́ть	to drench

раскла́дывать разложи́ть	to spread out, lay out
высыха́ть вы́сохнуть	to dry out
пожима́ть пожа́ть	to shake,press
протяну́ть ру́ку	to stretch out one's hand
наклоня́ться наклони́ться	to bend forward (to)
сме́ло	boldly, bravely
ката́ть снежки́	to roll (to play) snowballs
вещево́й мешо́к	duffel bag
беда́	trouble
разуверя́ть разуве́рить	to dissuade
загора́ть	to take a sun-bath
шёлк	silk
кисе́т	tobacco pouch
развёртывать развернуть	to unfold
опережа́ть опереди́ть	to outstrip
го́рбиться сго́рбиться	to stoop, become bent
Мне ста́ло не по себе́.	I began to feel uneasy.
собесе́дник	companion (in conversation)
Но́ги не промочи́!	Don't get your feet wet!

Глава́ 2

рассма́тривать рассмотре́ть	to examine, look
расчёт	calculation
шерсть (f.)	wool
вы́глядеть	to appear, look
што́пать заштопать	to mend
ва́тник	quilted jacket
вдове́ц	widower
урожéнец	native
пло́тник	carpenter
сле́сарь	metal craftsman/worker
сирота́	orphan
отража́ться отрази́ться	to have an effect (on), affect
отходи́ть отойти́	to come to oneself, recover
обнима́ть обня́ть	to embrace
увлека́ться увле́чься	to take great interest, be carried away
горди́ться	to be proud
копи́ть скопи́ть	to save money
кладова́я	pantry, storeroom
коза́ (gen.pl. коз)	(she) goat
обува́ть обу́ть (PPP - обу́т, -а, -ы)	to provide with shoes, boots

отводи́ть отвести́	to allot
скла́дываться сложи́ться	to be formed

Глава́ 3

пове́стка	draft notice
военкома́т (вое́нный комиссариа́т)	draft board
провожа́ть проводи́ть	to see off
держа́ться	to restrain oneself
совме́стная жизнь	life together
распуха́ть распу́хнуть	to swell up
выбива́ться вы́биться	to get out, come out
му́тный, ´-ая, ´-ое, ´-ые	turbid, troubled
поса́дка	boarding
прижима́ться прижа́ться	to press oneself (to)
Возьми́ же себя́ в ру́ки!	Take hold of yourself!
всхли́пывать всхли́пнуть	to sob
разрыва́ться разорва́ться	to break
расстава́ться расста́ться	to part (with)
отта́лкивать оттолкну́ть	to push away
за́живо	while alive

обрыва́ть оборва́ть	to break off
зарыда́ть	to begin to sob
мёртвый,-ая,-ое,-ые	lifeless,dead
склоня́ть склони́ть	to bend
безво́льно	lifelessly, weakly
опуска́ть опусти́ть	to drop, drop down
ме́лко дрожа́ть	to quiver
подборо́док	chin
губа́	lip
уси́лие	effort
во́ля	will
поборо́ть	to subdue
охри́пший,-ая,-ее,-ие	hoarse
пыта́ться попыта́ться	to try
свёртывать свернуть	to roll up
рва́ться	to be torn
сы́паться	to pour
коле́но (pl.коле́ни)	knee
жа́дно жа́дный,-ая,-ое,-ые	greedily greedy
затя́гиваться затяну́ться	to inhale (smoke)
ладо́нь (f.)	palm

вска́кивать вскочи́ть	to jump (into)
шага́ть шагну́ть	to step
тупо́й,-а́я,-о́е,-ы́е	dull
ре́зать	to cut

Глава́ 4

формирова́ть	to form, organize
собира́ться с си́лами собра́ться	to summon one's strength
пу́ля	bullet
проскочи́ть	to get through
нагружа́ть нагрузи́ть	to load
Дуй!	Go! (slang)
Жми на газ!	Step on gas!
осторо́жность (f.)	caution
разрыва́ться разорва́ться	to explode
ло́паться ло́пнуть	to burst
очну́ться	to regain consciousness
те́ло	body
кача́ться	to reel from side to side
бу́ря	storm
опо́мниться	to come to one's senses, collect oneself
осма́триваться осмотре́ться	look about (round)

как сле́дует	well, properly
сжима́ть сжать	to squeeze
У меня́ но́ги подкоси́лись.	My legs went limp on me.
сворáчивать с доро́ги	to swing off the road
коро́ткая о́чередь (f.)	short burst
поперёк	across
це́литься	to aim
му́скул	muscle
сапоги́	boots
подхва́тывать подхвати́ть	to catch
поспева́ть поспе́ть	to keep up with
пристре́ливать пристрели́ть	to shoot, kill
соло́ма	straw
гимнастёрка	field shirt (blouse)
шине́ль (f.)	overcoat (military)
ки́тель	uniform blouse
отлича́ть отличи́ть	to distinguish
поли́ть	begin to pour
промо́кнуть	to get wet, soaked
щу́пать пощу́пать	to feel, touch
плечо́	shoulder

и́скра	spark
тяну́ть потяну́ть	to pull
вы́вихнуть	to dislocate

Глава́ 5

ужа́сный,-ая,-ое,-ые	dreadful
выпуска́ть вы́пустить	to let out
вполго́лоса	in a low voice
евре́й (gen.pl. евре́ев)	Jew
пря́таться спря́таться	to hide, conceal oneself
принима́ть приня́ть	to accept, receive
подозрева́ть	to suspect
преда́тель	traitor, betrayer
подле́ц	scoundrel
выдава́ть вы́дать	to betray
па́рень (парни́шка)	guy, fellow
шёпот	whisper
кива́ть кивну́ть	to nod
души́ть задуши́ть	to strangle
змея́	snake
выстра́ивать вы́строить	to form, line up

окружа́ть окружи́ть	to surround
курча́вый,ʹ-ая,ʹ-ое,-ые	curly
гнать погна́ть	to drive on
наверняка́	for sure
рыть	to dig
моги́ла	grave
дизентери́я	dysentery
охра́нник	guard
отсиде́ть	to stay, serve one's time in jail
ка́рцер	solitary cell
побе́г	escape, flight
переживать пережи́ть	to live through, experience, suffer
ша́хта	mine
му́читься	to suffer, worry, feel unhappy
кула́к	fist
рези́новый,-ая,ʹ-ое,-ые	rubber
па́лка	stick
поворачиваться повернуться	to turn (round)
эрза́ц-хлеб	artificial bread
жи́дкий,ʹ-ая,ʹ-ое,-ие	thin, watery, liquid
кипято́к	boiling water

Глава́ 6

перебра́сывать перебро́сить	to transfer
каменоло́мня	quarry
но́рма	quota
кубоме́тр	cubic meter
бровь (f.)	eyebrow
ресни́ца	eyelash
профила́ктика	preventive inspection, prophylaxis
заку́сывать заку́сить	to have a snack
заку́ска	hors d'oeuvre, snack, appetizer
честь (f.)	honor
напива́ться напи́ться	to get drunk
отку́сывать отку́сить	to bite off
оста́ток	remainder, rest

Глава́ 7

вско́ре	soon, shortly after
дневна́я сме́на	day shift
учрежде́ние	institution, establishment, firm
строи́тельство	building, construction
сооруже́ние	structure, construction
чин (зва́ние)	rank
поправля́ться попра́виться	to get well, recover

рубе́ж	line
заби́ться	to begin to beat
наполня́ть напо́лнить	to fill
разби́тый, ´-ая, ´-ое, -ые	demolished, broken
укрепле́ние	fortification
дрема́ть	to doze
сбавля́ть газ сба́вить	to reduce speed
дзот	earth and timber pillbox
представля́ть предста́вить	to recommend
ла́ска	kindness
зачисля́ть зачи́слить	to enlist
едва́	barely, hardly
челове́ческое обраще́ние	human/kind treatment

Глава́ 8

я́ма	hole, pit
добровоо́лец	volunteer
создава́ться созда́ться	to be created
не́хотя	unwillingly, reluctantly
отзыва́ться отозва́ться	to respond, answer
кла́дбище	cemetery
учи́лище	military school, school

с отли́чием	with honors
что ни говори́	say what you like
строй	formation
гроб	coffin
хорони́ть похорони́ть	to bury
сам не свой	not self

Глава́ 9

рейс	trip, run
звезда́ (звёздочка)	star (little star)
губа́	lip
лоб	forehead
шепта́ть	to whisper
морга́ть	to wink, blink
ба́ба	(peasant) woman